

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2021

Том 21

Выпуск 2

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Черевичко Т. В.** Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов 126
- Голубин Р. В., Исакова И. А., Коротышев А. П., Рыхтик П. П.** Интернет-технологии воздействия на социально-политическую активность молодежи: социологический анализ 131
- Покатов Д. В.** Этнократическая элита в структуре элитных групп современного российского общества 138
- Нотман О. В.** Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы 143
- Рассадина Т. А.** Некоторые дисфункциональные аспекты социальной конкуренции в вузах 150
- Зверев А. И., Карачков С. М.** Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития 156
- Елютина М. Э., Ивахнова И. Д.** Смысловые составляющие позднего вдовства 162
- Калинникова М. В., Сосина И. Н.** Социологические аспекты благоустройства заовражных территорий города Саратова 167
- Mogilevich V. R.** Socio-cultural context of speech conflicts [Могилевич Б. Р. Социокультурный контекст речевых конфликтов] 172
- Курникова М. В.** Физическая культура и спорт как социальное пространство 175

Политология

- Шестов Н. И.** «Плохая/хорошая политика» как политологический концепт 182
- Белозёров В. К.** Пространство и граница России в ценностном измерении 190
- Онопко О. В.** Внешнеполитическая экспертиза: поливариантность исследовательских подходов в политической науке 196
- Вилков А. А.** Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года 203
- Трифонов Ю. В.** Формирование патриотизма: политико-идеологические смыслы и технологии 211
- Митрохин В. А., Утешев Е. Т.** Место и роль национально-культурных организаций в политическом пространстве саратовского приграничья 218
- Семенова В. Г., Скорородова О. С., Зозуля П. Ю.** Представительство башкирских национальных интересов в политическом процессе современной России: механизмы, институты, неформальные практики 226

Слово молодым политологам

- Пупышева М. В.** Приоритеты внешней культурной политики современной Испании 233
- Рафиков А. И.** Особенности рекламных коммуникаций оппозиционного кандидата (на материалах предвыборной кампании П. Н. Грудина) 238

От редколлегии

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.05.21.

Подписано в свет 31.05.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 64-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Cherevichko T. V.** Migration risk management in the context of transformation of global migration processes 126
- Golubin R. V., Isakova I. A., Korotyshev A. P., Rychtik P. P.** Internet technologies influence on sociopolitical activity of youth: Sociological analysis 132
- Pokatov D. V.** The ethnocratic elite in the structure of modern Russian society's elite groups 138
- Notman O. V.** The conceptualization of "megacity": formal-quantitative, legal, functional and systemic approaches 143
- Rassadina T. A.** Some dysfunctional aspects of social competition in universities 150
- Zvrev A. I., Karachkov S. M.** Atomic CATF as a special type of monotown: Prospects and problems of development 156
- Elutina M. E., Ivakhnova I. D.** The meaningful components of late widowhood 162
- Kalinnikova M. V., Sosina I. N.** Sociological aspects of improving the contaminated territories of Saratov 167
- Mogilevich B. R.** Socio-cultural context of speech conflicts 172
- Kurnikova M. V.** Physical culture and sport as a social space 175

Politology

- Shestov N. I.** "Bad/good politics" as a concept of political science 183
- Belozеров V. K.** Russia's space and border in the value dimension 190
- Onopko O. V.** Foreign policy expertise: Polyvariety of research approaches in political science 196
- Vilkov A. A.** The leading "left" Russian parties on the eve of State Duma election-2021 203
- Trifonov Yu. N.** Formation of patriotism: Political and ideological meanings and technologies 211
- Mitrokhin V. A., Uteshev E. T.** The place and role of national and cultural organizations in the political space of Saratov border zone 218
- Semenova V. G., Skorohodova O. S., Zozulya P. Yu.** Bashkir national interests' representation within political process of modern Russia: Mechanisms, institutions, and informal practices 226

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Pupysheva M. V.** Priorities of the foreign cultural policy of modern Spain 233
- Rafikov A. I.** Advertising communications of an opposition candidate (A case study of Pavel Grudinin's electoral campaign) 238

From the editorial board

243

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, Ph.D. политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

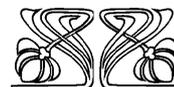
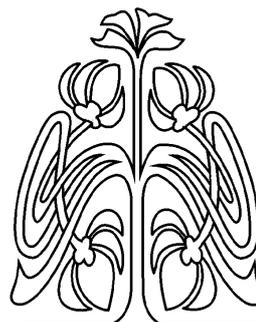
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

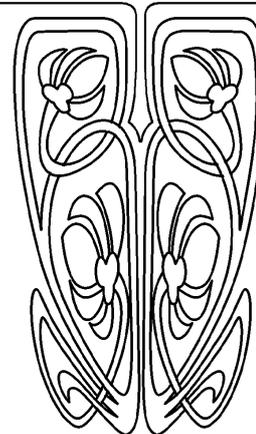
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, United Kingdom)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 126–130

Научная статья

УДК 331.5

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-126-130>

Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов

Т. В. Черевичко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Аннотация. Статья посвящена проблеме управления миграционными рисками в условиях трансформации миграционной ситуации современного мирового пространства. Автор, отмечая такие особенности трансформации, как сокращение длительности миграционного движения, появление «текучих» пластичных форм миграции, обосновывает проявление миграционных рисков и необходимость новых подходов к их минимизации.

Ключевые слова: миграция, риски, миграционные риски, трансформация, управление рисками

Для цитирования: Черевичко Т. В. Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-126-130>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-126-130>

Migration risk management in the context of transformation of global migration processes

T. V. Cherevichko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana V. Cherevichko, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

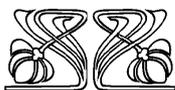
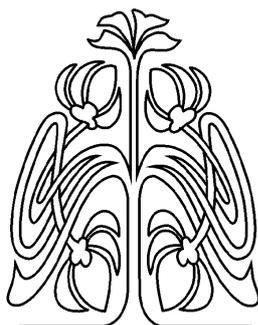
Abstract. The article is devoted to the problem of managing migration risks in the context of the transformation of the migration situation in the modern world space. The author, noting such transformation features as a reduction in the duration of migration movement, the emergence of “fluid” plastic forms of migration, substantiates the manifestation of migration risks and the need for new approaches to their minimization.

Keywords: migration, risks, migration risks, transformation, risk management

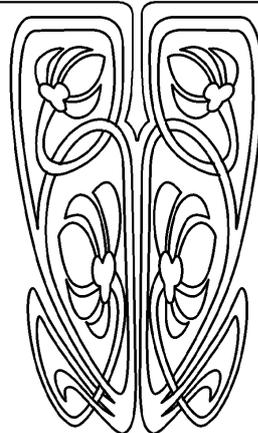
For citation: Cherevichko T. V. Migration risk management in the context of transformation of global migration processes. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 126–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-126-130>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

© Черевичко Т. В., 2021

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Трансформация современного мира меняет формат глобальных миграционных процессов. Это проявляется в замедлении долгосрочных перемещений, усилении циркуляционной миграции, умножении миграционных потоков. Эксперты отмечают, что благодаря вышеназванным изменениям в последние полвека накопленная мировая численность международных мигрантов неуклонно росла и в 2017 г. превысила четверть миллиарда. Международная организация по миграции прогнозирует, что к 2050 г. численность международных мигрантов может достичь 321 млн человек¹.

Глобализация экономики вступила в новый этап развития – регионализацию, что привело к формированию новых центров мирового развития и миграционного движения. Экономическая глобализация сопровождается трансформациями как в технологических процессах, так и в миграционных, особенно что касается миграции высококвалифицированных работников. Эти изменения во многом определяют место страны в современном мире, которое теперь все больше зависит от качества человеческого капитала, образованности мигрантов, степени вовлеченности их в интеллектуальное производство.

Новые реалии, в свою очередь, требуют реформирования регулирования трансграничных миграций и управления рисками миграций, которые неизбежно возникают в ходе трансформации мирового порядка.

В настоящее время миграционные риски становятся серьезной проблемой для мирового сообщества, поскольку темпы роста миграционного движения постоянно увеличиваются, география распространения и состав миграционных потоков расширяются. В результате наблюдается процесс трансформирующегося сверхразнообразия в общественных отношениях. На принимающих территориях происходит нарастание пестроты жителей по государствам происхождения, этнической и профессиональной принадлежности. Так, в Ирландии, согласно переписи населения, в 2016 г. проживали уроженцы более 190 стран мира². Кроме того, прибавляется гетерогенность приезжих по основаниям въезда, социально-экономическому положению, правовому статусу. Если, в 1950–1960-е гг. миграционные потоки в европейские страны были представлены в основном жителями их бывших колоний и низкоквалифицированными работниками, в 1970–1980-е гг. – членами семей поселенцев, то с начала 1990-х гг. – это разные категории трудовых мигрантов. В современных перемещениях усиливается роль высококвалифицированных специалистов. Следует отметить, что в середине 2010-х гг. произошел всплеск вынужденных и нелегальных мигрантов в результате роста конфликтности на Ближнем и Среднем Востоке, а также в странах Африки, что в конечном счете вызвало тяжелейший миграционный кризис в Европе.

Проблема расширения миграционного движения и обострения миграционных рисков актуальна и для России, которая, подобно другим странам, выступающим центрами миграционного притяжения, испытывает на себе все риски, связанные с миграцией, – политические, экономические, криминальные, социальные. Немаловажную роль миграция оказывает на этнокультурный облик российского общества. В настоящее время интенсификация миграционных потоков, особенно из стран СНГ, размывает этнокультурную реальность, что требует новых подходов к регулированию миграций.

При исследовании вопроса управления миграционными рисками необходимо уточнить категориальный аппарат, выявить формы проявления рисков миграции. Традиционно под миграционными рисками понимается некая степень неопределенности, отчасти опасности для социальной сферы конкретного государства, для ликвидации и во избежание которых нужно проводить просчеты всех вероятных негативных обстоятельств для всех участников отношений в миграционной сфере. Миграционные риски непосредственно сказываются на принимающей стране, ее стабильности и развитии, кроме того, отражаются на благополучии населения страны-реципиента и мигрирующего населения. Следовательно, в каждом государстве должна быть разработана стратегия управления миграционными рисками, направленная на решение комплекса задач по глобальным и индивидуальным миграционным рискам. Кроме того, в масштабах целого государства, безусловно, должна существовать и активно реализовываться миграционная политика, учитывающая миграционные риски. Из вышесказанного становится очевидным, что управление миграционными рисками является важнейшей задачей государственной власти как в Российской Федерации, так и в других странах мира.

Миграционные процессы могут как положительно, так и максимально негативно влиять на обстановку внутри государства-реципиента, кроме того, непосредственно влиять на страну исхода мигрантов. Во многом результаты данных процессов зависят от грамотного управления миграционными рисками, которое подразумевает процесс принятия необходимых решений относительно переезда в момент достаточно высокой неопределенности по данному вопросу и его последствиям. Целью управления миграционными рисками является сокращение возможных отрицательных последствий и миграционных рисков, а также вероятных потерь от принятого решения. Возможность управления миграционными рисками во многом зависит от наличия информации. По замечанию известного австрийского экономиста Л. фон Мизеса, любое действие обращено в будущее – в этом смысле оно всегда является рискованной спекуляцией. В настоящее

время, по мнению автора, имеет место парадокс, проявляющийся в увеличении разрыва между постоянным расширением объема информации, ее неограниченностью в целом и необходимостью выбора ограниченного объема информации субъектами миграционного процесса. Для миграционного движения эта ситуация чрезвычайно актуальна. Не надо забывать, что миграции совершает человек, и в процессе принятия решения о переезде зачастую происходит столкновение асимметрии его сознания и подсознания с внешней информационной асимметрией и неопределенностью. Таким образом, получается, что нацеленный на избежание рисков выбор информации в условиях неопределенности и асимметрии информации превращается практически в спонтанные миграционные перемещения.

Говоря о миграционных рисках, необходимо обратить внимание на существующую классификацию, которая основана, прежде всего, на характере учета миграционных рисков. Возможные риски подразделяются на два типа: внутренние риски, обусловленные деятельностью государства, и внешние риски, которые являются объективными факторами и не зависят от конкретного государства³.

В процессе управления миграционными рисками необходимо учитывать каждый из возможных типов риска. Управление рассматривает уже существующие и возможные риски и на их основе разрабатывает стратегию дальнейших действий. В научной литературе отмечается, что структура управления миграционными рисками представляет собой многоэтапный процесс, включающий пять блоков:

- определяется цель управления рисками в сфере миграции;
- собирается необходимая информация о миграционной ситуации и идентифицируется миграционный риск;
- выявляются негативные последствия от вероятного миграционного риска;
- определяется стратегия, согласно которой будет осуществляться управление миграционными рисками, а также происходит выбор методов понижения уровня отрицательных результатов и разрабатывается программа действий по управлению миграционными рисками;
- и наконец, осуществляется процесс непосредственной организации управления и сбора обратной связи, которая обеспечивает реализацию программы управления риском, контроль, анализ и оценку результатов выбранного решения.

Полагаем, что управление миграционными рисками должно строиться на выявлении причины всех последующих причин. Показательным примером в данном случае в определенной мере является миграционный кризис, затронувший Европейский союз. Анализ упомянутого миграционного кризиса позволяет сделать некоторые

выводы относительно возникновения миграционных рисков и возможностей управления ими.

Во-первых, можно выделить ретроспективные риски, которые выражаются в притоке значительного числа мигрантов из африканских стран и стран Ближнего Востока, бежавших от военных действий в страны Европы. К миграционным рискам также относится возможность социального обеспечения стран-реципиентов Европейского союза, программы социальной адаптации и интеграции мигрантов в европейское общество, а также финансовая составляющая приведенных программ.

Во-вторых, существуют актуальные риски, которые выражены в массовом недовольстве со стороны местного населения европейских стран в связи со значительным притоком мигрантов, росте криминальной ситуации, снижении уровня защищенности от экзотических заболеваний, активизации террористической деятельности в странах, принимающих миграционные потоки.

В-третьих, выделяются вероятные миграционные риски, которые заключаются в вероятном распаде Европейского союза в связи с перманентным ростом разобщенности европейского общества, в признании позиций и деятельности ультраправых политических партий, в росте антиисламских настроений, в финансовой поддержке мигрантов, идущей в ущерб местному европейскому населению, в превращении европейских стран в базы террористических организаций, а также переход стран ЕС в ранг стран оттока коренных жителей.

Исходя из данной миграционной ситуации и миграционных рисков, существующих и возможных в Европейском союзе, можно выделить факторы, которые являются причиной появления последующих причин, а именно определенных рисков:

- политические миграционные риски являются следствием повышения уровня напряженности между странами-членами Европейского союза, а также в связи с признанием ультраправых партий;
- экономические миграционные риски непосредственно связаны с максимальным снижением привлекательности инвестиционного климата как внутри отдельных европейских стран, так и всего ЕС;
- социальные миграционные риски в данной ситуации могут быть вызваны преступной деятельностью, порожденной, в первую очередь, неприспособленностью мигрантов к европейскому обществу, ростом отчужденности местного коренного населения, распространением «мигрантофобии»;
- кроме того, существует вероятность проявления экологических миграционных рисков, которые могут быть вызваны высокой степенью загрязненности окружающей среды, на которой

организуются лагеря временного пребывания мигрантов, а также появлением новых видов вредителей, прибывающих вместе с мигрантами.

Если говорить о внутренних и внешних миграционных рисках сложившейся миграционной ситуации в Европейском союзе, то можно выделить их следующее проявление. Внешние миграционные риски проявляются в сохранении и увеличении объема миграционных потоков из североафриканских стран и стран Ближнего Востока, причем данные потоки могут пополняться гражданами не только Ливии и Сирии, чьи территории охвачены боевыми действиями, но и стран со стабильной внутривнутриполитической обстановкой, а также представителями африканских государств, находящихся южнее Сахары.

Внутренние миграционные риски для Европейского союза обусловлены тем, в каком положении находятся ведущие европейские страны, принимающие миграционные потоки. В настоящее время ЕС находится в миграционном кризисе. Такими образом, как внешние, так внутренние миграционные риски связаны, в первую очередь, с нестабильностью европейского объединения и высокой вероятностью его распада в сложившейся миграционной ситуации.

В связи с вышесказанным большинство экспертов по миграционной политике отмечают, что миграция – это риск, который необходимо страховать, а страхование миграционных рисков, как известно, является частью стратегии управления миграционными рисками⁴.

Если говорить о Российской Федерации, следует отметить, что в условиях нарастания миграционного движения России, как и наиболее развитым европейским странам, необходимо крайне серьезно подходить к вопросу оценки миграционных рисков и управлению ими.

В настоящее время утвержден указ Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»⁵, который выступает основополагающим нормативно-правовым документом, регламентирующим долгосрочное стратегическое регулирование в сфере миграции.

Анализ данного нормативно-правового документа позволяет сделать вывод о том, что он содержит элементы управления миграционными рисками, так называемого риск-менеджмента. В указе выделяется несколько видов риска, проявление которых способно нанести значительный ущерб миграционной ситуации в России:

- одним из рисков является сохраняющийся отток коренного населения России из дальневосточных регионов и Сибири в Москву, Санкт-Петербург, а также в южные регионы страны;
- миграционным риском является скопление граждан иностранных государств, трудовых мигрантов в регионах европейской части Российской Федерации, а также в приграничных дальневосточных регионах и Сибири;

– к миграционным рискам относится и сохранение, а также усиление опасности проникновения в приграничные российские регионы представителей террористических организаций, трансграничной преступности и т. д.;

– риск, связанный с потребностью российского рынка труда только в иностранной рабочей силе, имеющей низкую квалификацию и, соответственно, более низкие запросы в плане заработной платы, что является бесспорным плюсом для отечественных предпринимателей;

– риск компенсации естественного сокращения населения России за счет увеличения миграционных потоков.

Вместе с тем в данном указе не отражены анализ представленных рисков, а также способы их сокращения и устранения. Наоборот, значительное внимание уделено общим вопросам влияния качества жизни на характер миграционных потоков; доступности социальных, образовательных, медицинских и культурных услуг; состоянию правопорядка; степени развитости транспортной, энергетической, телекоммуникационной и информационной инфраструктуры; уровню занятости населения и благоустроенности общественных мест.

Особое внимание в указе уделено государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, где отмечены способы сокращения и предотвращения некоторых миграционных рисков. В частности:

- корректирование условий добровольного переселения таких востребованных специалистов, как научных сотрудников, медицинских работников, инженеров, а также ведется финансовая поддержка организаций, которые привлекают к работе подобных специалистов;
- направление финансовых средств для помощи добровольному переселению соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию;
- ликвидация безосновательных административных препятствий и денежных затрат, которые связаны с ввозом и регистрацией имущества в Россию.

Вместе с тем отсутствие анализа рисков, которым подвержена указанная государственная программа, в существенной степени уменьшает значимость названных способов сокращения рисков миграции. Например, вопрос ликвидации безосновательных административных ограничений и финансовых затрат, которые связаны с ввозом в РФ и регистрацией имущества, включая объекты интеллектуальной собственности, средства производства и иные основные фонды, уже должен был бы снят, так как соотечественники приезжают в Россию в рамках государственной программы уже более 10 лет.

Это выявляет еще один важный вопрос. В качестве одного из рисков приводится потребность отечественного рынка в рабочей силе мигрантов, которые относятся к низкоквалифицированной рабочей силе. Наряду с этим Российская Федерация развивает инновационную экономику, что, в свою очередь, вызывает спрос на высококвалифицированный труд. Кроме того, вопрос о риске сокращения высококвалифицированного труда в результате оттока кадров, который, по разным оценкам, составляет от полутора до четырех миллионов человек за последние семь лет, а также небольшой миграции высококвалифицированных кадров в РФ, в документе не рассматривается. Следует отметить, что данный риск характерен для всего мирового экономического пространства, что обусловлено увеличивающейся миграционной взаимозависимостью трудоизбыточных стран и труднедостаточных государств (с неудовлетворенным спросом на отдельные категории работников как низкой, так и высокой квалификации). Причем данная взаимозависимость в настоящее время является главной закономерностью миграционного движения рабочей силы.

Безусловно, эти вопросы крайне важны, но есть факторы и условия, обостряющие миграционную обстановку как в России, так и в мире, особенно в условиях модификации форм миграции. Так, в настоящее время более ярко проявляет себя «текучая» миграция – миграция, которая имеет непрерывный характер. У людей, перемещающихся по миру, нет строгой и ясной миграционной стратегии. Такая миграция возникает в ответ на постоянно изменяющиеся социальные барьеры, затрудняющие выбор места жительства, образа жизни, карьеры. В отношении «текучих» мигрантов не работают ассимиляционные и мультикультурные модели интеграции, рассчитанные на переселенцев. Полагаем, что «текучая» миграция обусловлена также и глобальной цифровизацией.

Цифровизация миграции, порождая «текучесть» миграции, создает и новый категориальный аппарат. К числу таких новых понятий, рас-

крывающих содержание миграционных рисков, следует отнести фемториск – это опасности малого масштаба, несущие вместе с тем катастрофические последствия для всей системы, в которой они появились. Миграционные фемториски могут выстраиваться в некой последовательности, а могут распространяться неконтролируемо через глобальные социальные сети. Маленькая опасность не всегда заметна, но она может привести к значительным потрясениям. В качестве примера можно привести миграционные конфликты в европейских странах, происходящие в последние годы. Новые формы миграции влекут за собой новые риски, что требует и новых подходов к их управлению.

Управление миграционными рисками в современных условиях становится все более сложным, но практическое применение стратегии управления ими позволит получить существенные результаты для достижения цели, заключающейся в устойчивом развитии каждого отдельного субъекта международных отношений в условиях нестабильной миграционной среды.

Примечания

- 1 См.: Цапенко И. П. Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 8. С. 66. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76
- 2 Там же. С. 71.
- 3 См.: Bradbury, J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk // Science, Technology & Human Values. 1984. Vol. 14, № 4. P. 380–401.
- 4 См.: Дроздова Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 100–109. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.11>
- 5 О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. Доступ из справочной системы «КонсультантПлюс».

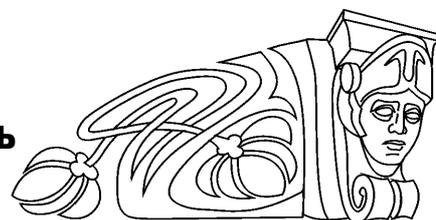
Поступила в редакцию 20.02.2021, после рецензирования 28.02.2021, принята к публикации 14.03.2021
Received 20.02.2021, revised 28.02.2021, accepted 14.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 131–137
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 131–137

Научная статья
УДК 316.77
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137>

Интернет-технологии воздействия на социально-политическую активность молодежи: социологический анализ

Р. В. Голубин✉, И. А. Исакова, А. П. Коротышев, П. П. Рыхтик

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23.

Голубин Роман Викторович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий, декан факультета социальных наук, golubin@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

Исакова Инна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, inna_isakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6692-6963>

Коротышев Александр Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, aleks_korotyshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8824-0169>

Рыхтик Павел Павлович, преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, rykhtikpavel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1667-7270>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, включавшего материалы двух авторских анкетных опросов (Нижний Новгород, 2020 г., $n = 560$) и данные сервиса WordStat от компании Яндекс о поисковых запросах пользователей, посвященного оценке технологий воздействия на социально-политическую активность молодежи. Современное российское общество характеризуется переходом к информационному типу, отличающемуся активным проникновением и возрастанием влияния новых информационно-коммуникационных технологий на различные сферы жизнедеятельности людей. Доля интернет-пользователей ежегодно возрастает, половина из них – это представители молодого поколения. В таких условиях особое место занимает использование Интернета как интерактивной площадки массовой коммуникации и влияния на политические процессы, что актуализирует изучение новых цифровых технологий работы с молодежью. В статье охарактеризованы и классифицированы современные технологии продвижения социально-политического контента в социальных сетях, популярных у молодежи: самоактуализация (хайп и тренд), саморасширение (автоматизированный постинг), самоинституционализация (воронка).

Ключевые слова: молодежь, общественное мнение, социально-политическая активность, Интернет, социальная сеть

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект «Интернет-технологии управления процессами в молодежной среде» № 20-011-70001).

Для цитирования: Голубин Р. В., Исакова И. А., Коротышев А. П., Рыхтик П. П. Интернет-технологии воздействия на социально-политическую активность молодежи: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 131–137. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137>

Internet technologies influence on sociopolitical activity of youth: Sociological analysis

R. V. Golubin✉, I. A. Isakova, A. P. Korotyshev, P. P. Rykhtik,

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Roman V. Golubin, golubin@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

Inna A. Isakova, inna_isakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6692-6963>

Alexander P. Korotyshev, aleks_korotyshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8824-0169>

Pavel P. Rykhtik, rykhtikpavel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1667-7270>

Abstract. The article presents the results of the study that included the materials of two authors' social polls (Nizhny Novgorod, 2020, n = 560) and the data on the search queries of Internet users from the WordStat service from "Yandex" company. The main research is dedicated to assessing technologies for influencing the socio-political activity of young people. Modern Russian society switches to the information type, which is characterized by the growing influence of new forms of communication technologies in various spheres of social life and strengthening of the ingrowth of such technologies into people's lives. The number of Internet users grows every year, half of the users are representatives of the younger generation. In such conditions, the phenomenon of the Internet acquires particular importance as an interactive platform for mass communication and influence on political processes, which makes the study of new digital technologies for working with youth so relevant. The article describes and classifies modern technologies for promoting socio-political content in social networks popular among young people: self-actualization (hype and trend), self-expansion (autoposting), self-institutionalization (funnel).

Keywords: youth, public opinion, socio-political activity, Internet, social network

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research (project "Internet technologies for managing processes in the youth environment" No. 20-011-70001).

For citation: Golubin R. V., Isakova I. A., Korotyshchev A. P., Rychtik P. P. Internet technologies influence on sociopolitical activity of youth: Sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 131–137 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема взаимоотношений «новых медиа» и, в широком смысле, государства приобретает сегодня сугубо прикладной характер. Вопрос о допустимой степени свободы и допустимых ограничениях в социальных сетях вызывает к жизни не только научные дискуссии, но также судебные прецеденты и политические трения. Причина этого кроется в двойственной природе самих новых медиа, которые, с одной стороны, являются крайне эффективным механизмом обратной связи общества с государством, а с другой – предоставляют политическим акторам возможности для манипуляции общественным сознанием.

Фундаментальные основы социологического анализа феномена новых компьютерных технологий были заложены в ряде классических концепций теории информационного общества, на основе их исследований сложилось новое направление теории – социология Интернета, объединившее методологические, методические и организационные проблемы изучения практик поведения в Глобальной сети.

Пандемия COVID-2019, наряду с рядом экономических факторов, во многом способствовала уходу коммерческой активности в пространство Глобальной сети. Это привело к активному развитию прикладных технологий коммерческого интернет-продвижения. Сегодня эти технологии активно заимствуются для воздействия на общественное мнение с политическими целями.

Общественное мнение – это форма проявления отношения субъектов общества к конкретным событиям, которые затрагивают непосредственно их интересы или потребности. Современная молодежь предпочитает высказать свою позицию посредством сети Интернет. По данным ВЦИОМ, Интернет остается, в первую очередь, средством коммуникации (90% опрошенных в сети общаются с друзьями, знакомыми и родственниками) и способом получать актуальные новости (83%). Каждый четвертый молодой опрошенный считает, что в современном мире нужно всегда быть онлайн (27%)¹.

Исследование особенностей воздействия на общественное мнение восходит к идеям П. Лазерфельда, предлагавшего трактовать СМИ в качестве важного инструмента системы государственного управления в части воздействия на общественное мнение, и, главное, рассмотрение «общества» в этой системе скорее как объекта, нежели субъекта². Сложилась традиция воспринимать общество и общественное мнение в качестве объектов воздействия и манипуляции со стороны государства и контролирующих СМИ элит. Согласуется это и с концепцией роли общественного мнения в процессе коммуникации государства и общества, устоявшейся в отечественной науке, в частности, понимание «общественного мнения» Б.А. Грушиным как «отношения различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности»³ или А. К. Уледовым – как «суждения больших общностей людей по общезначимым вопросам социальной жизни»⁴.

Однако сегодня общество частично утрачивает свойства, делавшие его преимущественно объектом коммуникации. Стремительное развитие социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов и других новых медиа открыло широкие возможности для прямой трансляции общественных настроений в информационное пространство. Кроме того, открылся простор для поиска и потребления контента из иных источников, альтернативная повестка стала полноценным конкурентом официальной.

Дж. Брунер ввел понятие социальной перцепции – закрепления образов и установок на основе не критического и эмоционального восприятия с опорой на устоявшиеся образы политических или социальных явлений⁵. Молодые зачастую не критичны к интернет-информации: по данным ВЦИОМ, молодежь признает влияние на свое потребительское поведение интернет-блогеров – 23% опрошенных⁶. Уровень доверия молодежи к сведениям, публикуемым в сети Интернет, обуславливает необходимость разработки интегративной методологии анализа важнейших интернет-практик молодежи в контексте

цифровой социально-политической активности.

Политологами ставится проблема взаимодействия традиционных и «новых» медиа в средне- и долгосрочной перспективах, рассматривается проблема актуального государственного управления и развития демократических режимов в сочетании с феноменом «новых медиа», а также проблема политической идентичности. В контексте специфического аспекта политической мобилизации отдельное внимание уделяется потенциалу «новых» медиа как площадки, агрегирующей потенциально протестные настроения, а также провоцирующей на протестные действия.

Исследования в области влияния «новых» медиа на формирование политического сознания, в том числе молодежи, начались в 2000-е гг. Исследования методов и технологий продвижения видеоконтента в «новых» медиа зачастую происходят с точки зрения теории фреймов⁷. Утверждается, что видеоролики воспринимаются основной аудиторией социальных сетей – молодежью, не привыкшей к критическому потреблению информации, охотнее, чем текстовый контент⁸. Иначе это явление называют клиповым мышлением.

Вполне очевидно, что теоретическое осмысление российским академическим сообществом роли новых медиа носит масштабный и глубоко междисциплинарный характер. Отечественные исследования технологий продвижения контента ведутся не только в контексте экономических или маркетинговых вопросов, но и в области общекультурных и конкретно политических тематик. Однако прикладные технологии продвижения социально-политического контента в сети зачастую остаются за рамками этих исследовательских усилий. В то же время освоение этих технологий и является конечной целью как для новых, так и для традиционных субъектов массовой коммуникации. Выход общества за рамки его традиционной роли объекта манипуляции связан именно с возможностью превзойти традиционные медиа за счет новых технологий продвижения.

Российская практика продвижения социально-политического контента вызывает интерес и у зарубежных исследователей. Зачастую объектом их внимания становится деятельность в российском медиапространстве так называемых ботов и троллей⁹. Западные эксперты склонны усматривать в их активности работу по созданию выгодной для российского руководства медиа-повестки по различным темам, в том числе связанным с кризисом, вызванным распространением вируса COVID-19 и проблемой разработки вакцины против него. Западные эксперты, впрочем, отмечают, что российская общественность не раз сталкивалась с примерами использования ботов и троллей ранее, и их эффективность неуклонно снижается¹⁰.

Целью исследования стало выявление прикладных технологий продвижения социально-политического контента, активно практикуемых

в российских социальных сетях, и оценка их эффективности. Достижение поставленной цели потребовало работы с эмпирическими данными, полученными как методом анкетного опроса, так и средствами веб-аналитики.

В 2020 г. в Нижнем Новгороде с помощью электронных технологий опроса было проведено два исследования: «Отношение молодежи к способам формирования интернет-контента» (n = 255) и «Предпочтения молодежи в выборе Интернет-контента» (n = 305), тип выборки – квотная. Расчетный путь определения выборочной совокупности и серийный метод отбора респондентов позволили при помощи метода анкетного опроса выявить особенности восприятия молодежью интернет-контента.

В качестве средств веб-аналитики использовались данные сервиса WordStat от компании Яндекс. Данный сервис, как правило, используется для коммерческого продвижения и оптимизации сайтов: он предоставляет статистику выдачи в поисковом сервисе Яндекс для заданного пользователем слова или словосочетания. Опираясь на эволюционный алгоритм поиска, сервис учитывает все возможные запросы, включающие целевое слово. Отслеживая число поисковых запросов в их динамике, можно судить об уровне общественного интереса к той или иной тематике в информационном пространстве.

Авторский анализ актуальной медиа-повестки и контента социальных сетей позволил зафиксировать и описать следующие основные технологии продвижения социально-политического контента.

1. «Тренд» – информационная шумиха, внезапная популярность, возникающая вокруг события или некой тематики. Обычный цикл популярности новости в Интернете занимает три дня: в течение первого она приобретает высокую популярность, затем в течение двух следующих постепенно исчезает из информационного повестки. Но новость, попавшая (или усиленно продвигаемая) в тренд, остается в центре общественного внимания гораздо дольше, иногда до нескольких лет.

В основе тренда как интернет-технологии лежит достаточно давно использовавшийся в СМИ метод «перепечатки» (или, в современной интернет-терминологии, «расшаривания»)¹¹. Он предусматривает наращивание информации путем простого ее воспроизводства с минимальными изменениями исходного контента (не более 20% от изначального содержания). Это служит также и способом перманентной поддержки популярности контента при недостатке новых информационных поводов. Широкому применению данного метода дополнительно способствует тот факт, что подобные действия в РФ не классифицируются как нарушение авторского права¹².

Однако тренд, как более совершенная технология, обладает также и свойством «самопод-

держания». Чем популярнее становится тренд, тем большее число субъектов интернет-коммуникации (блогеров, постеров, интернет-СМИ и др.) присоединяется к его раскрутке. На определенном этапе тематику тренда просто невозможно игнорировать – субъектам приходится реагировать на популярную повестку, а их читатели и подписчики напрямую требуют реакции на тренд.

При этом участие в обсуждении и продвижении тренда вовсе не означает искренней поддержки его идей. Многие делают это только потому, что популярная тема придаст популярности и им. Через несколько недель раскрутки тренда уже невозможно понять, где его реальные сторонники, а кто просто накручивает себе просмотры.

Наконец, отметим, что тренды зачастую возникают вокруг деструктивных общественных явлений, поскольку эмоционально окрашенные негативные события привлекают людей больше, нежели позитивные.

Знаковым политическим трендом конца 2020 г. было обсуждение отравления А. Навального по данным статистики WordStat (рис. 1).

В августе, когда новости об этих событиях стали распространяться, число запросов достигало 151 937 в месяц. Затем их количество достаточно медленно, но все же снижалось: до 84 381 – в сентябре, 49 779 – в октябре и 9635 – в ноябре. Однако активные действия самого Навального, а также формирование общественного интереса к данной тематике и, соответственно, информационного тренда вновь ведут к росту популярности. В декабре число запросов вновь поднимается до 118 359. Последовательное использование технологии тренда позволило поддерживать интерес к этой теме, в особенности в молодежной среде.

Тренд неизменно привлекает к себе общественное внимание и служит важным информационным ориентиром для современной молодежи. По данным опросов, проведенных авторами среди молодежи Нижнего Новгорода в ноябре–декабре 2020 г., выявлено, что 36,6% опрошенных внимательно следят за развитием политических событий, 51,5% читают об этом, если случайно натываются на информацию, 90,0% опрошенных целенаправленно ищут информацию о событии, которое все обсуждают.

Внимание молодежи к информационным сообщениям достаточно ограничено по време-

ни: 20,8% опрошенных «прочитали и забыли» новость, 26,4% отслеживают материал «2–3 дня, пока новость в топе», 29,2% следят за информацией до логического финала, 20,8% затруднились ответить. При этом среди тех, кто отслеживает материал в течение некоторого времени, 6,9% делают это всегда, а 77,8% – иногда.

Таким образом, внимание молодежи привлекают самые обсуждаемые события, ради того, чтобы «быть в курсе», молодые люди готовы совершать дополнительные действия – искать информацию, сайты. Однако интерес к отдельным информационным поводам удерживается довольно короткое время, что показывает несколько «поверхностное» отношение к получаемой информации и является проявлением клипового типа мышления. Эти социально-психологические особенности молодежи делают ее уязвимой для технологий продвижения тренда, применяемых как в коммерческих целях, так и для политической пропаганды.

2. «Хайп» – действия отдельных субъектов коммуникации по привлечению к себе повышенного внимания с целью увеличения своего медийного капитала в виде, например, числа просмотров и лайков для дальнейшего преобразования медийного капитала в экономический. В отличие от тренда, который существует «объективно» и поддерживается многочисленными субъектами, хайп всегда строго привязан к своему автору. Собственно, цель хайпа и состоит в повышении личной узнаваемости. Поскольку речь для авторов хайпа идет о том, чтобы выделиться из общества, они в большинстве случаев идут по пути нарушения общественных норм.

Технология хайпа эксплуатирует особую функцию СМИ, а именно – присвоение определенного статуса общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям. Выступая источником хайпа, его субъекты становятся лидерами мнений, к чьим посланиям и точкам зрения аудитория как минимум прислушивается, а порой и некритически принимает на веру. По данным нашего исследования, молодые люди скорее склонны доверять сообщениям лидеров мнений: блогерам и видеоблогерам. Им доверяет каждый четвертый опрошенный (22,2%), столько же не доверяют (28,1%) и еще 49,7% не определились с ответом. Можно констатировать, что блогеры оказывают заметное влияние на широкую молодежную аудиторию, являются значи-

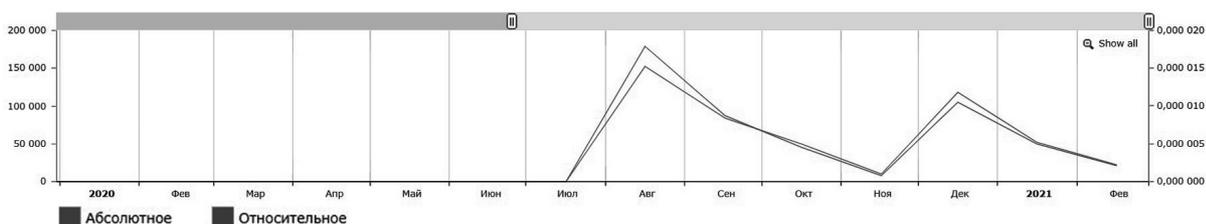

Рис. 1. Данные WordStat по запросу «отравление Навального» за 2020 г. (цвет online)

мым актором информационной среды и модным «трендсеттером».

В этом отношении весьма показателен рост популярности Валерия Соловья – бывшего профессора МГИМО, с начала 2020 г. активно включившегося в оппозиционную общественно-политическую деятельность. В своих многочисленных интервью В. Д. Соловей последовательно упоминал и развивал тезис, который летом-осенью 2020 г. приобрел характер хайпа. Речь шла о болезни Президента РФ В. В. Путина. Данная тема вызвала большой интерес, и в ноябре 2020 г. WordStat зафиксировал резкий – от 500–700 до 6106 в месяц – рост числа запросов с формулировкой «болезнь Путина» (рис. 2.)

Одним из наиболее заметных итогов хайпа стала публикация в английском журнале The Sun статьи о болезни Президента РФ¹³, ссылающаяся, в частности, и на заявления В. Д. Соловья. После нее пресс-секретарь президента был вынужден выступить с опровержением¹⁴. Таким образом, развитие хайпа вокруг этой темы способствовало росту популярности В. Д. Соловья, после чего его идеи стали транслироваться востребованными у молодежи блогерами.

Как показывают данные авторского исследования, влияние точки зрения блогеров на молодежь столь значительно, что они могут формировать устойчивый интерес к какой-либо теме: после просмотра роликов/ленты блогеров 81% опрошенных продолжают дополнительно искать информацию по той же проблеме. То есть можно констатировать высокую лояльность молодежи к авторитетам в Сети и, соответственно, высокую эффективность технологии хайпа.

3. «Воронка» – в коммерческом интернет-продвижении служит в качестве инструмента отбора целевой аудитории. И именно в этом качестве она и заимствуется группами, преследующими политические цели. Механизм отбора следующий: из крупной группы, выражающей широкий круг интересов (к примеру группы об исламской культуре) ссылки ведут в более мелкую группу с конкретизированным содержанием (к примеру группу, оказывающую помощь пострадавшим в конфликтах мусульманам), а из нее – в небольшую группу, содержащую уже откровенно противоправный контент (к примеру вербовку наемников-исламистов). С теми, кто прошел отсев до конечной группы, работают уже

в офлайн режиме. Таким образом, достигаются две цели: с одной стороны, происходит постоянный отбор пользователей по заданному алгоритму; с другой, конечную группу легко скрыть, пока основная воронка продолжает действовать, поскольку в ней нет ничего незаконного.

Весьма характерным примером воронки, созданной с целью распространения политического контента, может служить интернет-движение сообщества «Движение перемен», о создании которого в конце октября 2020 г. объявил В. Д. Соловей. Первым элементом воронки выступает новостной Телеграмм-канал «Генерал СВР»¹⁵. Он регулярно публикует политические новости, комментирует актуальные события, представляя, как правило, оппозиционные по отношению к власти мнения и интерпретации. Канал часто позиционирует свои сообщения как инсайдерскую информацию, призывая к ее репосту, таким образом он привлекает политизированных и оппозиционно настроенных подписчиков.

Канал связан многочисленными ссылками с телеграмм-чатом «Движения перемен», в котором обсуждаются новости и политические события. В чат приходят наиболее активные пользователи, стремящиеся выразить свое мнение. Так происходит отбор активных сторонников.

Администратор общего чата помогает участникам попасть в отдельные чаты регионов, городов и районов (а также блоги Instagram, группы ВКонтакте и другие каналы коммуникации), где осуществляются координация и самоорганизация на местном уровне. В них уже оказываются активисты, готовые к конкретным действиям. Таким образом, движение формирует десятки активных групп в разных городах, которые действуют независимо друг от друга. Такой формат политического взаимодействия привлекает в первую очередь молодежь.

Данные авторского исследования показали, что 78,4% опрошенных уязвимы перед отбором в воронки, поскольку переходят по ссылкам, публикуемым в группах социальных сетей: 1,3% переходят часто, 77,1% иногда. Возможность подобного влияния подтверждается и высоким уровнем доверия блогерам: 22,2% доверяют их мнению, 20,9% прислушиваются к их отзывам при выборе товара, 15,7% следят за организованными ими челленджерами. Доверие не только

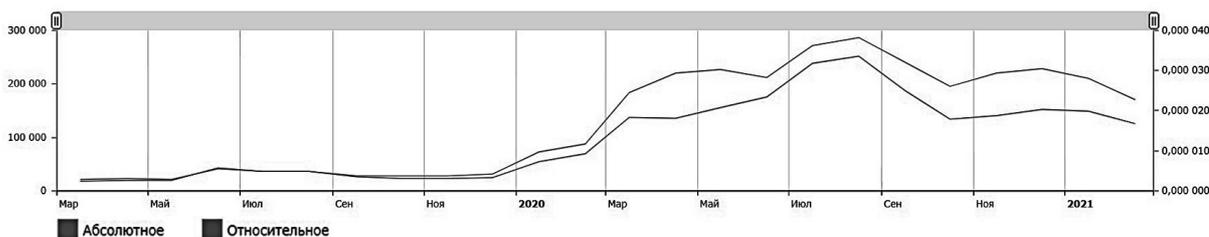

Рис. 2. Данные WordStat по запросу «Валерий Соловей» за 2019—2020 гг. (цвет online)

носит пассивный характер, но и порой является импульсом к действию: 16,3% участвовали в флешмобах, объявляемых в сети Интернет.

Воронка может служить действенным механизмом политической мобилизации общества. Для ее осуществления всегда требуется активное меньшинство – ядро, вокруг которого будут объединяться сторонники тех или иных идей. Их отбор и первоначальная координация – достаточно сложная задача, которую и помогает успешно решать воронка.

4. Автоматизированный постинг. Социальные сети создают иллюзию живого общения, и информация, полученная из них, зачастую воспринимается как «сведения из первых рук» или «свидетельства очевидцев». В общественном сознании они противопоставляются традиционным СМИ, которые неизменно ангажированы и предвзяты. Однако в последние годы интенсивное развитие получили технологии, позволяющие имитировать интернет-активность пользователей.

Первой такой технологией была мимикрия. В социальных сетях создавался аккаунт, личные данные и характеристики которого оптимально подходили для раскрутки у целевой аудитории, например, «успешная женщина» – для чайлдфри. Далее постинг и общение велись уже от лица этого аккаунта, что позволяло легко завоевывать доверие людей. Используясь с коммерческими, а нередко и с мошенническими целями, эта технология показала высокую эффективность. Однако для применения в информационно-политической борьбе она не подходила, так как исключала массовость постинга.

Ситуацию исправили программные средства, позволявшие одному пользователю одновременно обслуживать несколько аккаунтов в различных социальных сетях или интернет-форумах. Они получили общее название мультиаккаунт или мультиакк. Интернет, а в особенности социальные сети служат дискуссионной площадкой, а для многих и вовсе единственной возможностью выразить свое мнение. Мультиакк позволил организовывать на практике технологию многоуровневого постинга. В ее рамках один пользователь поддерживает несколько аккаунтов, создавая видимость активной дискуссии, вбрасывая в нее целевой тезис, отстаивая его и выдавая за позицию большинства.

Значимость «глобальной паутины» как дискуссионной площадки для общения подтверждается тем, что 24,8% опрошенных проводят в социальных сетях более 6 часов, 19,8% – 5–6 часов, 22,8% – 3–4 часа в день. Не могут представить свою жизнь без Интернета 63,4% опрошенных; 45,5% отметили, что у них есть проблемы, которые легче обсудить онлайн, чем при живом общении.

Значимым является не только то, что молодые люди делятся своими личными данными в

цифровом мире, а то, что при этом 5% респондентов доверяют материалам в сети Интернет в 85% случаев, 3% – в 71–85% случаев, 29,7% – в 56–70% случаев, т. е. каждый третий молодой пользователь верит, что в сети Интернет представлено больше правдивой информации, нежели ложной.

Высокий уровень доверия сочетается с низкой цифровой грамотностью: 56,5% опрошенных никто не рассказывал о рисках использования Глобальной сети; 75% не знают, что такое «мультиакк», 8% не знают про «чатбот», 4% не знают что такое «челленджер», 3,3% – «флешмоб», 2% – «фейковый аккаунт», а 11,1% – верят, что в онлайн-обсуждениях участвуют только реальные люди.

Таким образом, можно констатировать, что уровень цифровой грамотности современной молодежи порой недостаточен для объективной оценки социально-политических материалов в сети Интернет.

Итак, на основе материалов серии исследований охарактеризованы современные технологии продвижения социально-политического контента в социальных сетях: самоактуализация (хайп и тренд), саморасширение (автоматизированный постинг), самоинституциализация (воронка).

Данные анкетных опросов подтверждают, что современные технологии продвижения социально-политического контента в социальных сетях способны превратить общество из объекта информационного воздействия в полноправный политический субъект. Хайп и тренд успешно преодолевают неизбежный для традиционных СМИ эффект снижения интереса к повестке дня. Информация распространяется не путем воспроизводства первоначального контента, а путем создания расширяющейся номенклатуры нового. Автоматизированный постинг, опирающийся в последние годы на нейросетевые платформы, способен преодолеть эффект спирали молчания, опираясь на поддержку виртуальных единомышленников, люди способны свободнее высказывать собственное мнение. Воронка и другие подобные технологии позволяют быстро и эффективно выделять в обществе активное ядро, которое становится координатором и драйвером общественных процессов.

Таким образом, описанные технологии, с одной стороны, базируются на традиционных теориях, объясняющих феномен распространения мнений при создании целевой аудитории СМИ, посредством механизма внушения, характерного для массовой коммуникации. В рамках процесса таковой коммуникации обществом воспринимаются и осознаются «вызовы» в виде поступающей на суд общественному мнению информации. Главным в этом процессе социальной перцепции остается особенность не критического и эмоционального восприятия контента с опорой на устойчивые образы политических или социальных явлений.

С другой стороны, в сочетании традиционных теоретических представлений о месте «массового сознания» в процессе социально-политической коммуникации общества и государства с пониманием актуальных технологий продвижения информации в социальных сетях возрастает роль оперативности в процессе производства и продвижения социально-политического контента.

Дальнейшее исследование социально-политической активности молодежи в сети Интернет необходимо сосредоточить на содержательном анализе контента, который позволит определить круг общественных вопросов, актуальных для молодежной политической повестки.

Примечания

- ¹ См.: Жизнь онлайн : потребление, пользование, развлечения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-onlain-potreblenie-polzovanie-razvlechenija> (дата обращения: 10.02.2021).
 - ² См.: *Katz E., Lazarsfeld P. E.* Personal Influence : The Part Played by People in the Flow of Mass Communications // With a Foreword by Elmo Roper. A Report of the Bureau of Applied Social Research, Columbia University. Glencoe, Ill : The Free Press, 1955. P. 34–45.
 - ³ *Грушин Б. А.* Массовое сознание : Опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987. С. 85.
 - ⁴ *Уледов А. К.* Общественное мнение советского общества. М. : Соцэкгиз, 1963. С. 218.
 - ⁵ См.: *Bruner J. S., Postman L.* On the perception of incongruity : A paradigm // *Journal of Personality*. 1949. № 18. P. 206–223.
 - ⁶ См.: От блогеров – к инфлюенсерам : борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy> (дата обращения: 10.01.2021).
 - ⁷ См.: *Вахштайн В. С.* Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 141–151.
 - ⁸ См.: *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа : Внешние расширения человека / пер. В. Николаева. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. С. 6–13.
 - ⁹ См.: *Alsmadia I., O'Brien M.* How Many Bots in Russian Troll Tweets? // *Information Processing & Management*. 2020. Vol. 57, iss. 6. P. 12–19. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2020.102303>
 - ¹⁰ См.: *Stukal D., Sanovich S., Tucker J. A., Bonneau R.* For Whom the Bot Tolls : A Neural Networks Approach to Measuring Political Orientation of Twitter Bots in Russia // *SAGE Open*. 2019. Vol. 9, iss. 2. P. 1–16. DOI: 10.1177/2158244019827715
 - ¹¹ См.: *Тимофеев А. А.* Цитирование новостей в печатных СМИ и интернет-изданиях : правовые аспекты // *Медиаскоп*. 2012. № 1. С. 17.
 - ¹² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 - ¹³ См.: *Parker N.* Putin «to quit». The Sun UK. Official web-site // The Sun. 2020. URL: https://www.the-sun.com/news/1752270/vladimir-putin-resign-next-year-health/?utm_medium=browser_notifications&utm_source=pushly (дата обращения: 25.01.2021).
 - ¹⁴ См.: Песков назвал чушью публикации о болезни Путина // Информационное агентство Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/735857> (дата обращения: 25.01.2021).
 - ¹⁵ См.: Телеграмм-канал «Генерал СВР». URL: <https://t.me/generalsvr/3> (дата обращения: 25.01.2021).
- Поступила в редакцию 24.02.2021, после рецензирования 03.03.2021, принята к публикации 10.03.2021
 Received 24.02.2021, revised 03.03.2021, accepted 10.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 138–142

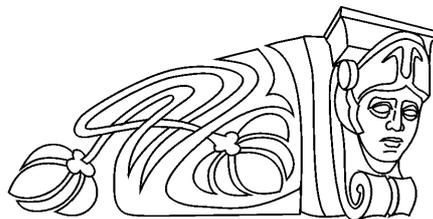
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 138–142

Научная статья

УДК 316.334.3

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>

Этнократическая элита в структуре элитных групп современного российского общества

Д. В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сложного и многогранного феномена этнократической элиты. Выявляются общие черты данной элитной группы, являющейся составной частью региональных элитных групп, и характерные особенности, складывающиеся под влиянием как общих цивилизационных факторов, так и локальных, в том числе особенностей рекрутирования, традиций и устоявшихся принципов функционирования властных институтов.

Ключевые слова: элита, региональная политическая элита, этнократическая элита, рекрутирование

Для цитирования: Покатов Д. В. Этнократическая элита в структуре элитных групп современного российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>

The ethnocratic elite in the structure of modern Russian society's elite groups

D. V. Pokatov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Abstract. The article examines the features of the complex and multifaceted phenomenon of the ethnocratic elite. The general features of this elite group, which is an integral part of regional elite groups and the characteristic features developing under the influence of both general civilizational factors and local ones, including the peculiarities of recruiting, traditions and established principles of the functioning of power institutions, are revealed.

Keywords: elite, regional political elite, ethnocratic elite, recruiting

For citation: Pokatov D. V. The ethnocratic elite in the structure of modern Russian society's elite groups. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 138–142 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблематика элиты сегодня не является новой для многих социальных и гуманитарных наук. Однако в последние годы она продолжает оставаться достаточно актуальной, что, конечно, не является случайным. Сохраняющийся мобилизационный вектор развития российского общества с характерным для него доминированием политических институтов, структур и отдельных групп в общественной жизни объективно детерминирует ведущую роль элиты в целом и такого ее важнейшего сегмента, как политическая элита, в качестве

одного из базовых субъектов общественно-политической жизни, обладающего необходимыми ресурсами для воздействия на общество.

В целом элита представляет собой достаточно сложное и многоплановое образование. В своем идеально-типическом выражении элита в целом, как справедливо отмечали Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин и Ю. А. Левада, должна обладать следующими важнейшими характеристиками-индикаторами: *определенными статусными показателями* (представители элиты занимают

высокие, выше среднего, социальные позиции); *функциональными индикаторами* (максимально эффективное либо образцовое выполнение социальных или культурных функций, причем речь идет не только о господстве, авторитете, общепризнанном праве принятия решений или массовом управлении, но и о деятельности, предполагающей задание самого образца, – смыслополагании, поддержании целостности общества путем утверждения общих моральных представлений и норм); наконец, определенными *коммуникативными чертами* (поддержание солидарности в обществе посредством общих моделей поведения и общезначимых конструкций реальности)¹.

Взятые все вместе они образуют своеобразный профессионально-личностный потенциал, объединяющий как перспективные личностные характеристики (организаторские способности, навыки творческого мышления и т. д.), так и статусно-функциональные характеристики (элитарное образование, профессионализм и опыт административно-политической деятельности). Хотя в своем идеальном-типическом состоянии данная группа и должна концентрировать, прежде всего, лиц, обладающих ярко выраженным профессионально-личностным потенциалом, в реальности проявляется он весьма различно как у отдельных представителей элитного сообщества, так и подгрупп, уровней и сегментов элиты.

Поскольку элита – достаточно сложное образование, она объединяет множество различных групп, которые можно типологизировать по разным параметрам. Так, с точки зрения уровней власти можно говорить о правящей элите и контрэлите. По территориальной локализации выделяют федеральные, региональные и местные элиты. С точки зрения масштабности и сфер общественной жизни анализируют такие разновидности элит, как политическую, экономическую (бизнес-элиты), культурную, научную, духовную и др.

Рассматриваемая в данном исследовании этнократическая элита представляет собой полифункциональное образование, являющееся составной частью региональной элиты и выступающее как относительно небольшая социальная группа, которая концентрирует выходцев из различных социальных слоев, относящихся к разным родоплеменным (тейповым) и национально-земляческим группам, занимающим ведущее положение во властных элитах и лоббирующих интересы своего этноса (или его части) в системе властных, экономических отношений.

Как известно, анализ элит в целом и отдельных их сегментов (политической элиты) в частности может вестись на основании различных методологических подходов, в том числе позиционного, когда элита понимается лишь как правящий слой, концентрирующий только представителей властно-административной про-

слойки, либо меритократического, когда элита рассматривается как группа, состоящая из интеллектуалов, обладающих к тому же высокими моральными и нравственными качествами. Как думается, современная реальность (и не только российская) требует внести в данные подходы корректировки. Исходя из этого, в настоящем исследовании автор придерживается интегральной методологии в изучении элит, объединяющей элементы как позиционного, так и меритократического подходов, поскольку современная политическая элита включает в себя как высший правящий слой, так и контрэлиты, т. е. деятелей, хотя и не обладающих властными полномочиями, но активно участвующих в современной общественно-политической жизни.

Предлагаемое сегодня исследование базируется как на анализе вторичных данных, проведенных в разные годы рядом социологических центров, так и на авторском анализе биографий ведущих представителей федеральной и региональных элит трех областей – Саратовской, Самарской и Волгоградской, и двух республик – Татарстана и Дагестана. Всего было учтено 679 биографий представителей политической элиты федерального уровня (что составляет 98,6% от общего числа представителей элиты), включающих биографии Президента и ведущих представителей руководства его администрации, Председателя Правительства, его заместителей и министров, руководителей, заместителей и депутатов Совета Федерации и Государственной Думы, а также 604 биографии региональных представителей элиты (включая 122 представителя элиты Саратовской области, 114 – Самарской, 108 – Волгоградской, 126 – Республики Дагестан и 134 – Республики Татарстан).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в современных регионах в последние годы в ходе процесса элитообразования сложилось несколько типов элитных групп.

Одной из них является неономенклатурная разновидность, типичная сегодня для некоторых областей России, в том числе Владимирской, Курской, Новосибирской и некоторых других, отличающихся тем, что в состав политической элиты входит второй и даже третий эшелон бывшей партийной номенклатуры. Отбор в элитную группу здесь также носит закрытый характер, но предпочтение отдается в большинстве случаев выходцам из прежней номенклатурной элиты либо представителям новых политических партий (в названных выше регионах – левой и центристской ориентации). В настоящее время заметно резкое снижение (по объективным причинам, в том числе в силу возраста партработников) отсутствия у них сейчас необходимых связей и ресурсов, количества представителей старой советской номенклатуры в составе политической элиты в целом и региональной политической элиты в частности. Как показал ана-

лиз биографий представителей политической элиты, в 2005–2008 гг. в ней оставалось около 15,7% выходцев из партийной и комсомольской среды. Сегодня количество представителей бывшей партийно-номенклатурной элиты снизилось до рекордных 6,0%. При этом в Правительстве России данная категория вообще отсутствовала².

Достаточно распространенным в 90-е гг. XX в. являлся корпоративно-профессиональный тип, характерный как для политической элиты, функционирующей на федеральном уровне, так и для элит некоторых российских регионов (в том числе Смоленской, Воронежской, Ульяновской областей, Республики Ингушетии и др.). Данная форма рекрутинга региональной политической элиты отличалась значительной степенью закрытости, отсутствием ярко выраженной ориентации на политическую принадлежность претендентов, поскольку предпочтение здесь отдавалось, прежде всего, выходцам из закрытых профессионально-корпоративных групп, в том числе Вооруженных сил, структур ВПК и ФСБ. Данная форма только закладывалась в конце 1990-х гг. и особенно проявила себя в 2000-х гг. с приходом к власти Президента РФ В. В. Путина. Сегодня на уровне федерального центра представителей так называемых корпоративных кругов насчитывается 15,2%. В отдельных областях и краях данный показатель заметно варьируется – от 7,0% в Саратовской области до 10,1% в Волгоградской и 12,2% в Самарской областях. В Республике Татарстан он равен 6,7%, а в Дагестане – 10,3%³.

Наряду с отмеченными выше, достаточно своеобразной разновидностью кланово-корпоративной модели становится кланово-профессиональная, которая в большей степени характерна для республик Северного Кавказа и прилегающих к ним краев и областей. Как раз основу данной модели и составляет этнократическая элитная группа.

Данная группа, являющаяся составной частью региональных элитных групп, объединяет в себе характерные особенности, складывающиеся под влиянием как общих цивилизационных факторов, так и локальных, в том числе особенностей рекрутирования, традиций и устоявшихся принципов функционирования властных институтов. Для нее характерны элементы профессионально-личностного потенциала, присущего элитным группам в целом. В том числе – это перспективные личностные характеристики (организаторские способности и др.), статусно-функциональные характеристики (образование, профессионализм и определенный опыт административно-политической деятельности).

Как показывает анализ биографий представителей элиты, средний возраст их в Республике Дагестан составляет 52,6 года, Республики Татарстан – 53,3 года, что в целом является соответствующим для занятия общественно-по-

литической деятельностью. Данные авторского исследования коррелируют с исследованием, проведенным еще 2002 г. известным ростовским элитологом А. В. Понеделковым в восьми республиках и пяти областях Южного федерального округа, которое показало, что средний возраст республиканской элиты равнялся тогда 52 годам, а элиты областей – 55⁴.

По-прежнему элита концентрирует в себе значительный образовательный и управленческий потенциал. В ее составе практически все представители элиты имеют высшее образование. Но его характер различен. Как и в 90-е гг. XX в., в областях и республиках доминируют сегодня технократы. На федеральном уровне к ним относятся 41,7% высшего истеблишмента, в областях – от 49,0% в Саратовской области до 60,0% в Волгоградской. В республиках складывается следующая ситуация. В Татарстане представителей элиты с техническим образованием насчитывается 44,7%, в Республике Дагестан – 40,4%. Значительно выросло число лиц с гуманитарным, юридическим и экономическим образованием. Так, в Республике Дагестан представителей элиты с гуманитарным образованием насчитывается 19,0%, с юридическим – 27,0%, экономическим – 23,8%, в Республике Татарстан соответственно – 27,6, 12,6 и 20,8%. Процент лиц, имеющих другое образование, значительно ниже. Так, в Татарстане 3,7% лиц, входящих в состав элиты, прошли обучение на социолога и биолога и 2,23% – на политолога, в Дагестане только по 0,79% имеют биологическое, политологическое и социологическое образование⁵.

Несколько ниже, по сравнению с федеральным уровнем, и количество представителей элиты с учеными степенями. Так, в частности, сегодня в составе Правительства России лица, имеющие ученую степень, составляют 37,5%, тех, кого можно отнести к ученым, – 12,5%, а преподавателей насчитывается только 9,3%. В составе Государственной Думы РФ таковых было соответственно 24,6, 6,4 и 1,7%. И только в составе Совета Федерации насчитывалось 50,0% политиков, имеющих ученую степень⁶. На республиканском уровне: в Республике Дагестан только 18,0% представителей этнократической элиты имеют ученые степени, в Татарстане несколько больше – 22,3%⁷.

Помимо образования, представители этнократической элиты обладают и необходимыми управленческими навыками, стажем работы в органах власти и управления разного уровня, политических партиях и общественно-политических организациях. Однако по сравнению с 90-ми гг. прошлого века, когда в этнократии наблюдалось господство представителей бывшей партийно-государственной номенклатуры с большим административно-управленческим опытом, стаж уже не является сегодня таким значительным. В основном преобладают группы со

стажем работы от 5 до 10 лет. В Дагестане их насчитывается 24,6%, в Татарстане – 28,3%. Далее идут элитные кадры со стажем работы до 5 лет (в Дагестане – 24,6%, в Татарстане – 10,4%). Представителей элиты, проработавших на своих должностях в органах власти и управления более 30 лет, насчитывается только 3,0% в Дагестане и 2,23% в Татарстане⁸.

Имея ряд общих для элитных групп черт, этнократическая элита обладает и рядом специфических характеристик, имеющих как положительную, так и отрицательную направленность. По сравнению с другими группами региональной элиты, этнократическая элита представляет собой чисто андроцентристское образование. В ней очень мало представлены женщины, что вполне объяснимо традициями многих восточных народов, когда они не позволяют женщинам активно участвовать в общественно-политической жизни. Хотя ситуация во многих регионах и странах постепенно меняется и в этом аспекте, к сожалению, это происходит достаточно медленно.

Также, в отличие от многих других регионов, в этнократической элите заметно преобладание лиц в основном титульных национальностей. При этом они не всегда отражают национальный состав населения. Так, А. В. Понеделков в своем исследовании отмечает, что, например, в Республике Саха (Якутия) якуты, составляя 34% населения, занимали 69% всех должностей в правительственных структурах. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Татарстане. В республике сегодня проживают 53,1% татар, 39,7% русских и 8,2% представителей других национальностей, но при этом в 2000-е гг. 78,1% местной правящей элиты составляли татары. Согласно результатам проведенного автором исследования, сейчас в Татарстане 67,1% представителей правящей элиты составляют татары, 30,5% – русскоязычного населения. Больше всего представителей титульной нации в правительстве республики – 75,4%. В Республике Дагестан 84,9% представителей титульной нации сконцентрированы в целом в элитных кругах, в том числе в Правительстве – 85,0%, в органах законодательной власти – 85,8%⁹.

Неогъемлемой чертой этнократической элиты, о чем свидетельствуют многие проведенные исследования, являются и особенности процесса рекрутирования претендентов в состав элиты, где, помимо социальных, политических либо профессиональных критериев, важным становится принадлежность к различным родоплеменным (тейповым) и национально-земляческим группам. Однако и здесь в последние годы наблюдаются значительные изменения. Так, проведенный Ш. Кадыровым весьма интересный анализ элитных кланов различных регионов России и стран СНГ показал, что, в отличие от прошлых лет, сегодня представители этнократической элиты стараются не афишировать семейно-род-

ственные связи. Многие семейные группы в этнократических кланах элиты строятся сегодня по территориальному и земляческому принципам. При этом, как верно отмечает Ш. Кадыров, родственные отношения в них также имеют место, но число родственников, которые, казалось бы, должны быть ядром клана и занимать в нем ведущие позиции, почти всегда уступает числу партнеров клана, которые подчиняются патрону, а его родственникам оказывают услуги¹⁰. В некоторых странах СНГ (в том числе России, Туркменистане и др.) даже приняты законы, препятствующие распространению клановости в государственных учреждениях, хотя это и не привело к ликвидации так называемой политической клановости.

Постепенно ситуация с преодолением клановости стала несколько меняться после прихода в состав элитных групп представителей политических партий и общественно-политических движений. Однако этот процесс применительно к этнократическим элитам только начинает набирать некоторую силу. Так, если на федеральном уровне к лицам, являющимся преимущественно профессиональными партийными деятелями, можно отнести 6,9% политиков, то в Дагестане – только 2,3%, а в Татарстане – 1,5%¹¹.

В целом, имеющийся у представителей этнократической элиты потенциал, без сомнения, позволит решить стоящие перед данными регионами стратегические задачи и функции: формирование систематизированного концептуального знания о всей культуре этноса, определение и поддержание шкалы ценностей, создание условий межэтнического и внутриэтнического общения, объединение народа на основе единых взглядов, убеждений, традиций, сбережение культурного наследия.

Однако выполнение данных стратегических задач сдерживается некоторыми негативными явлениями, сохраняющимися как в практике отбора претендентов на элитные должности, так и в генерировании и сохранении гендерных диспропорций внутри элиты, клановости и элементов земляческих и семейно-родственных черт, зависимости карьерного продвижения от личных связей (родственных и дружеских) и взаимоотношений с руководителями.

Существенно изменить облик этнократических элит может глубинная трансформация практик элитного рекрутирования, больший упор на учет профессионально-личностных показателей элиты, развитие различных сегментов гражданского общества, которые существенно изменят кланово-земляческие отношения и дадут новый импульс развития самим элитам.

Примечания

¹ См.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над

- результатами социологического исследования. М. : Либеральная миссия, 2007. С. 29.
- 2 Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Правительство России : [сайт]. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
 - 3 Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона. URL: http://www_kto.delovoysaratov.ru (дата обращения: 10.02.2021); Волгоградская областная Дума. URL: <http://www.volgaduma.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Администрация Волгоградской области. URL: <http://www.vmes.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Известные люди юга России. URL: <http://www.vipstav.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Правительство Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Народное Собрание Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.nsrdr.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Правительство Республики Татарстан : [сайт]. URL: <https://prav.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Государственный Совет Республики Татарстан URL: <https://gossov.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
 - 4 См.: *Понделков А. В.* Региональные элиты и общество // *Обозреватель – Observer*. 2002. № 9–10. С. 32.
 - 5 Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Народное Собрание Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.nsrdr.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Правительство Республики Татарстан : [сайт]. URL: <https://prav.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Государственный Совет Республики Татарстан URL: <https://gossov.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
 - 6 Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство России : [сайт]. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
 - 7 Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Народное Собрание Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.nsrdr.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Правительство Республики Татарстан : [сайт]. URL: <https://prav.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Государственный Совет Республики Татарстан. URL: <https://gossov.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
 - 8 Там же.
 - 9 Там же.
 - 10 См.: *Кадыров Ш. Х.* Элитные кланы. Штрихи к портретам. М. : Б. и., 2009. С. 31.
 - 11 Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Народное Собрание Республики Дагестан : [сайт]. URL: <http://www.nsrdr.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Правительство Республики Татарстан : [сайт]. URL: <https://prav.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021); Государственный Совет Республики Татарстан. URL: <https://gossov.tatarstan.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

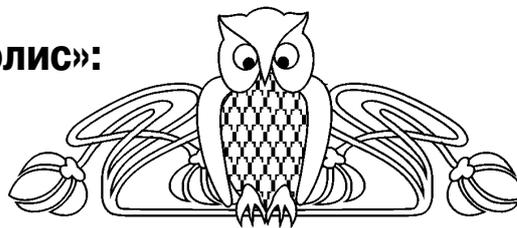
Поступила в редакцию 20.02.2021, после рецензирования 25.02.2021, принята к публикации 10.03.2021
Received 20.02.2021, revised 25.02.2021, accepted 10.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 143–149
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 143–149

Научная статья
УДК 316.334.56(316.334.52)
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-143-149>

Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы

О. В. Нотман

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Нотман Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, o.v.notman@urfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3393-9933>

Аннотация. В статье рассматриваются различные методологические подходы к определению мегаполиса, выявляется соотношение понятий «мегалополис», «мегаполис», «город мегаполисного типа». Раскрываются различия между зарубежными и отечественными традициями в определении базовых критериев идентификации мегаполиса. Делается вывод о том, что специфичность трактовки мегаполиса в отечественной науке предопределяется объективными условиями формирования и развития крупных российских городов. Анализируются функции, выполняемые мегаполисом на мезо- и макроуровне – в региональном и глобальном пространстве. Определяются диалектические принципы анализа мегаполиса как социотерриториальной системы.

Ключевые слова: мегалополис, мегаполис, город мегаполисного типа, мезо- и макро-функции, социотерриториальная система

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (№ НШ-2722.2020.6).

Для цитирования: Нотман О. В. Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 143–149. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-143-149>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-143-149>

The conceptualization of “megacity”: Formal-quantitative, legal, functional and systemic approaches

O. V. Notman

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Yekaterinburg 620002, Russia

Olga V. Notman, o.v.notman@urfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3393-9933>

Abstract. The article considers various methodological approaches to the definition of a megacity, reveals the relationship between the concepts of “megalopolis”, “megacity”, “megapolitan type city”. The differences between foreign and Russian traditions in the definition of a megacity are revealed. It is concluded that the specificity of the “megacity” interpretation in Russian science is determined by the objective conditions for the formation and development of large Russian cities. The functions performed by the megacity at the meso- and macro levels – in the regional and global space are analyzed. The dialectical principles of the analysis of the megacity as a socio-territorial system are defined.

Keywords: megalopolis, megacity, megapolitan type city, meso- and macro-functions, socio-territorial system

Acknowledgments. The research was funded by Grant Board of the President of Russian Federation for State Support of the Leading Scientific School of the Russian Federation (No. NSH-2722.2020.6).

For citation: Notman O. V. The conceptualization of “megacity”: Formal-quantitative, legal, functional and systemic approaches. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 143–149 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-143-149>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Исходные теоретические ориентиры в анализе и определении городов индустриальной эпохи сформулированы классиками социологической

мысли Э. Дюркгеймом, Ф. Теннисом, Г. Зиммелем, К. Марксом и Ф. Энгельсом, М. Вебером в рамках разработанной ими общесоциологиче-

ской теории раннего капиталистического общества. В работах представителей Чикагской школы социологии Р. Парка, Л. Вирта, Э. Берджесса, Р. Маккензи город осмысливается не только как часть общесоциологической теории, он становится самостоятельной областью исследования и главным объектом социологической рефлексии. Многообразие существующих в научной литературе дефиниций города так или иначе базируется на постулатах, восходящих к богатому теоретическому наследию, предложившему ряд конституирующих признаков города. К наиболее значимым из них можно отнести численность и плотность населения, занятость вне сферы сельского хозяйства, доминирующие формы экономического и социального взаимодействия, особенности городской среды и образа жизни.

Одной из отличительных черт современности выступает увеличение значимости сверхкрупных и сложноорганизованных городских систем – мегаполисов, концептуализация которых требует поиска дополнительных критериев, синтеза методологических подходов и выявления взаимосвязей с другими урбанистическими категориями. Разнообразие условий, в которых происходят процессы социально-экономического развития стран, регионов, городов, затрудняет выработку единых оснований отнесения территорий к определенным урбанистическим единицам (образованиям). Неоднозначность трактовки ряда урбанистических понятий, с особой очевидностью проявившаяся в конце XX – начале XXI в., свидетельствует о сложности предметного поля исследований¹ – нечеткости границ и критериев формирования урбанизированных территорий, «текучести» современных городов², региональной специфике их развития. В связи с этим особую актуальность приобретает научный поиск и выбор комбинации подходов, релевантных современным условиям развития мегаполисов и, соответственно, позволяющих анализировать состояние и динамику происходящих в них социальных, экономических, политических, культурных процессов. Цель данной статьи – рассмотреть понятие «мегаполис», синтезируя комплекс идентификационных критериев и соответствующих им подходов. Исследуя современное понимание мегаполиса, возьмем за основу формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы, которые будут взаимно дополнять друг друга и позволят интегрировать ключевые маркеры рассматриваемого феномена.

С точки зрения количественных критериев (численности населения) в идентификации мегаполисов существуют явные различия между зарубежными и отечественными нормативными традициями. Так, в англоязычной литературе широко используются два термина, характеризующие крупные урбанистические формы, – «megalopolis» и «megacity». Термином «megalopolis» обычно

маркируется обширная территория взаимосвязанных городских агломераций с населением свыше 20–25 млн чел.³. Именно в этом значении данный термин был введен в научный оборот франко-американским исследователем Ж. Готтманом, который анализировал большую урбанизированную территорию Северо-восточного побережья США от Бостона до Вашингтона (BosWash). Ж. Готтман отмечает, что обширная густонаселенная полоса образовалась за счет слияния обособленных ранее территорий, формировавшихся вокруг больших городов. Крупные города этой территории, являющиеся самодостаточными единицами, в то же время оказываются связанными между собой в результате взаимопроникновения пригородных зон⁴. Таким образом, термином «мегаполис» обозначается весьма обширная географическая зона (регион), характеризующаяся постепенным слиянием нескольких городов в единое пространство с несколькими ядрами – центрами притяжения.

Термин «megacity» (собственно мегаполис) появился в 1970-е гг. в официальных докладах ООН и впоследствии получил широкое международное распространение именно в утвержденных ООН количественных мерах. По определениям ООН, megacities – это городские поселения с населением 10 млн и более чел. Изначально нижняя граница численности населения таких территорий была установлена от 8 млн чел. Впоследствии минимальная численность населения была увеличена до 10 млн чел. По прогнозам экспертов ООН, к 2030 г. в мире будет насчитываться 43 мегаполиса с населением более 10 млн человек⁵. Характерно, что ООН отмечает наличие важной методологической проблемы на уровне межстрановых сопоставлений. Данная проблема касается критериальных несоответствий в определении статуса городских территорий не только в отдельных странах, но также и между различными источниками в пределах одной страны⁶. Отсутствие унификационных количественных критериев является отражением характерных особенностей урбанизации, происходящих в определенный период на той или иной территории, локальной специфики формирования и развития городов. Исторические, пространственно-географические, социально-экономические контексты урбанизации в разных странах предопределяют различия между российскими и зарубежными учеными в определении формально-количественных критериев идентификации мегаполисов.

Отечественные традиции идентификации мегаполисов основываются на численности населения свыше 1 млн чел.⁷. Крупнейший мегаполис России Москва с населением более 12 млн чел. – пока единственный российский город, который попадает по классификации ООН в категорию «megacity» на основе формального численного критерия. Всего, по данным Росста-

та, в России насчитывается 15 городов (включая Москву) с численностью населения более одного миллиона человек.

Один из базовых признаков отнесения поселения к городскому типу (численность населения) закреплён в законах субъектов РФ в различных количественных мерах – от 5 до 50 тыс. чел.⁸. При отсутствии законодательного единства в определении минимальной численности жителей для отнесения поселения к городскому типу, тем не менее, в отечественной науке сложилась определенная модель классификации, предполагающая выделение таких групп, как малые (до 20 тыс. жителей), средние (до 100 тыс.), большие (более 100 тыс.), крупные (более 250 тыс.), крупнейшие (от 500 тыс. до 1 млн), сверхкрупные города или города-миллионеры (более 1 млн жителей)⁹. В указанной классификационной схеме мегаполисы занимают верхнюю ступень «иерархии».

Правовое положение города задает второе направление определения мегаполиса в континууме городских классификаций. В Российской Федерации по критерию юридического статуса выделяют 6 видов городов: столица, города федерального значения (включая столицу), административные центры и столицы субъектов РФ, города областного (краевого) подчинения, города – районные центры, города районного подчинения¹⁰. В данной классификации мегаполисы – это города, попадающие в первые три группы.

С учетом специфики российской действительности, задающей определенные понятийные нормы, мегаполис в самом общем толковании может быть определен как сверхкрупный город с численностью населения, превышающей 1 млн чел., и имеющий определенный юридический статус (город федерального значения, административный центр, столица субъекта РФ). Однако формальные критерии не являются исчерпывающими для конституирования понятия «мегаполис», значимыми являются и другие признаки, связанные с функциональной спецификой и ролью мегаполисов в социально-экономическом развитии региона/страны. С этой точки зрения заслуживает внимания концептуальная трактовка, предложенная российскими учеными В. Н. Лексиним и Б. Н. Порфирьевым. Авторы полагают, что применительно к различным историческим этапам развития российских городов (царскому, советскому, постсоветскому) существуют «основания называть мегаполисом городское поселение, соединяющее в себе характерные признаки мегаполиса и крупного административного центра»¹¹. Под характерными признаками мегаполиса в данном случае понимается тенденция разрастания больших городов, вбирающих в себя пригородные поселения. Такая тенденция была и остается характерной чертой столиц и региональных административных центров. Помимо понятия «мегаполис», авторы вводят в научный оборот понятие «мегаполисность» (город

«мегаполисного» типа), подчеркивая тем самым, что количественный критерий не является обязательным и главным. Среди системообразующих признаков «мегаполисности» российских городов выделяются следующие признаки:

- превосходство по численности населения над другими городскими поселениями данного региона;
- пространственная концентрация органов власти соответствующего административно-территориального уровня, сопряженная с выполнением городом «столичных» функций;
- многофункциональность и многопрофильность деятельности;
- приоритетная историческая, культурная, образовательная, экономическая, торгово-сервисная роль в масштабах региона или страны в целом;
- концентрация объектов инфраструктуры (социальной, финансовой, связи и проч.), превышающая потребности самого города;
- развитая сеть социальной инфраструктуры, наличие нескольких видов городского транспорта и включенность в общегосударственные транспортные сети;
- высокая плотность застройки и зонирование внутригородской территории;
- высокая трудовая маятниковая миграция¹².

В системе признаков «мегаполисности» российских городов особое внимание авторы уделяют их столичным функциям. Понятием «столичность» традиционно обозначается особый статус города, подтверждаемый наличием в нем органов и структур государственного управления. В самом общем определении столица – это место пребывания правительства страны¹³. Однако понимание «столичности» может быть более широким, включающим не только административно-политические функции, но и деловые, культурные, экономические, исторические и проч. Поэтому вполне правомерно рассматривать «столичность» не только как характеристику городов – государственных столиц, но также и особенность других городов, имеющих приоритетную значимость в рамках выполнения какой-либо функции.

Маркер «столичности» для обозначения сверхкрупных городов-мегаполисов России сегодня активно используется как журналистами, так и учеными, несмотря на то, что в правовых актах субъектов РФ региональные административные центры могут не иметь официального наименования «столицы». Кроме Москвы (столичный статус которой обозначен в Конституции и Федеральном законе «О статусе столицы Российской Федерации») закрепленные на уровне конституций национальных республик наименования «столиц» есть у большей части республик, что соответствует их конституционному статусу. Тогда как административные центры, автономные округа и области чаще всего не

имеют наименования «столиц», закрепленных в правовом поле, хотя активно их используют в общественно-политическом и масс-медиа пространстве. Так, например, определенную устойчивость и известность получило словосочетание Екатеринбург – столица Урала, хотя в соответствии с федеральным и областным законодательством муниципальное образование «город Екатеринбург», являющееся городским округом, официального статуса столицы не имеет. Активное обсуждение возможностей распространения столичных функций на другие города находит воплощение в реализованных проектах. Одним из ярких примеров распространения столичных функций за пределы официальной столицы государства является ситуация переноса Конституционного суда из Москвы в Санкт-Петербург. По инициативе ЮНЕСКО в России на протяжении ряда лет выбирались «культурные столицы», в статусе которых побывали Санкт-Петербург (культурная столица России), Ульяновск и Нижний Новгород (культурные столицы Поволжья), Пермь (культурная столица Урала). В 2009 г. Роспатент зарегистрировал товарный знак «Третья столица России», принадлежащий Казани, и товарный знак «Столица Поволжья», принадлежащий Нижнему Новгороду. Очевидно, что акцент на «столичности» и столичных функциях является весьма важным для понимания особенностей мегаполисов и городов мегаполисного типа.

В целом предложенная В. Н. Лексиним и Б. Н. Порфирьевым трактовка мегаполиса отражает характеристику функций и роли крупнейших российских городов в социально-экономическом развитии страны. При этом «мегаполисность» как совокупность функциональных, демографических, градостроительных, инфраструктурных характеристик свойственна не только городам-миллионникам, но и всем региональным столицам, а также ряду других крупнейших городов России. Использование понятия «мегаполисность» применительно к российским реалиям позволяет экстраполировать качественные характеристики городов-мегаполисов на все административные региональные центры страны, а также на крупнейшие города, не являющиеся такими центрами, но выполняющими ряд других значимых функций – общественно-политических, экономических, культурных. Эти функции, прежде всего, а не размер территории или численность населения, определяют облик конкретного мегаполиса и его роль в масштабах своего региона или страны.

Функциональное основание (критерий) задает определенную типологию мегаполисов, среди которых можно выделить промышленные мегаполисы, мегаполисы – крупнейшие транспортные узлы, научно-образовательные, инновационные, финансовые центры, культурные «столицы», центры сервисной экономики (услуг). Вместе с тем монопрофильные мегаполисы, «специализирующиеся» исключительно

на одной сфере, в перспективе будут терять свою значимость и конкурентоспособность. Современные мегаполисы стремятся к мультиресурсному охвату и многофункциональности. В этом направлении развиваются федеральные столицы, столицы регионов, центры крупных административно-территориальных образований.

Выполняемые мегаполисом функции в пространстве региона, страны отражают его значимость на мезоуровне. Функции, реализуемые на макроуровне, позволяют рассматривать мегаполисы в концептуальной рамке глобальных городов. Так, в концепциях глобального города С. Сассен¹⁴ и информационно-сетевой теории М. Кастельса¹⁵ прослеживается явная связь между феноменами глобального города и мегаполисами. Концентрируя на своей территории разнообразные ресурсы, имеющие эффект взаимного усиления-приумножения, мегаполисы становятся местами образования межсетевых узлов и потоков (людей, капиталов, власти, информации, знаний, высокоспециализированных услуг и инфраструктуры и проч.), открывающих пути в глобальный мир постнациональной экономики. При этом мегаполисы – не просто территории, в которых концентрируются и протекают глобальные процессы, они (мегаполисы) в значительной степени сами являются «производителями» глобальных процессов.

Безусловно, не все мегаполисы могут быть отнесены к глобальным городам. Очевидно также и то, что зависимость между размером и функциональной (глобальной) значимостью мегаполиса не является прямой. Например, мегаполисы развивающихся стран, занимая огромные территории и обладая многомиллионной численностью населения, не оказывают влияния на развитие мировых глобальных процессов. Тогда как ряд городов, не являющихся мегагородами по площади и численности населения (например Цюрих), могут иметь значительное влияние в глобальной системе экономических взаимосвязей. Вместе с тем именно мегаполисы благодаря концентрации в них различных ресурсов (производство, образование, культура, наука, технологии, финансы, профессиональные кадры...) и капиталов (научно-технического, инновационного, экономического, информационно- сетевого, политико-административного, человеческого...) имеют наиболее высокие шансы и чаще всего становятся агентами глобализационных процессов, «воротами в глобальный мир»¹⁶.

Среди ключевых функций мегаполисов в глобальном пространстве отечественные исследователи выделяет командно-административную, организационно-институциональную, сервисную, социокультурную, интеграционную, инновационную, информационно-коммуникативную, пространственно-организационную¹⁷.

Командно-административная функция реализуется за счет концентрации на территории

мегаполисов ключевых институций, структур и организаций, осуществляющих управление глобальными экономическими и политическими процессами. Международная политика и экономика локализуется и «производится» на территории крупнейших городов-мегаполисов.

Организационно-институциональная функция выражается в формировании комплекса норм и императивов, обеспечивающих функционирование и взаимодействие международных структур и организаций (транснациональных компаний, штаб-квартир международных организаций).

Сервисная функция заключается в предоставлении развитой инфраструктуры для «поддержки» деятельности и систем взаимодействия разнообразных экономических субъектов. Преимуществом значения в сервисной инфраструктуре имеют информационные технологии, исследовательские разработки и высокоспециализированные услуги по сопровождению бизнес-процессов (консалтинг, аудит, факторинг и проч.).

Социокультурная функция мегаполисов заключается в формировании на их территории образованных, высококвалифицированных, мобильных групп населения, транслирующих в глобальном масштабе определенные жизненные ценности, нормы, поведенческие образцы и модели. Кроме этого, концентрация на территории мегаполисов культурных объектов и событий межнационального значения (мегасобытий) обеспечивает им глобальную известность и туристические потоки со всего мира.

Интеграционная функция реализуется за счет агломерационных эффектов, характерных для развития мегаполисов. Мегаполисы предоставляют доступ к глобальной экономике территориям, входящим в зону их агломерационного притяжения.

Инновационная функция заключается в формировании инновационной среды и создании условий для непрерывного «производства» и трансляции (диффузии) инноваций. Концентрация в мегаполисах образовательных и исследовательских организаций, высококвалифицированных специалистов, экспертного сообщества обеспечивает им роль центров инновационной деятельности.

Информационно-коммуникативная функция выражается в создании, распространении и контроле информационных потоков, оптимизации коммуникационных систем взаимодействия субъектов различного уровня в рамках многоаспектного процесса глобализации.

Пространственно-организационная функция мегаполисов предполагает обеспечение территориальной организации глобальных форм экономической деятельности, предоставление локальных пространств для размещения ресурсов, агентов и объектов этой деятельности, а также обеспечение механизмов бесконфликтно-

го взаимодействия территориальных комплексов и условий окружающей среды (природных, экологических факторов, городской социальной среды).

Кроме перечисленных функций, особое значение в системе взаимодействия мегаполиса с внешней средой имеет функция управления миграционными процессами. Мегаполисы – ключевые узлы миграционных потоков – как постоянных, так и временных краткосрочных. Помимо того, что мегаполисы являются центрами притяжения населения из других городов и регионов, они ежедневно выступают площадками для кратковременных встреч, переговоров, конференций, симпозиумов, конгрессов, транспортными пересадочными узлами в бизнес-трафике и т. д. В мегаполисы ежедневно прибывают сотни тысяч туристов, бизнесменов, студентов, которые обеспечивают высокую динамику капиталов и самих миграционных процессов. Выступая узлами межрегионального и межстранового обмена, мегаполисы становятся центрами миграции и таким образом приобретают функцию контроля над миграционными потоками и процессами.

Рассмотренные функции мегаполисов как центров глобального экономического пространства позволяют сделать вывод об их взаимозависимости и взаимообусловленности. Современные мегаполисы, как правило, представляют собой многофункциональные сложные системы, динамично развивающиеся и способные наращивать, изменять, дополнять свой функциональный потенциал. Большая часть глобальных городов (мегаполисов международного значения) относится к многофункциональным типам мегаполисов.

Выделенные критерии и функции мегаполиса (на мезо- и макроуровне) демонстрируют многоаспектность и сложность как самого рассматриваемого феномена (города-мегаполиса), так и его теоретической концептуализации. В связи с этим возникает необходимость теоретического осмысления мегаполиса с точки зрения системного подхода, позволяющего дополнить и интегрировать трактовки, обозначенные в рамках формально-количественного, правового и функционального подходов. Системный подход (основные положения которого разработаны в рамках общей теории систем Л. фон Берталанфи, трудах классиков социологии О. Конта, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса) предполагает рассмотрение феномена «мегаполис» с позиций целостности, самодостаточности, внутренней иерархичности, интеграции, динамизма, открытости и включенности в отношении с окружающей внешней средой. В рамках системного подхода мегаполис может быть определен как целостная социотерриториальная система организации жизнедеятельности населения, функционирующая и динамично развивающаяся в широком контексте

социальных, экономических, культурных, политических взаимосвязей и отношений.

Для мегаполиса как системы характерны следующие диалектические пары взаимосвязей-противоположностей:

1) с одной стороны, мегаполис как социальная система выступает целостной пространственно-организационной формой бытия общества и, соответственно, включает в себя все его характеристики, с другой стороны – он оказывает существенное влияние на развитие этого общества, являясь одним из его значимых проявлений (современных форм существования);

2) с одной стороны, мегаполис является целостной социотерриториальной системой, но, с другой – как любой сложноорганизованной системе ему присуща высокая степень дифференциации и иерархии внутренних подсистем и элементов (внутригородских территорий, городской среды и инфраструктуры, сообществ, групп, институтов, организаций и структур);

3) с одной стороны, мегаполисам, как любым социальным системам, присуще стремление к устойчивости (стабильности, самосохранению, самовоспроизводству), но, с другой стороны, мегаполисы – высокодинамичные системы, развивающиеся под воздействием трансформирующихся условий внутренней и внешней среды;

4) мегаполисы характеризуются одновременным сочетанием замкнутости (локальности) и открытости. С одной стороны, они включают в себя множество не выходящих за пределы системы элементов и подсистем, с другой стороны – открыты для «входа» внешних и «выхода» внутренних потоков.

Проведенный анализ трактовок мегаполиса в рамках формально-количественного, правового, функционального и системного подходов позволяет нам сделать ряд обобщающих заключений. Мегаполис представляет собой единый сверхкрупный город, который имеет тенденцию «вбирать» в себя близлежащие населенные пункты и перерастать в агломерационное образование – в российских реалиях чаще всего моноцентричное. Специфичность трактовки мегаполиса (его количественных критериев) в рамках отечественной науки определяется комплексом объективных условий формирования и развития российских городов. С правовой точки зрения, мегаполисы – это города с определенным юридическим статусом. Часть из них может не иметь численных признаков мегаполиса, но иметь иные характерные для мегаполиса особенности и выполнять характерные для него функции. Эти особенности и функции дают основание определять такие города как города мегаполисного типа. Реализуя на мезо- и макроуровне комплекс функций, мегаполисы и города мегаполисного типа выступают «точками» роста, «драйверами» развития своих регионов и стран, а также важнейшими элементами мировой системы экономиче-

ского, политического, социального, культурного, информационного взаимодействия. Глобальные города-мегаполисы, с одной стороны, постоянно испытывают на себе влияние общемировых процессов, но с другой – сами выступают инициаторами изменений во всех сферах жизни, задают тренды и векторы этих изменений. В мегаполисах как сверхкрупных, сложноорганизованных и динамично развивающихся городских системах наиболее ярко проявляется весь комплекс противоречий во взаимодействии отдельных элементов и подсистем, внутренней и внешней среды.

Примечания

- 1 См.: *Вершинина И. А.* Современные теории города : социологический анализ. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. С. 59.
- 2 См.: *Short J. R.* Liquid City : Megalopolis and the Contemporary Northeast. Washington : Resources for the Future Press, 2007. P. 6.
- 3 См., например: *Sorensen A.* Tokaido Megalopolis : Lessons from a Shrinking Mega-conurbation // *International Planning Studies*. 2019. Vol. 24, iss. 1. P. 23–29. DOI: 10.1080/13563475.2018.1514294
- 4 См.: *Gottmann J.* Megalopolis : The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York : Twentieth Century Fund, 1961.
- 5 См.: 2018 Revision of World Urbanization Prospects // United Nations, 2018. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- 6 См.: *World Urbanization Prospects. The 2014 Revision. Methodology.* United Nations. New York, 2014. С. 3–5. DOI: <https://doi.org/10.18356/527e5125-en>
- 7 См.: *Слука Н. А.* Мегаполис // Социально-экономическая география : понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. С. 133.
- 8 См.: *Фролова Т. А.* Понятие «Город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно-территориальном делении // *Пролог : журнал о праве*. 2016. № 3. С. 53.
- 9 См.: *Заборова Е. Н.* Дефиниция «город» : социологический анализ // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2016. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05SFK216.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
- 10 См.: *Таболин В. В.* Правовая теория современного российского города. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 68.
- 11 *Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н.* Мегаполисы и феномен мегаполисности в России // *Регион : экономика и социология*. 2017. № 1. С. 48–49.
- 12 Там же. С. 49.
- 13 См.: *Росман В.* Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М. : Изд-во «Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара», 2013. С. 25.
- 14 См.: *Sassen S.* The Global City : New York, London, Tokyo. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2013.

¹⁵ См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха : экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

¹⁶ См.: *Андерссон Д. Е., Андерссон О. Е., Гольдберг М. А., Диез Х. Р., Каспер В.* Ворота в глобальную экономику /

пер. с англ. под ред. В. М. Сергеева. М. : Фазис, 2001.

¹⁷ См., например: *Новосельцева А. С.* Ключевые функции мегаполисов в глобальной экономике : системность исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. Серия 9. Вып. 9. С. 74.

Поступила в редакцию 21.09.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 04.12.2020

Received 21.09.2020, revised 20.10.2020, accepted 04.12.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 150–155

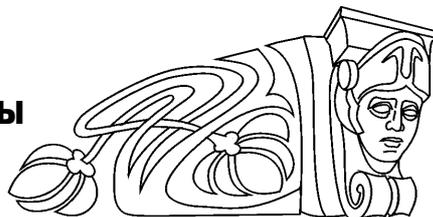
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 150–155

Научная статья

УДК 316.75

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-150-155>

Некоторые дисфункциональные аспекты социальной конкуренции в вузах

Т. А. Рассадина

Ульяновский институт гражданской авиации имени главного маршала авиации Б. П. Бугаева, Россия, 432071, г. Ульяновск, ул. Можайского, д. 8/8

Рассадина Татьяна Анатольевна, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, t.rassadina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6587-5217>

Аннотация. В современных условиях глубоких изменений российской социальной реальности, социокультурного пространства, человека мощным фактором, способствующим мобилизации активности индивидов, групп, общества в целом стала социальная конкуренция. Стремление людей занять более благоприятное социальное положение, борьба за различные ресурсы конструируют новые модели поведения людей, новые практики. Социальная конкуренция рассматривается как форма социальных связей, вид социальных взаимодействий отражает способность целедостижения в условиях соперничества с другими. Она пропитывает всю общественную ткань, присуща разным социальным группам, организациям, в том числе таким высокостатусным и сложным, как вузы. В статье анализируются социокультурные механизмы, сопровождающие социальную конкуренцию, такие как прагматизация и рационализация сознания и поведения, трансформация традиционных ценностей. Анализируются механизмы гибко-контекстуальной рациональности, отклонений ценностей от идеальных установок. Представлены практики, симулирующие (имитирующие) процессы организации и реализации разных аспектов учебного процесса вуза. Эти практики способствуют успешному целедостижению акторов, но являются дисфункциональными в инструментальных аспектах, связанных с тем, как происходит целедостижение в условиях соперничества. Показано влияние конкурентных условий на рост авторитарных и бюрократических тенденций; использование презентационной парадигмы, балльно-рейтинговой системы; макдональдизированных практик, в которых количество является синонимом качества. Продемонстрированы некоторые проблемы преподавателей дисциплин социально-гуманитарного цикла, снижающие их конкурентоспособность. Проанализированные практики отражают процесс конструирования социокультурного пространства вузов, институционализации новой нормативно-ценностной реальности.

Ключевые слова: социальная конкуренция, социальная конкуренция в вузах, дисфункциональные проявления социальной конкуренции, имитирующие, симулирующие практики, рациональность

Для цитирования: Рассадина Т. А. Некоторые дисфункциональные аспекты социальной конкуренции в вузах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 150–155. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-150-155>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-150-155>

Some dysfunctional aspects of social competition in universities

T. A. Rassadina

Ulyanovsk Institute of Civil Aviation, 8/8 Mozhaiskogo St., Ulyanovsk 432071, Russia

Tatyana A. Rassadina, <https://orcid.org/0000-0002-6587-5217>, t.rassadina@mail.ru

Abstract. In modern conditions of profound changes in Russian social reality socio-cultural space and social competition became a powerful factor contributing to the mobilization of the activity of individuals, groups, society as a whole. The desire of people to take a more favorable social position, the struggle for various resources construct new models of human behavior, new practices. Social competition is viewed as a form of social ties and the type of social interactions reflecting the ability of achieving goals in conditions of competition with others. It permeates the entire social fabric inherent in various social groups, organizations, including such high-status and complex ones like universities. The article analyzes the sociocultural mechanisms that accompany social competition, such as pragmatization and rationalization of consciousness and behavior, transformation of traditional values. The mechanisms of flexible-contextual rationality, deviations of values from ideal attitudes are analyzed. The practices simulating (imitating) the processes of organizing and implementing various aspects of the educational process at the university are presented. These practices contribute to the successful attainment of the actors' goal, but are dysfunctional in the instrumental aspects related to how goal attainment occurs in a competitive environment. The influence of competitive conditions on the growth of authoritarian and bureaucratic tendencies is shown; usage of presentation paradigm and point-rating system;

McDonaldized practices in which quantity is synonymous to quality. Some problems social-humanitarian cycle lecturers reducing their competitiveness, are demonstrated. The analyzed practices reflect the process of constructing the sociocultural space of universities, institutionalizing a new normative-value reality.

Keywords: social competition, social competition in universities, dysfunctional manifestations of social competition, imitating, simulating practices, rationality

For citation: Rassadina T. A. Some dysfunctional aspects of social competition in universities. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 150–155 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-150-155>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Ускорение и усложнение всех сторон общественной жизни, усиление неопределенности, неравновесности социальных процессов способствуют глубоким изменениям российской социальной реальности, социокультурного пространства, человека. Мощным фактором, способствующим мобилизации активности индивидов, групп, общества в целом стала социальная конкуренция. Стремление людей занять более благоприятное социальное положение, борьба за различные ресурсы, как материальные, так и нематериальные, ставшие символом успешности, формирование новой потребительской культуры конструируют новые модели поведения людей. По утверждению Ф. Фукуямы, основными движущими мотивами социальной конкуренции являются стремление к материальной прибыли (обогащению) и нематериальная «жажда признания», которые тесно переплетаются друг с другом¹.

Социальная конкуренция и конкурентоспособность сегодня рассматриваются как внутренние общественные и индивидуальные основания, способные влиять на решение экономических и социальных проблем россиян, как современная национальная идея, придающая общественным процессам и личностному развитию безусловное поступательное движение.

Проблемы конкуренции в последние десятилетия активно исследуются как в мировой, так и отечественной науке, прежде всего, экономической, а также политической. Конкуренция как форма социальных связей, которая выражает «способность социального актора реализовать свои цели в условиях соперничества с другими»², как вид социальных «взаимодействий двух и более участников рынка, нацеленных на получение одного и того же ограниченного ресурса, доступного при определенных усилиях с их сторон»³, пропитывающих всю общественную ткань, изучается в меньшей степени.

Вместе с тем социальная конкуренция – процесс, который непрерывно происходит в различных сферах общественной жизни, мотивирует и сопровождает социальную активность за обладание материальными и нематериальными благами, ресурсами, рабочими местами, социальными статусами, признанием; формирует своеобразную конкурентную среду, готовность к риску в ней, достигательные мотивации; меняет систему ценностей людей, социальные установки, модели мышления, оценивания, поведения.

В еще меньшей степени социологи изучают процессы конструирования социокультурного пространства этой реальности, институционализации новой нормативно-ценностной реальности. Вместе с тем эти процессы происходят, их понимание крайне важно сегодня, возможно, еще больше необходимо понимание векторов изменения российского человека в будущем.

В основе конструирования социокультурного пространства социальной конкуренции лежат целенаправленные социальные действия, а также регулярные рутинные, не всегда осознаваемые практики, которые наблюдаются людьми, оцениваются. В разных социальных группах эти процессы имеют свои особенности. Так, исследования В. Г. Немировского и А. В. Немировской демонстрируют более высокую социальную конкурентоспособность молодежи, чем взрослых. Конкурентоспособность молодежи, по сравнению со взрослыми, имеет более рациональные основания, опирается на узкий спектр ценностных ориентаций и жизненных ресурсов.

Однако и взрослые демонстрируют высокую рациональность. Она зачастую расходится с их системой ценностей.

Наблюдается рациональная гибкость в выборе поведенческих стратегий, подборе средств достижения цели. Реальные средства целедостижения могут кардинально отклоняться от идеальных установок, отражающих традиционно ориентированные критерии, демонстрируя значимость целерациональных действий, возникающих в широком социальном контексте на стыке с ситуационными факторами. Рациональность носит гибко-контекстуальный характер, выражает пластичное, динамичное отношение к реальности, готовность и способность критически осмысливать исходные идейные позиции и корректировать их в зависимости от ситуации, оправдывать внешне и внутренне изменчивость своих позиций. Зачастую используются высказывания и практики, симулирующие (имитирующие) для других и себя ценностные ориентиры (или их динамику). Но в неизменном виде остается направленность действий – на достижение своих целей.

Происходит расширение пространства индивидуального выбора за счет сужения институционального влияния; конструируются прагматичные системы профессиональных и нравственных ценностей, приспособленных для реализации личных целей; упрочивается опора на собственные представления о целесообраз-

ности, эффективности при принятии решений; рационализируются практики приспособления к условиям жизни, практики согласия с общими ценностями. Растет вес симуляций, имитаций в деятельности, отношениях. Результатом симуляций являются симулякры как копии, не имеющие первоосновы в объективной реальности⁴.

В условиях рыночных реформ, ставших реальностью и для высших учебных заведений, наблюдался рост приема в вузы. Известно, на разные формы обучения поступало до 60% выпускников школ, едва ли не все желающие.

Н. А. Селиверстова, исследуя имитационные образовательные практики преподавателей вузов, утверждает, что в сложившихся условиях они являются рационализацией действий и реакцией на высокую нагрузку⁵.

Но рост нагрузки происходит при одновременном сокращении ставок. Наблюдается масса других дисфункциональных явлений в высшей школе⁶. Преподаватели вынуждены бороться за сохранение контингента, своих рабочих мест. Пожалуй, с еще большим ускорением рефлексизирующие и чувствующие специалисты подвержены рационализации сознания и поведения, идет рост симуляций, имитаций, играизаций⁷.

Такие практики находятся в поле исследовательского интереса социологов, например, практики списывания⁸, замены студентами в процессе чтения рекомендованных учебников «дайджестами» из Интернета⁹ и др. Безусловно, эти практики не могут не отражаться на социализации студентов, будущих специалистов, причем отражаться негативно, участвуя в конструировании и институционализации системы ценностей будущих поколений.

Симуляция как модель рационального, сознательного, продуманного поведения позволяет продемонстрировать свою нужность, непрерывную, колоссальную активность, соответствие всевозможным требованиям организации, быстро включаться в актуальные группы, формировать отношение к себе, достигать определенного статуса, успешно продвигаться к цели. Она становится «социальной компетенцией»¹⁰. Такого рода личностная активность (внутренняя, психологическая, а также внешняя) является серьезным фактором трансформации и прямой смены ценностных ориентаций личности, а со временем и групп, социума.

Сегодня такие практики пропитывают разные аспекты жизнедеятельности вуза.

Не отрицая необходимости упорядочения учебного процесса, его планирования, осмысления и закрепления в форме различных документов, следует указать на имитирующие деятельности, лжедеятельности, связанные с бумаготворчеством и ставшие на протяжении последних лет первостепенными критериями работы вузов, включая подтверждение их эффективности, «помогая» пройти аккредитации. Та-

кого бумаготворчества не было даже в советское время, которое часто критикуется за бюрократизацию.

Уже на протяжении многих лет происходит очевидная симуляция деятельности за счет создания виртуальной реальности в виде бесконечного количества документов, для преподавателей – рабочих программ учебной дисциплины прежде всего. Отсутствие (незнание, недоведение до преподавателей) четко прописанных шаблонов документов, работа методом проб и ошибок, вероятно, отсутствие инструктирующих и консультирующих функций вышестоящих организаций; работа в авральном режиме; сборы подписей в разных инстанциях (синоним – заверено, допущено, разрешено), «дискуссии» в библиотеках о включении в программу списка литературы, необходимой для освоения дисциплины студентами; детальная проработка фондов оценочных средств без наличия реального содержания Государственных образовательных стандартов, т. е. содержания образования (для вузов это просто огромная проблема); бесконечные корректировки отдельных шаблонных фраз, слов и прочее, прочее – создают симулякры, не имеющие ничего общего с подлинной профессиональной деятельностью преподавателей, задают бессмысленность этой активности. Предлагаемый расчет часов на подготовку лекций, семинаров, написание статей, монографий и т. д., фиксирование этого в индивидуальных планах преподавателей – очередные симуляции. Следует заметить, что не во всех вузах доходят до такого абсурда. Значит, можно делать и по-другому, без вреда для своей организации.

Специалистам в области социальных наук хорошо известно, что обюрокращивание с неизбежностью ведет к деградации структур, гибели социальных институтов.

Одной из причин симуляций становится «борьба» предметников за компетенции, которые предлагают ГОСы. Есть таковые – дисциплина будет жить и наоборот. Компетентностный подход, на основе которого строятся сегодня ГОСы, безусловно, имеет свою ценность, особенно для выпускающих кафедр. Хотя и у них есть вопросы, даже претензии. У кафедр не выпускающих (к таковым относятся прежде всего кафедры социального и гуманитарного цикла) есть, на наш взгляд, существенные и очень серьезные вопросы. Компетенции, предлагаемые стандартами, нередко не имеют никакого отношения к тому, что изучается в дисциплине. Либо, борясь за истину, преподаватель отказывается от этих компетенций, а стало быть, от часов, работы. Либо имитирует своей конформной дисциплинированностью, исполнительностью соответствие этим компетенциям, отражая их содержание в рабочей программе дисциплины, на практике работая в рамках содержания, принятого в науке, которую он представляет.

Полагаем, сам компетентный подход нуждается в обсуждении. Так, можно дискутировать о том, почему каждый вуз страны предлагающий подготовку по тому или иному профилю, отражает свое понимание предлагаемых стандартами компетенций (в рамках каких предметов, на каком конкретном содержании и т. п. должны будут готовиться специалисты именно в этом вузе). Повышается зависимость образования от того, кто создает программы учебных дисциплин. Возможно, содержание основных дисциплин должно быть одинаковым, унифицированным в РФ, поскольку напрямую связано с качеством подготовки специалистов для разных отраслей и сфер жизни нашей огромной, но единой страны. Специальные курсы и другие могут предложить элементы вариативности, возможно, в том числе с учетом интересов преподавателей.

Оптимизация разнообразных ресурсов высшей школы, изыскание дополнительных финансов, пересмотр учебных планов, оптимизация кадрового состава (читай – его сокращение) происходит, прежде всего, за счет часов, отводимых на изучение предметов социально-гуманитарного цикла. Причем происходит это исключительно из субъективных соображений чиновников от образования любого уровня.

Многие дисциплины социально-гуманитарного цикла не отражены в ГОСах как дисциплины общеобразовательного цикла, обязательные для изучения студентами всех направлений подготовки. Не умаляя нужности преподавания философии, истории России, русского языка, педагогики и психологии, которые имеют такой обязательный статус, с необходимостью должна быть представлена всеми основными дисциплинами и социально-гуманитарная компонента. Под ними сегодня понимаются не только традиционные философия и история отечества, с вполне устоявшимся едва ли ни с советских времен содержанием, но и появившиеся в новейшую историю социология, политология, правоведение, культурология, возможно, конфликтология, приобретающие статус классических наук для получения базовой системы социально-гуманитарного знания. Изначально под них должны быть предложены адекватные компетенции в Государственных образовательных стандартах новых поколений. Отсутствие этих дисциплин в основных образовательных программах вузов обедняет студентов, лишая их возможности достойно пополнять ряды не только российской, но мировой элиты. Преподаватели дисциплин социально-гуманитарного цикла, не выдерживая конкуренции с так называемыми обязательными дисциплинами, стремятся продемонстрировать их и свою нужность всеми возможными средствами, и зачастую это выглядит просто унизи-тельно.

Немало проявлений симулятивных практик можно наблюдать в самом учебном процессе.

Как ни парадоксально, конкурентные условия заставляют в конечном итоге вуз, кафедры, преподавателей сводить к минимуму уровень требований к себе и к обучающимся.

Аккредитация вуза, кафедр, конкурсы преподавателей на замещение вакантных должностей, постоянная угроза сокращения заставляют жить не по высшим стандартам, а по принципу «шито-крыто». Важно, чтобы в глазах проверяющих, любых вышестоящих было что предъявить соответствующее формальным требованиям (есть нужная бумага-отчет, высокая успеваемость, используется многообразное технологическое обеспечение преподавания, особо презентации, тестирование и т. д.). Ценится прежде всего исполнительность.

В условиях таких установок преподаватели боятся ставить невысокие, но адекватные оценки; «не замечают» «скаченных» или выполненных «под заказ» рефератов, курсовых и даже выпускных квалификационных работ; списывание на контрольных, тестировании, зачетах, экзаменах, тем более в условиях технического обеспечения студентов (например, с наушниками и др.).

Конкурентные условия способствуют росту авторитарных и бюрократических тенденций. В этом контексте требования растут, где-то явно становятся избыточными для преподавателей вузов как высококвалифицированных и мотивированных специалистов. В целях удержаться – ужесточается режим контроля и оценки других. Дисциплина, исполнительность, жизнь по принципу «меньше слов – больше дела», являющиеся легитимными нормами социальной жизни, на практике зачастую означают: не надо обсуждать, дискутировать, думать, прежде всего, по поводу разного рода организационных моментов, управленческих решений. Участие в социальном обмене, следование такого рода требованиям одним дает возможность «эффективного» управления, другим придает вид добросовестного сотрудника. В конечном итоге и те, и другие самосохраняются на своих рабочих местах, но в статусе глубоких конформистов.

Символом эффективности и конкурентоспособности стали макдональдизированные практики, в которых количество является синонимом качества. Производство научной информации отражается в бесчисленных публикациях, в том числе во всеядных коммерческих сборниках. Не происходит приращения информации, которая является для научного сообщества интересной, полезной, эвристичной, что, как правило, фиксируется в цитированиях, соответствующих индексах. Опять, как в советское время, стало цениться участие во всевозможных управленческих функциях вуза, факультета, кафедры, где преподаватели выполняют роли не экспертов, а статистов, как правило, занимающихся сбором всевозможной информации, пишущих протоколы, отчеты и т. п., считаясь нужными людьми,

которые за эту активность зачастую премируются. Эта активность всенепременно учитывается в конкурсах на замещение вакантных должностей. Неостепененные молодые преподаватели (зачастую не способные это сделать в течение непримечательно длительного времени) очень быстро подмечают эти тенденции и активно ими пользуются в борьбе за выживание в вузах.

Разделение труда – великое достояние человечества, однако на самом деле происходит делегирование организационно-технической работы от руководителей подразделений (кафедр прежде всего), а иногда и от технического персонала (у них символические зарплаты) преподавателям. Доминируют принципы «разделяй и властвуй», «руководить – руками водить», а не вести за руку. Необходимость выполнения руководителями разного звена многочисленных организационно-технических функций нередко способствует выдвижению на некоторые управленческие должности, в том числе заведующих кафедрами достаточно молодых, но весьма средних специалистов, ученых, к тому же не имеющих даже научных званий. Размывается институт авторитета. Это явление глобальное, объяснимое, но для высшей школы пока еще крайне необходимое, здесь сохраняется «заказ» на авторитет, авторитет научный, научно-педагогический прежде всего.

В условиях конкуренции не снижается приоритет фактора личных отношений, «личной преданности».

Наблюдается любопытная тенденция трансформации традиционных ценностей, в которой проявляются некие латентные и, казалось бы, парадоксальные смыслы. Индивидуализация социальных субъектов, рост их саморефлексивности, постоянное исследование социальных практик и их преобразование в свете поступающей информации стимулируют понимание приоритетности социального целого, скорее, как фактора/аспекта успеха, адаптации. Появляется новая субъектность, в которой рост индивидуализации происходит за счет сотрудничества, умения защищать свои права и осознавать корпоративные интересы. Практики солидарности и сотрудничества не только не противостоят свободе и автономности индивида, но и способствуют их утверждению. Рациональность позволяет понять, что важно отстаивать свои позиции, но сохранять бесконфликтное взаимодействие, использовать привилегии коллектива. Прагматизм, связанный с предпочтением коллективного, статусного, является сложным феноменом. Принципы социального обмена, которые имплицитно содержатся в определенных аспектах коллективности, не имеют однонаправленной поддержки, самоопределение между целедостижением и нравственным выбором идет сложно. Немало внешнего конформного в мышлении и поведении, одновременно рационально просчитанного, компенсирующего недостаточность компетенций, способностей,

опыта, систематического труда и т. д., но в конечном итоге имеющего целью достижение нужных для себя результатов.

Методы организации учебного процесса стали особым предметом использования для преподавателей высшей школы. Их многообразие несопоставимо с методами, используемыми в вузах в советский период.

Современные молодые люди имеют широкий и вполне свободный доступ к информации. Это, безусловно, ценно, просто замечательно. Однако в самом образовании «презентационная» парадигма вытесняет «чтениевую», внешнее – внутреннее, глубинное, содержательное; растут информативность и фрагментарность знания, упрощения, есть проблемы с формированием системы знаний. Место книги теперь занимает компьютер, которым молодежь владеет лучше, чем интеллектуалы старших поколений. Но в Интернете читаются, увы, не книги. «Путешествия», например, по социальным сетям занимают много времени, оказываются более востребованными, далеко не развивающими. Вместе с начитанностью исчезает ряд важных компетенций, в первую очередь, связанных с грамотностью и нарративной рациональностью. Умение последовательно и понятно излагать свои мысли ныне становится редкостью даже среди учащихся элитных учебных заведений. Наблюдается трудности с определением понятий, «разворачиванием» мысли, сравнением по одному основанию, восхождением к абстракциям, обобщениям и т. д.; мышление избыточно конкретно.

Многообразие методов, которые стали использоваться, – это зачастую компенсация недостаточного уровня развития студентов, а также фиксирование или даже конструирование этих проблем. Презентационная парадигма обучения способствует утрате интеллектуальной работы с текстом. Последняя, как показывала классика экспериментальной психологии, залог хорошего усвоения информации, развития когнитивных функций в целом. Зачастую благодаря презентациям студенты получают готовые выводы, тезисы. Это дополнительно упрочивает фрагментарность, мозаичность знания.

Следует отметить отсутствие новых образовательных стратегий в этой области, сомнительное технологическое обеспечение. И здесь ничего не меняется. Так, залегитимированная балльно-рейтинговая система оценок, тестирование, возводимые на уровне итоговых требований в абсолют, в недостаточной мере ориентируют на целостное и критическое осмысление информации, ориентируют не на воспроизведение, а на ее узнавание, и опять без четко прописанного содержания образования, что является в социально-гуманитарных дисциплинах дисфункциональным, но имитирующим активность в использовании образовательных технологий. Это осознают и сами обучающиеся.

Конкуренция сложно решает эти проблемы. Она далеко не всегда честная и справедливая.

Таким образом, в стратегии деятельности преподавателей вузов в условиях возрастающей конкуренции наблюдаются высокий прагматизм, рационализм, целерациональные, имитирующие, симулятивные практики, презентационные ценности, которые зачастую являются дисфункциональными. Сильны бюрократические тенденции, растет авторитаризм. Эти практики отражают процесс конструирования социокультурного пространства вузов, институционализации новой нормативно-ценностной реальности.

Сегодня даже молодежь относится к социальной конкуренции как к значимой, но зачастую безнравственной. Безусловно, в сознании преподавателей существуют представления о добросовестной и недобросовестной конкуренции, которые отражают не столько целевые аспекты жизнедеятельности, сколько инструментальные, связанные с тем, как происходит целедостижение в условиях соперничества.

Добросовестная социальная конкуренция имплицитно связывается с профессиональными компетенциями, ответственностью, опытом, способностями, постоянным трудом, усилиями, трудолюбием, с достижениями по заслугам. В условиях рыночной экономики, на которую ориентированы все сегменты общественной жизни, эти факторы должны стать приоритетными основаниями конкурентной среды. Однако даже в вузах, социальных организациях, сохраняющих высокий статус в обществе, дисфункциональные проявления недобросовестной социальной конкуренции сегодня имеют выпуклые очертания.

Примечания

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2007.

- ² Немировский В. Г., Немировская А. В. Социальная конкурентоспособность : шансы на успех у молодежи и взрослых // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 2. С. 135. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5848> ; также см.: Немировский В. Г., Мальцева А. В. Конкуренция как ценность работающей молодежи (на материалах социологических исследований // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 187–201. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.615
- ³ Радаев В. В. Социология рынков : к формированию нового направления. М. : ГУ ВШЭ, 2003. С. 55.
- ⁴ См.: Бодрияр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2018.
- ⁵ См.: Селиверстова Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5
- ⁶ См.: Шереги Ф. Э., Кириллов А. В. Труд преподавателя вуза : творчество или «выживание»? // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 87–98. DOI: 10.7868/S0132162517110101
- ⁷ См.: Кравченко С. А. Играизация общества : блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. Вып. 11 / под ред. В. И. Конова. М. : Октопус – Природа, 2008. С. 270–276.
- ⁸ См.: Латова Н. В., Латов Ю. В. Обман в учебном процессе // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 31–46.
- ⁹ См.: Зборовский Г. Е. Образовательное знание как проблема социологии // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 12–20.
- ¹⁰ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И., Дивненко О. В. Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности // Российское социологическое сообщество : история, современность, место в мировой науке : материалы науч. конф. к 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2016. С. 260–263.

Поступила в редакцию 08.02.2021, после рецензирования 01.03.2021, принята к публикации 15.03.2021
Received 08.02.2021, revised 01.03.2021, accepted 15.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 156–161

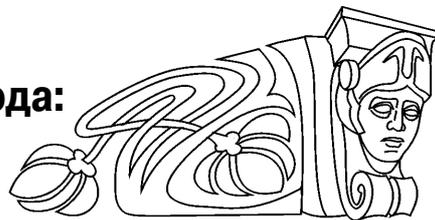
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 156–161

Научная статья

УДК 316.614

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-156-161>

Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития

А. И. Зверев[✉], С. М. Карачков

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 620144, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 69.

Зверев Алексей Игоревич, кандидат социологических наук, докторант, zvarefff@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5586-6985>

Карачков Сергей Михайлович, кандидат социологических наук, докторант, serkar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6042-8741>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности закрытых атомных городов, с выявлением средовых особенностей. Проблематика атомных ЗАТО заключается в свертывании советского атомного проекта, соответственно, возникает необходимость реформирования ЗАТО; перспективы развития ЗАТО видятся в «перезагрузке» промышленного потенциала в сторону ядерно-энергетических технологий, развития наукоемких производств.

Ключевые слова: ЗАТО, закрытый атомный город, моногород, индустриальный город, городская среда

Для цитирования: Зверев А. И., Карачков С. М. Атомный ЗАТО как особый тип моногорода: перспективы и проблемы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 156–161. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-156-161>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-156-161>

Atomic CATF as a special type of monotown: Prospects and problems of development

A. I. Zverev[✉], S. M. Karachkov

Ural Institute of Management, Branch of RANEP, 69 8-Marta St., Ekaterinburg 620144, Sverdlovsk region, Russia

Alexey I. Zverev, zvarefff@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5586-6985>

Sergey M. Karachkov, serkar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6042-8741>

Abstract. The article deals with the features of closed nuclear cities (CATF), identifying the environmental features. The problem of CATF is the completion of the Soviet atomic project, and the need of forming CATF. The development prospects of CATF are seen in rebooting and developing the industrial potential in the direction of nuclear energy technologies and science-intensive industries.

Keywords: ZATO, closed nuclear city, single-industry city, industrial city, urban environment

For citation: Zverev A. I., Karachkov S. M. Atomic CATF as a special type of monotown: Prospects and problems of development. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 156–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-156-161>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В настоящее время проблема поиска путей развития малых городов, в том числе таких специфических, как ЗАТО, остается актуальной в силу их распространенности. До сих пор многие города испытывают последствия кризиса государственности 1990-х гг. Однако в случае с ЗАТО удалось сохранить потенциал развития. Превратить потенциал в реальные результаты поможет социологическая наука.

Цель исследования заключается в анализе сущности, специфики, текущей проблематики в ходе изучения особенностей ЗАТО как моногородов.

Социологическое понятие «города» многозначно в силу объективных причин: города – неотъемлемая часть современного общества, и с ними связана жизнь многих людей на планете; все больше социальных взаимоотношений воспроизводится в городском пространстве; города отражают суть, особенности, перспективы развития и ключевые проблемы современного общества.

Как писал В. Л. Глазычев, «уже более половины человечества проживает в городах, а в наиболее развитых странах доля городского населения приближается к 80%, а то и к 90%»¹. В. И. Захарова также отмечает, что «современ-

ное общество было, не в последнюю очередь, городским (буржуазным) обществом, и многие его проблемы и характерные для него процессы наиболее зримо развертывались в городах и не могли быть осмыслены в отрыве от них»². Многие авторы обращают внимание на междисциплинарный характер изучения городов, говоря о том, что интерес к исследованию города проявляют не только социологи, но и географы, экономисты. И. А. Вершинина выделяет экологический, политэкономический и социокультурный, или социально-психологический подходы к изучению современных городов³. Основу социальной экологии города, по ее мнению, составляет анализ способов воспроизводства социальных и пространственно-территориальных «паттернов». В рамках политэкономического подхода анализу подвергаются основные вопросы социально-экономического характера. Социология и социальная психология акцентируют внимание на микроуровне социальных отношений горожан, а также на процессах социализации и формирования поведенческих стереотипов.

В русле вышеозначенного «город» можно трактовать как «крупное, плотное и постоянное поселение». Город – это «социальная лаборатория», в которой нужно «изучать закономерности взаимодействия человека со средой города (например, проблемы адаптации человека, семьи и других социальных групп к городской среде обитания)»⁴. С одной стороны, большинство городов созданы людьми и являются примерами прагматичного и рационального преобразования мира. С другой стороны, городские пространства сами формируют людей в социальном смысле этого слова, поскольку являются средой повседневных городских практик, «где люди проводят большую часть своей жизни, живут, работают, учатся, отдыхают, влюбляются, женятся, воспитывают детей и т. д.»⁵. В городах реализуется большая часть современных социальных отношений. Пространство современного города, по сути, является на сегодняшний момент тем самым коммуникационным центром цивилизации, «местом концентрации и взаимодействий людей, их кооперации и деятельности»⁶. «Повседневная жизнь горожан, их экономические и социальные достижения в условиях свободы и безграничной коммуникации делают жизнь конкретных городов значительной, важной и привлекательной не только для самих жителей, но и для других людей»⁷. Речь идет о жителях села. «Экономическая» доминанта роста города, типовые конфигурации топонимики и функциональность городских пространств детерминируют массовое развитие городов как «организаций с типичной биографией» (Р. Парк). Наконец, город – это «поселение, в котором действует рынок» (М. Вебер).

Обобщая различные подходы и направления, можно выделить следующие социальные признаки города как социальной общности:

- открытый характер взаимоотношений;
- концентрация социально разнородного населения;
- динамичный характер социальной структуры;
- развитость экономических и торговых отношений;
- специфический (городской) образ жизни, для которого присущи преобладание анонимных, деловых и поверхностных контактов в межличностном общении;
- динамика мобильности;
- индивидуализация и дисперсность, умаление роли семьи, брака, общности и добрососедства, жизнь для себя.

Сразу отметим, что в силу своей проектной специфики и режимного характера ЗАТО не соответствует в полной мере критерию *открытости*. Соответственно, в закрытых атомных городах были и остаются ограниченными возможности ресурсообмена, взаимодействия с иными социальными системами, социальной мобильности, структурной динамики и проч.

Исходная авторская гипотеза в этом вопросе такова: *закрытый атомный город является разновидностью небольшого индустриального моногорода (города-завода) проектного происхождения и закрытого типа*. Особенности атомных ЗАТО обусловлены спецификой советского атомного проекта, а именно задачами первоочередной государственной важности, особым статусом территории, режимом секретности, привлечением высококвалифицированных кадров, «спецконтингента» и проч.

Исходя из гипотезы, чтобы выявить суть социологического понимания, атомные ЗАТО необходимо рассматривать, принимая во внимание: геополитические предпосылки возникновения ЗАТО в определенных областях страны; социальную среду закрытых атомных городов; становление и развитие социокультурного ядра города, выражающегося в «корпоративном духе»⁸ жителей ЗАТО; правовую основу и функции управления и т. д. Это, на наш взгляд, является тем набором критериев, последовательно выделив и проанализировав которые, можно охарактеризовать место и особенности атомных ЗАТО в многообразии современных городов.

Изучая историю, социально-управленческие особенности и проблемы атомных ЗАТО, авторы обнаружили, что закрытые атомные города оказываются влетенными в общую логику развития городов XIX–XX вв. С. Ю. Гацук отмечает, что большинство городов до начала XIX в. были созданы в основной своей массе как портовые, торговые, административные (властные) центры⁹. Но в капиталистическую, индустриальную эру города становятся в большей степени ядром индустриальной перестройки общественно-экономического уклада. Капитализму потребовались центры производства. Ими стали

города. Как писал В. Л. Глазычев, именно период промышленного бума в Англии послужил той средой, в которой возникли и укрепились различные «профильные» промышленные города со своей специализацией: машиностроительной, горнодобывающей и металлургической, текстильной, нефтехимической и иной. Также с середины XIX в. установилась практика корпоративной закладки городов, когда крупные предприниматели строили новые малые города в непосредственной связи с новыми заводами¹⁰.

Поскольку атомный ЗАТО является, по нашему мнению, разновидностью небольшого индустриального моногорода, или города-завода, рассмотрим особенности таких городов и сравним их с закрытыми атомными городами.

Нельзя забывать, что в свое время города стали формировать новую реальность модерна¹¹, отрабатывая в своем пространстве иные социокультурные паттерны, противопоставляя себя доиндустриальному феодальному миру, предлагая обществу новый индустриальный тип развития. Эти индустриальные черты раннего капитализма современные города несут и по сей день. Ю. Л. Балюшина связывает повседневные социальные практики города с «проникновением индустрии во все сферы жизни горожан»¹².

Ярким примером индустриальных городов могут служить российские моногорода, которые возникли в разгар индустриальной эпохи, в том числе атомные ЗАТО, где корпоративность жителей – «Мы выполняем важную государственную задачу» – носит ярко выраженный характер. По мнению К. А. Платонова и В. Г. Овсянникова, «основная задача моногородов, прежде всего, экономическая, ведь они концентрируют в себе огромные объемы производства»¹³. Следовательно, индустриальность города проявляется во всем: и в его «промышленной специальности», и в образе жизни горожан, и в «суровой» промышленной субкультуре (Нижний Тагил и Челябинск давно стали объектами юмора по этому поводу), и в особенностях организации местного управления в рамках отношений комбината и города. Это же отмечает Р. М. Лотарева: город-завод отражает в себе «функциональный характер образования промышленных поселений на основе отдельных заводов»¹⁴.

Все вышесказанное, безусловно, можно отнести на счет закрытых атомных ЗАТО с определенными оговорками (режим секретности, прямое управление из Москвы, «элитный» статус и преференции жителям и т. д.).

Таким образом, моногород, город-завод и ЗАТО являются одними из разновидностей индустриального города.

Особенности развития логики массовой закладки индустриальных, промышленных городов в СССР таковы, что можно говорить о формировании «министерских кустов» городов по отраслям промышленности СССР. Атомные

ЗАТО можно отнести к «атомному кусту» Министерства среднего машиностроения (Минсредмаш СССР). В подтверждение этого В. Л. Глазычев отмечает наличие проектной логики возникновения и сопровождения ЗАТО (проектным институтом в Ленинграде).

Поскольку становление и сама суть возникновения моногородов связана идеей обеспечения приемлемых условий проживания сотрудников при производстве для городов характерна «акцентировка того или иного производственного профиля поселений в соответствии с ведомственной логикой финансирования экономики»¹⁵.

То есть по факту в СССР моногорода относились к той или иной ведомственной промышленной группе: Министерства среднего машиностроения (закрытые атомные города), Министерства энергетики, Химпрома или Минэнерго и т. д. Очевидно, в силу специфики советской экономики подобная типология моногородов уникальна для индустриального мира. Такая логика принадлежности города к тому или иному промышленному министерству детерминировала особые характерные типичные черты социокультурного и архитектурного пространства городов, уникальную проектную культуру. В этой связи понятно, что корни идентичности, самобытности атомных ЗАТО необходимо искать у инициаторов Атомного проекта – в Минсредмаше СССР. Так, по мнению В. Л. Глазычева, «наивысшее возможное качество среды городов Минсредмаша (ЗАТО) было обусловлено не только щедрым финансированием их строительства, но и вкусами ведущих ядерных физиков, и страстью к архитектуре заместителя министра, ответственного за строительство, и, не в последнюю очередь, высокой культурой засекреченного проектного института в Ленинграде, который вел все проекты»¹⁶.

Специфика советских моногородов, промышленных городов, городов-заводов, где отчетливо выделяется приоритет завода в качестве субъекта управления территорией и градообразующего предприятия, также отражена в работах В. Л. Глазычева. Генезис моногорода он описывает не иначе как завод и при нем жилье с социальной инфраструктурой.

Распространение в нашей стране индустриальных городов, в частности небольших моногородов, городов-заводов, способствовало инкультурации их образа среди жителей страны. Со временем города обрастали индустриальными традициями, «историями»¹⁷. Здесь нужно подчеркнуть, что в случае атомных ЗАТО подобного рода стереотипы вышли из ценностного ядра «корпоративности» и затем существенным образом повлияли на воспроизводство образа жизни, культуры и идентичности их жителей.

Большинство атомных ЗАТО в силу ряда геополитических причин были размещены на Урале. Сформировался так называемый ураль-

ский ядерный щит. На момент закладки атомных городов здесь был накоплен значительный опыт развития индустриальных городов, а также городов-заводов. В качестве типичного примера развитого индустриального, заводского города можно упомянуть г. Екатеринбург.

По этому поводу В. Л. Глазычев отмечал, что в основе индустриальных центров лежит идея организации при-заводских слобод по схеме трудо-бытовых коммун. Планирование и финансирование велось по ведомственным схемам, не испытывая потребности в привязке к концепциям расселения¹⁸. Таким образом, многие будущие индустриальные центры СССР, по сути, являются при-заводскими слободами, организованными проектно и централизованно. Такая схема закладки и развертывания идентична с атомными ЗАТО, с оговоркой, что в атомных городах присутствовала секретность и инновационный характер производственной деятельности (ядерно-оборонного комплекса – ЯОК и частично ядерно-энергетического комплекса – ЯЭК).

В типичных атомных ЗАТО, например в Новоуральске, мы также можем четко проследить рациональную планировку вокруг градообразующего комбината УЭХК, развитую и скомпонованную с учетом индустриального характера города социальную инфраструктуру по типу соцгородка, иные рассмотренные на примере Свердловска/Екатеринбурга типичные особенности и т. д.

Отсюда можно заключить, что атомные ЗАТО закладывались с учетом накопленного опыта формирования и развития российских/советских индустриальных городов, моногородов, городов-заводов. В настоящее время плоды отмеченной выше практики создания фабричных городов осознаны как кризис так называемых моногородов, утративших стержень экономической жизни в новых условиях. Таким образом, у ЗАТО, как и у моногородов, та же проблема – утеря стержень (экономической, проектной и проч.) жизни в новых условиях. Так как стержнем являлся советский атомный проект в условиях противостояния холодной войны, который был свернут в 1990-е гг., то ЗАТО остались «не у дел». В настоящее время фронт международного противостояния переместился в сторону гибридных войн (одновременно с элементами культурных, информационных, кибер-, экономических, политехнологических). Соответственно, советский атомный проект и концепция развития ЯОК в целом нуждается в реструктуризации и перезагрузке, в том числе в сторону развития ЯЭК и иных инноваций.

Режимный характер ЗАТО, изолированность города от остальной территории, а также небольшой, компактный размер городов позволяет сравнить их с малыми городами. Однако, изучая данный вопрос, мы не нашли ЗАТО в классификации малых городов, несмотря на наличие мас-сы схожих признаков.

Также интересно отметить схожесть атомных ЗАТО и малых городов Крайнего Севера. В данной области не так много комплексных социологических исследований в силу специфики заполярных городов¹⁹. Схожесть культурного пространства северного города со спецификой и проблемами ЗАТО вполне очевидно прослеживается на примере таких малых городов, как Воркута²⁰.

По этому поводу Ю. П. Шабаев, И. Л. Жеребцов и О. В. Лабунова в своей работе «Культурная эволюция заполярного города: от городка-концлагеря – к городу-призраку» отмечают, что «город в Заполярье – это городское поселение с ограниченным публичным пространством, а городские улицы здесь почти лишены функции рекреации», что «население заполярного города, как правило, никак не связано с окрестной территорией и его жители не могут выезжать по выходным в близлежащие деревни и села, поскольку таких деревень и сел попросту нет, а места исхода жителей лежат далеко за пределами региона их нынешнего проживания»²¹. Такая оторванность от внешнего мира, характерная и для малых городов Заполярья и для компактных закрытых атомных ЗАТО, детерминирует ряд сходных социальных процессов: жители больше, чем обычно, «варятся в своем соку». Их идентичность, самобытность, узнаваемость резко возрастают. Повышается уровень рефлексии, усиливается градация «свой – чужой» и т. д. Существенное различие заключается в том, что малый город Заполярья – потенциально депрессивная в социокультурном плане территория («зэка» контингент, погодные условия, минимальная социальная и инфраструктурная обеспеченность), в то время как атомные ЗАТО – «элитные города», с «тепличными условиями» проживания, «спецснабжением», привилегиями и проч. Однако и здесь, и там формируется плотное социокультурное ядро, в случае атомных ЗАТО – корпоративный дух города, жители которого выполняют важную, стратегическую государственную задачу.

На сегодняшний день многие исследователи отмечают завершение индустриального этапа развития общества. Опубликован целый ряд работ, затрагивающих проблемы постиндустриализации и места индустриальных городов, моногородов, городов-заводов в новом мире. Очевидно, данная проблема в полной мере касается закрытых атомных городов, с одной оговоркой: траектория жизни атомных ЗАТО резко изменилась с дестабилизацией советской государственности и распадом СССР – проекты, по сути, прекратили свое существование, большая часть потенциала уже растрочена. При этом в новых условиях постиндустриальной экономики атомные ЗАТО находятся в более выгодном положении, нежели иные малые и средние моногорода России (интеллектуальный потенциал,

сохранение производства на закрытой территории и проч.).

Таким образом, сегодня исследователи моногородов диагностируют и предлагают пути решения тех проблем, которые зародились еще в перестроечный период, в условиях внешне-управляемого демонтажа СССР, кризиса суверенитета, потери государственности, введения национальной экономики в тяжелейший кризис и проч.

В результате постиндустриализации и попыток глобализации современного общества как общемировых тенденций, а также локальных кризисных явлений (например, советская перестройка) в развитии малых городов наметился комплекс типичных проблем. Этот кризис постиг также закрытые атомные города, однако со своими особенностями:

– технологическая база ЗАТО на период кризиса была существенно развита и позволяла планировать различные варианты конверсии, однако производства оказались предоставленными самим себе, в условиях «хозрасчета и самофинансирования», не имея подобного «рыночного» опыта. В большинстве случаев не была разработана, реализована грамотная стратегия развития, активы и потенциал были растрочены;

– уровень развития инфраструктуры и социальных объектов был также высок, однако практически в полном составе объекты были переданы из бюджетов градообразующих предприятий в местные бюджеты ЗАТО. Для муниципалитетов такая развитая социальная структура оказалась слишком затратной;

– обладая высокой инвестиционной привлекательностью территории, ввиду технологической развитости и интеллектуального потенциала, ЗАТО не смогли предложить инвесторам конкурентоспособных условий по причине закрытого характера территории и связанных с особым статусом нормативно-правовых ограничений. Статус ЗАТО не рассчитан на активное развитие отношений в рамках рыночной экономики, развитие внутригородского потребления, выстраивание внешних связей и т. д.

Подводя итоги, можно сказать, что анализ теоретических подходов показал, что атомные ЗАТО существенно отличаются от той модели, которую традиционно конструирует социология. Атомный ЗАТО – это частный случай городского сообщества. Это город, находящийся во внешнем управлении, созданный и реализованный как проект под конкретную цель, с конкретными ожидаемыми результатами, закрытый от внешней среды, с заранее продуманной культивируемой внутренней средой. Он несет в себе черты города-завода – крупный завод или комбинат плюс жилье и необходимый комплекс социального обеспечения для работников. Но здесь больше секретность, больше ответственность и присутствие четкого центрального государствен-

ного контроля, отдельное полное обеспечение, соответствие социальной инфраструктуры задуманным целям (обеспечение повышенного, столичного уровня комфорта проживания), а не возможностям самого города. В результате город еще менее жизнеспособен в случае, если государство отказывается от управления им (постановка целей, обеспечение и контроль)

Таким образом, чтобы ответить на вопрос, в чем заключается специфика ЗАТО как города, нужно последовательно выделить и проанализировать ряд критериев:

– *место в классификации городов и особенности его генезиса (индивидуальная история возникновения – предпосылки, основные «вехи»):* промышленный малый/средний закрытый город проектного типа Минсредмаша СССР; основная цель – участие в реализации Атомного проекта СССР;

– *географический статус:* удаленность от других поселений, срединное территориальное расположение в государстве, учет расположения производственных площадок и месторождений полезных ископаемых, естественная природно-ландшафтная защищенность от вторжения и слежения и прочих угроз безопасности;

– *нормативно-правовой статус:* закрытое административно-территориальное образование, прямое управление из центра, расширенные функции градообразующего предприятия Минсредмаша и самого министерства как субъекта городского управления, особый централизованный порядок городского управления, независимость от административно-территориальной системы СССР, особый статус земель, закрытый характер города и наличие специального режима допуска, проживания, трудоустройства, льгот и проч.;

– *экономический статус:* экономическая зависимость от Минсредмаша как руководителя проекта, дотационный характер, централизованное формирование бюджета;

– *особенности городской среды:* экспорт ленинградской культуры, элитная социальная инфраструктура столичного уровня, проектный характер застройки, изолированность, повышенная безопасность;

– *особенности городского образа жизни и идентичности:* экспорт интеллекта и высоких технологий, секретность, соседство ученого, военного, «спецслужбистского», «зэка» контингента, реализация стратегического проекта национального значения, наличие собственного микроклимата, «тепличность», осознание избранности, элитности, участия в реализации важной и секретной государственной миссии.

Проблематика атомных ЗАТО заключается в свертывании советского атомного проекта, соответственно, возникает необходимость реформирования ЗАТО, которые являются, по сути, малыми или средними индустриальными моногородами. Сложности для такой реструктури-

зации заключаются в статусных ограничениях, связанных с режимным характером территории и снижением инвестиционной привлекательности (в силу ряда причин инвесторам, тем более иностранным, сложно «заходить на площадки» ЗАТО). Перспективы развития ЗАТО видятся в «перезагрузке» промышленного потенциала в сторону ЯЭЖ-технологий, а также развития иных направлений наукоемких производств.

Примечания

- ¹ Глазычев В. Л. Город без границ. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2011. URL: www.glazychyev.ru/books/gorod_bez_gran/gorod_bez_gran.pdf (дата обращения: 20.12.2020).
- ² Захарова В. И. Социокультурное пространство мегаполиса // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-2-2017/> (дата обращения: 23.12.2020). <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.2.5>
- ³ См.: Вершинина И. А. Социология города : истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. 2012. № 1. С. 195–206.
- ⁴ Касабуцкая М. С. Социальная экология и исследования экологического сознания в социологии : теоретические аспекты // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 4 (45). С. 125.
- ⁵ Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуры. М. : Академический проект, 2005. С. 499.
- ⁶ Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. М. : Прогресс, 1977. С. 38.
- ⁷ Карачков С. М. Развитие модели социального управления Уральским «Атомным» зато на современном этапе // Теория и практика общественного развития.

2013. № 12. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-12-2013/> (дата обращения: 23.12.2020).
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Гацук С. Ю. Социально-культурные принципы развития современного города // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S6. С. 40–44. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470081.htm> (дата обращения: 23.12.2020).
- ¹⁰ См.: Глазычев В. Л. Урбанистика. М. : Европа, 2008.
- ¹¹ См.: Мохов В. П. Город как индустриальный проект в постиндустриальную эпоху // Политика и общество. 2018. № 9. С. 9–15. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.9.27310
- ¹² Балюшина Ю. Л. «Город-завод» : проблема мифологизации индустриального города (на примере г. Череповца) // Кант. 2018. № 2 (27). С. 159.
- ¹³ Платонов К. А., Овсянников В. Г. Инвайронментальный подход в социологическом исследовании современных промышленных моногородов // Социология и право. 2016. № 1 (31). С. 76.
- ¹⁴ Лотарева Р. М. Города-заводы России, XVIII – первая половина XIX в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Урал. архит.-худож. ин-т, 1993. С. 73.
- ¹⁵ Карачков С. М. Указ. соч.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Лотарева Р. М. Указ. соч. С. 74.
- ¹⁸ См.: Глазычев В. Л. Урбанистика..
- ¹⁹ См.: Воркута – город на угле, город в Арктике. 2-е доп. и перераб. изд. / отв. ред.-сост. М. В. Гецен. Сыктывкар : Б.и., 2011 (Коми республиканская типография).
- ²⁰ См.: Шабаетов Ю. П., Жеребцов И. Л., Лабунцова О. В. Культурная эволюция заполярного города : от городка-концлагеря – к городу-призраку (Часть 1) // Известия Коми Научного центра УрО РАН. 2018. № 2 (34). С. 78–88.
- ²¹ Там же. С. 78.

Поступила в редакцию 19.02.2021, после рецензирования 10.03.2021, принята к публикации 17.03.2021
 Received 19.02.2021, revised 10.03.2021, accepted 17.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 162–166

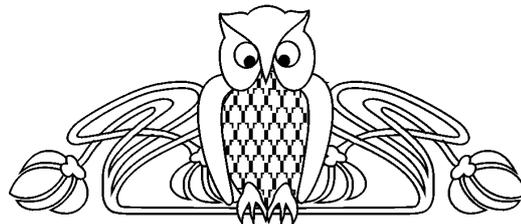
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 162–166

Научная статья

УДК 316.44

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

Смысловые составляющие позднего вдовства

М. Э. Елютина[✉], И. Д. Ивахнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Ивахнова Иветта Дмитриевна, аспирант кафедры социологии молодежи, blackblackmagic@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-4633>

Аннотация. В статье осуществляется содержательный анализ позднего вдовства, расставляются акценты на наиболее значимых смысловых и структурных характеристиках, сопровождающих его трудностях и переживаниях. Выделяется специфика позднего вдовства, связанная с распадом унитарного супружеского союза, с повышением степени риска и неопределенности повседневной жизни как в социокультурном, так и в витальном смысле. Особое внимание уделяется фольклорным образам вдовствующих людей, которые в значительной степени формируют базовые стереотипы.

Ключевые слова: вдовство, позднее вдовство, трудности, репутационный статус, гендерный и возрастной идентификаторы вдовства

Для цитирования: Елютина М. Э., Ивахнова И. Д. Смысловые составляющие позднего вдовства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 162–166. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

The meaningful components of late widowhood

M. E. Elutina[✉], I. D. Ivakhnova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Ivetta D. Ivakhnova, blackblackmagic@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-4633>

Abstract. The article provides a meaningful analysis of late widowhood and studies the most significant semantic and structural characteristics accompanying its difficulties and sufferings. The article reveals the specifics of late widowhood associated with the collapse of the unitary marital union and the increase of the risk and uncertainty of everyday life, both in the socio-cultural and in the vital senses. Particular attention is paid to the folklore images of the widowed people significantly forming the basic stereotypes.

Keywords: widowhood, late widowhood, difficulties, reputation status, gender and age identifiers of widowhood

For citation: Elutina M. E., Ivakhnova I. D. The meaningful components of late widowhood. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 162–166 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема позднего вдовства, несмотря на свою остроту, не стала пока объектом всестороннего социологического анализа. Отдельные попытки понять этиологию и социальные проекции этой важной проблемы предпринимались как отечественными, так и зарубежными авторами, однако свое внимание они, как правило, фокусировали на раннем вдовстве с точки зрения его влияния на процессы семейной социализации. Кроме того, произошло радикальное сужение понятия вдовства до обозначения его

женского варианта в силу меньшей, по сравнению с женщинами, средней продолжительности жизни мужчин и устойчивого дефицита женихов на «брачном рынке». В России, как и в других странах, вдовство рассматривается как традиционный женский опыт, включающий ощущение потерь, терпеливое ожидание, стоическую пассивность.

Социологический анализ вдовства непосредственно связан с возрастающим интересом к локальным формам социального бытия, откры-

вающим микромеханизмы производства и воспроизводства социального, реконструирующим жизненные стратегии, видимые с очень близкого расстояния. Вдовство – многоаспектное понятие, которое может рассматриваться и как регулятор межличностных и межконфессиональных отношений, и как принцип гражданско-правового поведения, и как культурная норма, и моральная ценность. Вдовство – и концепт, и модальность, и состояние.

Ситуация вдовства неповторимая, но повторяющаяся подлинная ситуация человеческого бытия, фиксирующая встречу человека с непоправимым событием, смертью супруга(ги). Тема вдовства, несмотря на все значимые культурно-исторические развороты, ассоциируется с драмой, сложной жизненной ситуацией, заключающейся в том, что люди остаются без своих половинок, что инициирует негативные эмоциональные и умственные реакции, настроение оставленности, покинутости, заброшенности. Глубокие волнения выносят на свет все тайное, незримое, обнажают основные свойства характера человека, его личностное начало. Ситуацию усложняют социально-экономические условия жизни, связанные с возможным понижением статуса вдовствующего человека, с разрушением привычного уклада жизни.

При анализе позднего вдовства использование таких универсальных призм, как пространство и время, существенно меняет его основание и смыслы. Это обусловлено тем фактом, что в разных социокультурных контекстах имеются определенные обычаи, нормы, правила поведения вдов и вдовцов (например, обычаи, запрещающие даже в случае раннего вдовства повторный брак; право или его отсутствие на владение личной собственностью или наследством). В современном российском обществе содержание и проявления вдовства обусловлены традициями, менталитетом, внутренним опытом саморефлексирования, а также качеством жизни пожилых людей, доминирующим отношением к ним.

Специфика позднего вдовства – прекращение устойчивых супружеских отношений, сопровождающихся, как правило, доверием, эмоциональной близостью, стабильностью на фоне возрастающей потребности в заботе и поддержке. Супружеская стабильность связана с наличием и использованием сложившихся социально-экономических и ментальных ресурсов семьи, в том числе когнитивных моделей восприятия событий и ситуаций. Именно супружеская стабильность ассоциируется с личным благополучием, демпфируя различные страхи, которые с возрастом лишь усиливаются. Ситуацию нестабильности и небезопасности, в которую нередко попадают пожилые супруги, возможно преодолеть благодаря функции взаимной зависимости супругов как в социокультурном, так и в витальном смысле. Вдовствующие, привыкшие

к определенному порядку жизни, субординации отношений, эмоциональному энергетическому обмену, испытывают тяжелые переживания, связанные с жизнью в новом статусе, с попыткой «возобновиться» в соответствии с изменившейся ситуацией, найти жизненные опоры. Повышается степень риска и неопределенности повседневной жизни. Нередко овдовевший человек испытывает одиночество, будучи не в вакууме, а в окружении знакомых и родных, но не получая от них необходимой поддержки. Именно пожилые вдовствующие люди сталкиваются с высказываниями и действиями, которые ограничиваются компонентами принудительного ассортимента, базирующегося на изначальном представлении о том, что с возрастом сам человек может найти в себе силы для преодоления сложных ситуаций и реальная помощь в данном случае не уместна. По социологическим данным, в России процент самоубийств выше среди овдовевших пожилых людей, чем среди тех, кто женат/замужем¹.

Происходит развитие семантического поля понятия позднего вдовства. Само понятие наполняется новым содержанием, к примеру, возникает вопрос о включение в содержание позднего вдовства не только помощи и поддержки, но и обучения тому, как самостоятельно выйти из сложившейся ситуации.

Смысловые составляющие вдовства

Как концепт вдовство включает определенные смысловые компоненты.

1. Вдовство рассматривается как разновидность семейных аномалий, наряду с сиротством, супружескими изменами, разводом, неравным браком. Супружеская пара как неразложимый работающий социальный механизм продолжает оставаться ценностным ориентиром, отклонение от которого, несмотря на значительную распространённость, имеет негативную коннотацию. Бинарная оппозиция «супружеская пара – одиночество» проецируется на вдовство с помощью так называемого «минус-приема», когда в отношении вдовствующего человека перечисляется отсутствие характеристик, нормальных для человеческой жизни: финансовой стабильности, востребованности, жизненных перспектив.

2. Вдовство как ритуал. Этнографические, фольклорные данные свидетельствуют о ритуализации вдовства: обычай соблюдать траур, следование определенным этикетным нормам, регламентирующим внешний облик и поведение тех, кто обязан бности вдовство. Традиционные представления базируются на фольклорных образах, которые в значительной степени формируют базовые стереотипы. Так, в социальной рецепции образное поле пожилой вдовы включает образ крикливой, жестокой, агрессивной женщины.

Огромную роль в понимании данного феномена играют сказки. Сказочные персонажи,

известные с детства, способствуют конструированию определенных стереотипов как вдов, так и вдовцов. Специалисты подчеркивают наличие важных моментов, заключающихся в том, что, во-первых, в сказках преобладают две категории взрослых персонажей – молодые и старые; для традиционной сказки не характерны персонажи среднего возраста; во-вторых, присутствует возрастная норма установления брачных отношений: брать в супруги следует ровесника². Старик после смерти первой жены женится на другой, соответствующей ему по возрасту. Если царь-старик решает жениться на молодой царевне, то это нарушение нормы, такой брак в сказке никогда не заключается. В связи с этим часто в сказках встречается ситуация, когда вдова, вышедшая повторно замуж, имеющая детей, становится вредной мачехой для детей своего мужа от первого брака. Мачеха, а нередко и ее родные дочери, изводят падчерицу непосильной работой, завидуя ее красоте. Для данного сказочного образа характерны следующие функциональные проявления: 1) наложение заклятия, так как мачехи нередко являются колдуньями, преследование падчерицы из зависти к ее молодости и красоте; 2) функция вредительства – мачеха совершает физическое и психологическое насилие, отправляет детей на испытания у чудища, змея, бабы-яги, мороза. Причем для родных дочерей ее отправка еще более вредна, так как они неудачно повторяют удачно совершенные действия падчерицы. При этом безвольный отец/отчим не противоречит своей сварливой деспотичной жене, он не является ответственным и ответствующим за совершенное преступление. Мужчины, овдовев, решают вторично связать себя узами брака, тем самым обрекая своих родных детей на незавидное положение «золушек».

В фольклоре и литературе исключения редки. Характерные для мачехи функции в сказочных сюжетах выполняют и старые злые (они же уродливые и безобразные) феи. Наделяя их перечисленными чертами, как правило, забывают о такой мотивации их поведения, как «обиженность»: их оскорбили, забыли³. Русская поговорка: «Лучше семь раз гореть, чем один раз овдоветь» имеет негативную коннотацию отношения к вдовству: 1) вдовцам и вдовам достаточно сложно приспособиться к новой жизни и найти нового супруга; 2) им сложно выполнять родительские обязанности самостоятельно.

Рассматривая статус вдовы в русской крестьянской среде второй половины XIX – начала XX в., З. Мухина отмечает ее двойственное положение в ритуальном отношении: с одной стороны, вдова считалась социально ущербной, неполноценным членом общества, что проецировалось на ритуальные функции в виде их ограничений, с другой – ассоциировалась с чистотой, целомудренностью, что вело к повышению ее религиозного статуса⁴. Вдовы, воздерживающиеся от

вступления в повторный брак, получали одобрение, так как демонстрировали важнейшие христианские добродетели: верность покойному мужу и постоянство. Добавим в качестве традиционно рассматриваемого позитивного момента вдовства и тот факт, что статус вдовы нивелирует возможную стигму «нежеланности» и освобождает женщину от рисков жизни с токсичным супругом.

А. Г. Фот отмечает, что для вдовцов среди духовного сословия императорской России, кроме псаломщиков и пономарей, повторный брак был запрещен. Для женщин вдовство означало потерю финансовой стабильности, жилища. Кроме того, у овдовевшей представительницы духовного сословия было очень мало шансов повторно выйти замуж, так как повторное замужество ставило под сомнение право женщины воспитывать детей от предыдущего брака⁵. В некоторых культурах и до настоящего времени сохранилась традиция стигматизации женщин (вдовья доля), потерявших мужей. Она предусматривает различного рода запреты для вдов, к примеру, на участие в праздничных гуляниях, на ношение цветной одежды, на употребление вкусной пищи. Так, в Индии до сих пор сохраняются так называемые «города вдов», куда стекаются со всей страны женщины, потерявшие мужей и изгнанные своими родственниками, лишённые денег, крыши над головой и вынужденные играть роль изгнанниц, мучениц, жертв.

3. Вдовство как формальный знак, маркирующий социокультурные границы:

– знак официальной регистрации прекращения брачных отношений, переход к холостому образу жизни;

– знак, специфицирующий идентичность человека, потерявшего мужа/жену: мирные и военные вдовы(цы), вдовы(цы) знаменитых, публичных людей. Репутационный статус вдовствующих может как повышаться, так и понижаться, во многом это зависит от «веса» умерших в социальной жизни, от их престижа и авторитета. Нередко в случае понижения статуса происходит расхождение между потребностями (ожиданиями) человека и возможностями, ресурсами окружающей его среды, что может вызвать статусный протест. Человек продолжает выбирать привычную для него модель поведения, невзирая на изменившиеся обстоятельства. Особое место в современном социокультурном пространстве принадлежит вдовам знаменитых людей, которым «приписывается» определенный поведенческий хронотоп: охрана общественной репутации выдающегося мужчины, сохранение и распространение его наследия. Описывается и такой феномен, как транс-вдовы(цы), мужья и жены которых совершили «переход» к другой половой идентичности;

– знак формирования определенных когнитивных и поведенческих схем, функциональная определенность которых коренится в культуре.

4. Гендерный и возрастной идентификаторы вдовства: вдовы и вдовцы; раннее вдовство и позднее вдовство.

5. С точки зрения когнитивной модели вдовство описывается как субъективный феномен, характеризующийся определенной эмоциональной модальностью. Речь идет о переживании горя. В настоящее время существуют различные подходы к анализу процесса переживания утраты близкого человека, выделяют различные стадии, временные интервалы. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые рассматривают данный процесс как процесс смысловой реконструкции, успешность которого предполагает конструирование символической связи с ушедшим, а не его забвение⁶. Для пожилого овдовевшего человека особенно высок риск дезадаптации, который, помимо прочего, связан с особенностями взаимодействия временных модусов жизни – пространство прошлого расширяется за счет сужения пространства будущего. Человек оказывается в ситуации, предполагающей перестройку локальных жизненных событий, наполнение их новыми смыслами. Это ситуация разрыва, когда надо подводить новые практики и переживания под выработанную форму повседневной жизни.

Результаты исследования с помощью анкетного опроса вдов и вдовцов в возрасте 60–70 лет, овдовевших более года назад, демонстрируют негативный образ будущей жизни: доминирует ориентация на позитивное прошлое, значимость будущего снижается, теряется способность получать удовольствие в настоящем. В качестве своих жизненных перспектив респонденты назвали: «болезнь», «одиночество», «смерть близких». Свое будущее они описывают, как «темное», «ужасное», «хаотичное», «холодное», «отталкивающее», «безнадежное», «никчемное», «сложное», «зависящее от других». Преобладают пессимизм, отчаяние, сумбур, не поддающийся контролю, представление о будущем как бессмысленном периоде жизни⁷. Это состояние «осложненного или затянувшегося горя», когда человек остается наедине с жизнью, в которой больше нет ничего, кроме образов, которые превращаются в бесконечное субъективное представление. Такое состояние, сравнимое с образом белки, которая крутится в колесе воображаемого и символического, может трансформироваться в различного рода болезни.

Характеристики вдовства как субъективного состояния определенной модальности

1. «Протяженность» и интенсивность данного состояния фиксируется с помощью терминов «до» и «после». «До» означает структурное единство, стабильность, четкие линии отбора средств, «после» – изнанка жизни, дезадаптация, разрушение границ в осознании собственных возможностей. Отсутствие близкого человека в жизни

индивида, остро переживаемое, предопределяет его желание компенсировать это отсутствие ритуальными действиями заботы: следить за местом захоронения, облагораживать его. Символические действия ритуала психологически необходимы для внутренней связанности и смысловой переклички прошлого и настоящего, для последующего признания и примирения с актуальностью небытия, вызванного смертью близкого человека. Это и приобретение алиби своей продолжающейся жизни. Энергия горя трансформируется в энергию регистрации цепочки ритуальных действий, позволяющую постепенно «присвоить» мысль о потере и тем самым нивелировать негативный эффект тревожных мыслей и чувств. Горечь утраты изживается, трансформируется в иные формы. В случае патологической скорби, застревания на мыслях об умершем, бесконечного внутреннего диалога с ним конструируется феномен «культы умершего», который фрустрирует повседневную жизнь овдовевшего. В научном дискурсе отмечается тот факт, что пожилые женщины легче переносят потерю супруга в связи с доминирующей у них ориентацией на «участие в жизни молодого поколения».

2. Реальное присутствие заменяется виртуальным, в том числе через «несобственное» присутствие: книги, ландшафты, личные вещи, имеющие непосредственное отношение к судьбе ушедшего человека. Артефакты становятся оптическим инструментом, с помощью которого можно актуализировать воспоминания, сделать яркими и насыщенными любимые образы, когда человек чувствовал себя счастливым. Это эффект, который М. Пруст назвал совпадением прошлого и настоящего в конкретном восприятии, выходящим за рамки обычного времени.

3. Режимы внутреннего разлада вдовствующего пожилого человека с самим собой, что проявляется в следующих моментах:

– ощущение нехватки ресурсов (материальных, духовных), связанное, как правило, с падением качества жизни в связи с ситуацией вдовства;

– противоречие между нежеланием интервенции во внутреннее пространство повседневной жизни и боязни остаться без помощи и поддержки. В условиях системного кризиса, коммодификации различных персональных услуг, составляющих экономику заботы, помощи, предоставляемой родственниками, пожилые люди могут и не дожидаться. И на то есть объективная причина – дети могут быть еще беднее, лишившись постоянной работы. Кроме того, существует разная эмоциональная вовлеченность и разная степень ответственности за удачи и неудачи членов семейно-родственного союза. Остаются неизменными традиционные ролевые позиции старшего поколения, продолжающего нести всю полноту ответственности. Но когда ситуация объективно меняется в направлении предоставления необходимой помощи пожилому родственнику,

младшим членам семьи нередко субъективно сложно принять эту ответственность, что может привести к субъективному отчуждению;

– концентрация внимания на собственных переживаниях, на своем автономном, ни от кого не зависящем опыте. Это может быть, к примеру, осознание вдовства в качестве расплаты за «неудачную» реализацию биографических проектов, за собственную несостоятельность (неудавшиеся планы, пагубные привычки, необоснованные претензии);

– время жизни вдовствующего человека распадается на разные временные звенья, образуя разорванную цепь. Образовавшиеся разрывы представляют собой смысловые пустоты, когнитивные диссонансы, нередко проецируются на взаимоотношения с родными и близкими людьми в виде разрастающейся дистанции.

В качестве итогов аналитических рассуждений отметим следующие положения. Изучение вдовства как концепта под воздействием интегративных отношений позволяет реализовать потенциальную многозначность этого феномена, активизировать латентные смыслы. Сказки, составляющие ядро народного мировоззрения, формируют ассоциативные ряды конкретного процесса восприятия вдов(цов), а потому регулируют поведенческие реакции. Содержательным наполнением понятия позднего вдовства является прекращение устойчивых супружеских отношений по причине смерти одного из супругов, сопровождающееся негативным эмоциональным режимом, включающим как страдание по поводу невозможности восполнить потерю, так и беспокойство по поводу лишения необходимых в этом возрасте опоры и поддержки, практик заботы.

Примечания

- ¹ См.: Белоглазов Г. Социологический анализ самоубийств в России (WWW вариант). URL: <http://katatonianagod.ru/ssuicide.html> (дата обращения 25.05.2020).
- ² См.: Краюшкина Т. В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2009. С. 19.
- ³ См.: Осинская И. Красавицы и чудовища : смысловые конструкции и образное поле красивого и уродливого в сказках // Теория моды : одежда, тело, культура. 2016–2017 зима Вып. 42. М. : Новое литературное обозрение, 2016. С. 142–157.
- ⁴ См.: Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде : традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX века) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 63.
- ⁵ См.: Фот А. Г. Женщина духовного сословия в преформенную эпоху (по данным метрических книг и клировых ведомостей церкви города Оренбурга второй половины 19 века // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России : История и современность (региональный аспект) : материалы междунар. науч. конф. / ред. кол. : В. А. Веремко (отв. ред.) [и др.]. СПб. : Ленинградский гос. ун-т (ЛГУ) им. А. С. Пушкина, 2019. С. 322–323.
- ⁶ См.: Руслана А. О. Периодизация процесса переживания горя в психологии в сопоставлении с некоторыми положениями православного богословия // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 3. С. 185–212.
- ⁷ См.: Инполитова Е. А. Жизненные перспективы пожилых людей, утративших брачного партнера // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, вып. 3 (87). С. 43–46. DOI: 10.14258/izvasu (2015)3.1–07

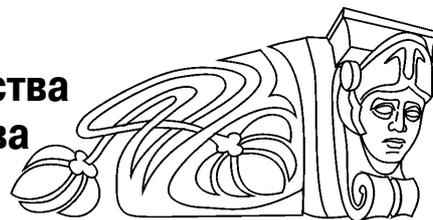
Поступила в редакцию 14.01.2021, после рецензирования 17.02.2021, принята к публикации 17.03.2021
Received 14.01.2021, revised 17.02.2021, accepted 17.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–171
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–171

Научная статья
УДК 316.334.52
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-167-171>

Социологические аспекты благоустройства заовражных территорий города Саратова

М. В. Калининкова✉, И. Н. Сосина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Сосина Ирина Николаевна, соискатель кафедры социологии регионов, natali1973.18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2721-1812>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы градостроительного освоения заовражных территорий города Саратова, возникающие в процессе благоустройства данной территории. Особое внимание уделяется обоснованию и необходимости применения в социологических исследованиях современного города такого понятия, как социально-территориальная общность, которое трактуется как форма общественной жизни, где определенное множество индивидов обладают однотипными отношениями к конкретной территории. В качестве заовражного модельного полигона был избран Глебучев овраг. На протяжении почти всей истории города заовражные территории были зоной некомфортного проживания, привлекавшие беднейшие слои горожан. Градостроительное освоение этих территорий связано с целым рядом социально-экологических проблем, например, с необходимостью массового расселения, сноса незаконных построек, урегулирования земельных споров и т. д. В ходе анализа материалов авторского социологического исследования авторы выяснили, что основная часть жителей (65%) отмечает необходимость благоустройства оврага. При этом 30% респондентов хотят улучшить условия проживания за счет строительства торгово-развлекательного центра, 35% хотят видеть только реализацию пешеходно-транспортной доступности и 35% считают необходимым создание парков и зон отдыха.

Ключевые слова: город, социально-территориальная общность, социально-экологические проблемы, заовражные территории, благоустройство

Для цитирования: Калининкова М. В., Сосина И. Н. Социологические аспекты благоустройства заовражных территорий города Саратова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–171. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-167-171>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-167-171>

Sociological aspects of improving the contaminated territories of Saratov

M. V. Kalinnikova✉, I. N. Sosina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina V. Kalinnikova, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Irina N. Sosina, natali1973.18@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2721-1812>

Abstract. The article discusses the problems of urban development of the contaminated territories of Saratov aimed at improving this territory. Particular attention is paid to the substantiation and necessity of using in sociological studies of a modern city such a concept as a socio-territorial community, which is interpreted as a form of social life, where a certain set of individuals has the same type of relationship to a specific territory. Glebutchev ravine was chosen as a contagious model polygon. Throughout almost the entire history of the city, the contaminated areas have been a zone of uncomfortable living attracting the poorest segments of the city's residents. Urban development of these territories is associated with a number of social and environmental problems, for example, with the need for mass resettlement, demolition of illegal buildings, settlement of land disputes, etc. In the course of analyzing the materials of the author's sociological survey of macrophotography, the bulk of the residents (65%) note the need of improving the ravine. At the same time, 30% of respondents want to improve living conditions by building a shopping and entertainment center, 45% want to see only pedestrian and transport accessibility and 35% believe that the creation of parks and recreation areas is necessary.

Keywords: city, socio-territorial community, socio-ecological problems, contaminated territories, landscaping

For citation: Kalinnikova M. V., Sosina I. N. Sociological aspects of improving the contaminated territories of Saratov. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 167–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-167-171>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Актуальность рассматриваемой темы объединяет в себе следующие содержательные моменты.

Во-первых, любой «современный город» представляет собой единственную в своем роде уникальность, но при этом содержит в себе обобщенные свойства представителей конкретного социума, эпохи. Каждый город развивается в определенной природной и социально-культурной среде. В связи с этим процесс развития только отчасти является прогнозируемым и имеет возможный или допустимый характер. Его нельзя тщательно спрогнозировать, спланировать и реализовать. На развитие города Саратова в значительной степени повлияло его географическое расположение. На это указывают физико-географические факторы, которые определяют специфичность его формирования. Практически всю основную историю развития Саратова зависел от овражно-балочной сети, которая оказывала воздействие как на городскую планировку и инфраструктуру, так и на развитие различных социальных проблем. Саратов – это уникальный модельный полигон, который при этом, как и любой другой город, охватывает региональный комплекс средств и предметов труда, антропогенную среду обитания, устойчивое население и твердо установленные социальные нормы порядка.

Во-вторых, заовражные территории приносили жителям немалый дискомфорт с самого начала становления города и по настоящий день. В первую очередь, это были зоны некомфортного местопребывания, которые привлекали только самые бедные слои населения. При этом проблема градостроительного освоения таких земель оказалась тесно связана с определенными социальными проблемами, такими как: необходимость массовых расселений, неурегулированные земельные конфликты, снос самовольных построек, распространение холерной болезни, а также санитарное состояние территории, которое являлось одной из главных задач, требующей разрешения. Холерные эпидемии были серьезной угрозой при большой плотности населения развивающегося города. В XVIII–XX вв. большая часть Глебушева оврага была засыпана строительным и бытовым мусором. Но даже в настоящее время проблема заовражных территорий стоит не менее остро. Для их улучшения не раз предлагались различные проекты застройки и благоустройства, однако пока ни один из них не воплотился в жизнь.

В-третьих, жилые зоны, расположенные в неустойчивых природных условиях (овраги, склоны оврагов), наиболее уязвимы к различным вмешательствам в их среду. Решение городских властей

о строительстве на данной территории торгово-развлекательного центра может повлечь за собой непредсказуемые социальные и геологические последствия. Поэтому потребовалось конкретизировать первостепенные социально-экологические проблемы проживания в них людей путем проведения оперативного интервью, что позволило сделать ряд предложений по вопросам благоустройства заовражной территории.

Цель данной статьи – провести анализ социально-экологических проблем на территориальной региональной (поселенческой) общности, дислоцированной на заовражных территориях города Саратова.

В огромном тематическом поле исследований социальной инфраструктуры городов важно отметить французского социолога П. Бурдьё¹, который предлагает отчетливо разграничивать социальное и физическое пространство. По его мнению, «социальное пространство» определяется комплексом благ и услуг, разделяющихся внутри общностей, что приводит к образованию местностей, которые населены индивидуумами одного социального плана. Такие территории получили название «территориальные общности». В них протекают процессы, которые происходят между индивидуумами, связанные с географической средой. Любая разноплановая деятельность людей, включающая в себя различные социальные процессы, реализовывается в рамках конкретных территориальных общностей, являющихся немаловажными формами общественной жизни². Следует отметить, что определенное множество индивидуумов, которые обладают однотипными отношениями к конкретной территории, можно определить как социально-территориальные общности.

Я. Щепаньский трактует это как «общность, члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории»³. Аналогичные тезисы вводит и Д. В. Доленко⁴ относительно территориальной и региональной общности, где главным критерием выступает вид труда: первую основу составляют люди сельского и городского поселения, а вторую определяют все виды общественного разделения труда. Он считает, что более обширной и глубокой является региональная общность, так как фактически это региональная модель всей общественной системы с теми или иными региональными особенностями⁵.

А. А. Ткаченко употребляет понятие «территориальная общность», анализируя его с точки зрения географии и социологии, т. е. как территориальную систему и социальную группу⁶. Он

считает, что такие общности складываются с помощью пространственных связей населения. Эти связи фокусируются на организации социального пространства, а именно: места получения социальных благ и общения, места приложения труда, органы власти⁷.

Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина концептуализируют социально-территориальную общность как «относительно самостоятельную ячейку территориальной структуры общества, включающую, во-первых, соответствующую группу населения, во-вторых, используемую этой группой часть жизненного пространства с ее природными ресурсами, производственными предприятиями, жилым фондом, социально-бытовой структурой»⁸. Такой же точки зрения придерживаются А. М. Сегриенко и А. Я. Троцкий⁹.

Также важно отметить труды И. П. Рязанцева, который комплексно изложил основные теории и положения региональных исследований в социологии, соответствующих современному уровню развития социологии региона, как в России, так и в мире¹⁰.

Подводя итоги вышеизложенному, можно выделить два понимания социально-территориальной общности:

1) это эмпирически закрепленное общество людей, которые проживают на конкретной территориальной местности (населенный пункт, регион, страна), основанное на территориальной идентичности и территориальных интересах. При этом социально-территориальная общность (СТО) выступает в роли элемента региона как системы;

2) это система, включающая в себя индивидов, их среду обитания и хозяйственную инфраструктуру, сложившуюся на конкретной территориальной местности. При этом СТО выступает в роли региона и растворяет его в себе.

Рассматривая актуальную проблему на примере заовражных участков города Саратова, а именно территорию Глебучева оврага, можно данную территорию выделить как отдельную СТО, включающую в себя определенную среду обитания, устойчивое население и определенный нормативно-социальный порядок. Глебучев овраг представляет собой главный элемент центральной зоны города Саратова. Сам овраг и местность севернее его – это «старый Саратов», центральная часть города. Также Глебучев овраг является одним из составляющих элементов экологического природного каркаса.

Опрос общественного мнения, проведенный среди жителей Глебучевого оврага, позволил определить субъективные оценки людей по поводу качества проживания на данной заовражной СТО, а также выявить мнения населения о том, какой они хотят видеть местность, на которой проживают: территорию с торгово-развлекательным комплексом или зеленую зону в виде парка.

Необходимость исследования была продиктована тем, что облагораживание оврага – злободневный вопрос как для властей города, так и для горожан, проживающих на данной территории. Поэтому планируемое строительство торгово-развлекательного центра на территории Глебучева оврага актуализирует особое внимание к проблеме изменения комфортности проживания горожан, а также социальной ответственности организации, внедряющей новый проект, по отношению к местному сообществу.

Эмпирической базой исследования послужил авторский социологический опрос, проведенный в Саратове методом анкетирования в 2019 г. Объем многоступенчатой вероятностной квотной-территориальной выборки с элементом случайности составляет 380 человек. На первом этапе отбирались типичные улицы Глебучева оврага – Чернышевского, Валовая, Б. Горная и Рогожина – с частными и многоэтажными домами, между которыми и планируется строительство торгового комплекса. На втором этапе по случайно-механической выборке отобран каждый пятый частный дом (каждая пятая квартира в многоэтажных домах). На третьем этапе осуществлялся вероятностный квотный опрос. Критерии отбора – пол, возраст. Доля мужчин среди опрошенных составляет 45%, женщин – 55%. Среди возрастных категорий до 30 лет было опрошено 21%, 30–55 лет – 52%, старше 55 лет – 27%. Доля пенсионеров составляет 22%, рабочих – 29%, служащих – 25%. Прочие виды деятельности представлены в значительно меньшем объеме. В частных домах проживали 64% респондентов, в квартирах многоэтажных домов – 36%.

По полученным данным, 45% участников опроса одним из главных минусов территории Глебучева оврага отмечают наличие мест, которые не только портят внешний вид наличием залежей мусора и неприятными запахами, но и могут быть опасными для самих жителей из-за всевозможных ям, колодцев, болотистой местности, обрывов и т. д. Местные жители рассказывают, что те, кто проживают на дне оврага, не только постоянно следят за чистотой своих дворов, но и борются с теми, кто проживает на самых верхних краях оврага. «Верхние» скидывают весь мусор на «нижних». Так как стенки оврага, можно сказать, отвесные, то мусор оказывается на крышах домов и «колоритно» свисает с деревьев, которые растут по склонам оврага. В процессе опроса выяснилось, что у «верхних» жителей по краям оврага находится металлическая решетка – в целях безопасности, но при этом для выброса мусора предусмотрена специальная открывающаяся «калиточка».

По большей части респонденты хотят улучшения и преобразования своего места проживания, при этом только 49% опрошенных отметили, что полностью не удовлетворены настоящей экологической ситуацией, 27% в полной мере удовлетворены и 24% скорее удовлетворены, чем

нет, своим районом проживания. Важно отметить, что удовлетворенность районом в большей степени определяют мужчины, чем женщины: 60% мужчин ответили, что «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены», и только 38% женщин согласились в этой позиции.

Основная причина удовлетворенности респондентами местом проживания (Глебучевым оврагом) – его расположение. Данная территория является центральной частью города (этот важный фактор отметили 39% опрошенных), что влечет за собой доступность инфраструктуры города, на которую указали 21% респондентов. Для 19% людей важным оказалось наличие зеленой зоны на территории проживания: чистый воздух, отсутствие смога, пыли, шума от транспорта и открывающийся вид на Волгу. Также для некоторых жителей (13%) выбор данной территории для проживания зависел от доступных цен на жилье (за исключением частного сектора, цены довольно низкие).

Факт того, что территория Глебучева оврага обязательно нуждается в облагораживании, отмечают 65% респондентов, выражая при этом согласие на строительство торгово-развлекательного центра, однако с условием озеленения местности. Из них для 30% опрошенных важно улучшить транспортную инфраструктуру и решить проблемы с парковочными местами для автотранспорта. При этом только 37% женщин и 56% мужчин согласны терпеть всевозможные неудобства, связанные со строительством. Среди опрошенных 30% в категоричной форме выступают против масштабного строительства чего-либо на данной территории, отмечая необходимость увеличения зеленых зон для отдыха населения. Жители этой категории подчеркивают, что никакие финансовые компенсации не изменят их решения.

Проект торгово-развлекательного центра охватывает огромную территорию Глебучева оврага, на которой располагается частный сектор, мешающий застройке. Следовательно, жителей данной местности нужно переселить, с чем категорично не согласны 12% респондентов, 36% затрудняются пояснить что-либо по данному поводу, 52% готовы рассмотреть различные варианты (14% согласны только на дом в частном секторе этого же района, 8% согласны на дом в частном секторе другого района города, 15% рассмотрят вариант квартиры в своем районе, 8% рассмотрят вариант квартиры в другом районе города и 7% отметили, что это для них маловажно).

В ходе опроса также выяснилось, что 30% респондентов уверены в повышении цен на жилье, товары и услуги в некоторых магазинах при воплощении в жизнь проекта торгово-развлекательного центра. Такие выводы обусловлены трудным материальным положением данного населения, которое можно охарактеризовать как «среднее» и «ниже среднего». Так, 60%

опрошенных указывают на нехватку денежных средств на крупные покупки, с учетом возможности покупки необходимых товаров, 28% – на то, что могут позволить себе только продукты и оплату коммунальных услуг, 5% респондентов необходимо ограничивать себя во всем, и только 7% населения могут «ни в чем себе не отказывать». Несмотря на такие результаты, большинство опрошенных (67%) поддержали воплощение проекта строительства торгового центра, вопреки возможному скачку цен в будущем.

Также часть населения, а именно 20% респондентов, считают, что их материальное положение намного улучшится, вероятно, из-за возможных перспектив трудоустройства. Этот факт отмечают люди с «высоким материальным положением» (49%) и со «средним материальным положением» (51%). Вообще не видят никакой перспективы из-за строительства торгового центра 35% опрошенных, а 20%, наоборот, боятся ухудшения уровня жизни. Вероятно, это связано с возможным опасением возрастания цен на товары и услуги для жителей данной территории, так считают 23%, среди которых в основном проживающие в частных домах (79%). Рассматривая такой вариант развития событий, обратим внимание на то, что это может привести к увеличению социальной напряженности, сказываясь на качестве и уровне жизни населения.

Во всяком случае, 30% опрошенных согласны на строительство торгово-развлекательного центра, невзирая на возможное повышение цен в сфере недвижимости, земельных участков, а также товаров и услуг, считая, что это поможет улучшить эстетические условия проживания. 35% респондентов хотят видеть только реализацию пешеходно-транспортной доступности, при том что в настоящее время такие улицы, как М. Горького, Чапаева, Радищева и многие другие, уходящие в глубь «поселка» Глебучева оврага, становятся очень узкими, а до улиц Большая Садовая и Вольская ходит лишь одна маршрутка. Остальные 35% респондентов считают необходимым наличие парков и зон отдыха с увеличением зеленых насаждений, аргументируя это тем, что именно «зеленая зона» должна вторгаться в застройку, а не наоборот, а какое-либо строительство может привести к изменению экологической ситуации на данной территории в худшую сторону (среди них 49% женщин и 37% мужчин). Такое мнение жителей вероятнее всего связано с низкой актуальностью развлекательных и культурных компонентов, которые планируются по проекту. На отсутствие таких потребностей указали 14% опрошенных, 29% считают свою потребность невысокой, 57% респондентов говорят о необходимости хорошей доступности учреждений культуры, отдыха и спорта.

Итак, в результате исследования выяснилось, что основная часть опрошенных людей (65%) отмечают необходимость благоустройства

Глебучева оврага. Однако его жители высказывают в равных количествах разные, а подчас совершенно противоположные суждения относительно возведения торгово-развлекательного центра на территории их проживания. Все же большая часть респондентов, пусть и с небольшим преимуществом, находят определенные положительные моменты в осуществлении такого проекта, связывая с этим большие надежды в плане повышения уровня жизни.

Для обеспечения общественной поддержки и увеличения популярности проекта среди местного населения нужно, главным образом, попытаться улучшить разные показатели комфортности проживания в рассматриваемом районе (эстетический аспект, качество воздушного и водного бассейна территории и окружающей среды в целом, уровень шума, наличие зеленых зон, условия для прогулок детей, выгула животных и т. д.), а также брать во внимание материальное положение жителей Глебучева оврага. Особенно важно обратить внимание на следующие критерии:

- обеспечение функционирования на данной территории «экономных» магазинов наряду с торгово-развлекательным центром;

- расширение возможностей трудоустройства на рабочие места торгового центра с приоритетом для местного населения;

- улучшение пешеходно-транспортной доступности и озеленение территории, а также коммунальное обслуживание данного района, так как любое вмешательство должно усовершенствовать инфраструктуру территории во всех направлениях для повышения качества проживания населения.

В настоящее время имеется множество злободневных социальных, а также экологических проблем, которые проявляются в виде дефицита средств в целях удовлетворения различных потребностей, недополучения каких-либо социальных услуг. Рассматриваемые в данной статье меры могут повлиять на увеличение популярности проекта для жителей территории Глебучева оврага, а также содействовать нейтрализации социальной напряженности, которая может за-

родиться на контрасте невысокого уровня жизни местного населения и состоятельности клиентов торгового центра.

Примечания

- 1 См.: Бурдыев П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 38.
- 2 См.: Быстряцев С. Б. К определению дефиниции территориальной социальной общности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. Вып. 2 (24). С. 26.
- 3 Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и послесл. А. М. Румянцев, пер. с польск. М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. С. 80.
- 4 См.: Доленко Д. В. Политика и территория. Основы политического регионоведения. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2000.
- 5 См.: Бернюкевич Т. В., Волков А. А., Гацунаев К. Н., Кривых Е. Г., Мезенцев С. Д., Молокова Т. А., Неганов В. В., Посвятенко Ю. В., Хасиева М. А. Философские и социокультурные проблемы развития города. М.: МИСИ-МГСУ, ЭБС АСВ, 2020. (Библиотека научных разработок и проектов НИУ МГСУ). Текст электронный. Режим доступа: по подписке – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=601808> (дата обращения: 18.01.2020).
- 6 См.: Ткаченко А. А. Территориальная общность людей: Социально-географическая концепция: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1995.
- 7 См.: Иванова О. А. Социальное положение сельской молодежи как территориально-демографической группы населения: теоретические основы экономико-социологического анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 127.
- 8 См.: Заславская Т. И., Рывкиса Р. В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.
- 9 См.: Троцковский А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. Новосибирск: ИЭИОПП, 1997. С. 249.
- 10 См.: Рязанцев И. П. Социология региона: учеб. пособие. М.: Книжный Дом «Университет», 2009.

Поступила в редакцию 05.02.2021, после рецензирования 10.02.2021, принята к публикации 17.03.2021
 Received 05.02.2021, revised 10.02.2021, accepted 17.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 172–174

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 172–174

Article

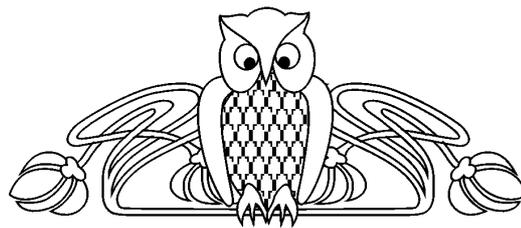
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-172-174>

Socio-cultural context of speech conflicts

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia,

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The article highlights the problem of socio-cultural nature of speech conflicts. Communicators' speech activity is conditioned both by inner and external factors of communication situation. Communicators' personal types are of great importance, as well as their communication schemes. Personal values and principles define human motivation and intention. The asymmetry of communication activity, a speech one included, causes a lot of various conflicts.

Keywords: speech actions, conflicts, inner and external factors, communication schemes, motivation, intention

For citation: Mogilevich B. R. Socio-cultural context of speech conflicts. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 172–174. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-172-174>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 316.347

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-172-174>

Социокультурный контекст речевых конфликтов

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. В статье рассматривается проблема социокультурной природы речевых конфликтов. Речевые действия коммуникантов обусловлены внутренними и внешними факторами коммуникации. Личностные типы коммуникантов имеют большое значение, так же как и их коммуникативные схемы. Личностные ценности и принципы определяют человеческую мотивацию и интенциональность. Асимметрия коммуникативной деятельности, включая и речевую, служит причиной множества конфликтов.

Ключевые слова: речевые действия, конфликты, внутренние и внешние факторы, коммуникативные схемы, мотивация, интенциональность

Для цитирования: *Mogilevich B. R. Socio-cultural context of speech conflicts [Могилевич Б. Р. Социокультурный контекст речевых конфликтов] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 172–174. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-172-174>*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

All conflicts possess dialectic characteristics, that is they can be positive as well as negative. Positive conflict connotation is aimed at changing social conditions in the direction of bettering people's lives' quality. The negative connotation defines the changes of moral values as the main means of conflicts elimination. The speech conflicts present themselves as the actualization of all types of conflicts by means of language mechanisms. The global information social reality defines language/speech conflicts as the reflection of economic, political, cultural and religious contradiction of human society. By their nature, language conflicts are divided

into inner and general ones. Language conflicts take place inside a language and are connected mainly with the choice of a state language variant among its other variants (dialects). For example, the dialect of London citizens was chosen as the state language of the United Kingdom, as well as the dialect of Moscow principality became the state language of Russia. According to P. Bourdeau, all state languages are called "legitimate" as they are the languages of administration, education, medical and social care and are acknowledged as such by the countries' population [1]. It is noteworthy that a language as the main mechanism of social communication provides

for the access to knowledge, education, cross-cultural communication and diminishing socio-cultural inequality. That is why the importance of language/speech conflicts generated by economic, political and socio-cultural inequality is of their speakers is far from being overestimated.

Conflicts phenomenon has been the object of humanities' investigation since the 19th century, to name only a few of them – sociology, political sciences, linguistics and psychology. All types of social communication are actualized in the course of socio-cultural interaction simultaneously reflecting them and correlating with them. In its turn, the content of social interaction (it's meanings) is embodied in the process of human communication.

Being the constituent component of the social interaction, speech communication is represented by various models [2]. From the point of view of the communication participants the following communication components can be revealed: 1) an addressee, a text communication situation, a language of communication (a code), an adequate codification of the text (language competence); 2) an addressant, a text, a communication situation, an adequate decodification of the text (a language competence). The participants of the communication process perform speech actions aimed at representing and describing the surrounding social reality. J. R. Searle, the founder of speech activity investigations, considered all speech actions as the aggregate of speech persons' perception processes. Therefore, any speech action is an activity performed by the communicators in the social reality. Thus, all speech actions performed by people are, in their essence, social actions [3]. The speech activity is conditioned by the following factors: mutual motivation of the communication participants, their socio-cultural asymmetry of their cultural capitals, linguistic ones in particular; the communication process adequacy; adherence to the principles of cooperation and politeness [4].

Really, considering the maxims of: quality (information veracity and argumentation); quantity (avoiding information abundance); relevance (information adequacy to socio-cultural situation); manner (presentation clarity and precision) contribute to the communication success. In its turn, these principles neglecting causes the emergence of communication failure. At that, very often this communication failures are conditioned no so much by the linguistic factors (an inadequate level of language competence) but by the asymmetry of their psychological profiles especially important in the course of information perception, its emotional evaluation and interpretation. In most cases human activity is actualized, mainly, in the course of speech interaction. The speech strategies chosen by the communicators are based on the aggregation of their socio-cultural profiles. Therefore, any speech action is characterized, on the one hand, by the socio-cultural models typical for the definite cultural type, but, on the other hand, it cannot but depend on the communicators' inner world schemes.

Actually, the communicators possess the definite set of values and their communication activity represents various social and ethnic groups. The asymmetry of values' sets causes the emergence of conflicts comprising the following stages:

- conflict generation in the form of potential contradictions and psychological tension;
- conflicts maturation as the process of a personal perception of definite information and expressing psychological tension;
- appearance of a reason as a starting point and launching mechanism aimed at open demonstration of communicator's beliefs and points of view;
- conflicts as the process of the open demonstration of contradictions and the communicators' awareness as well as the appearance of the supporting groups and observers;
- the conflict development in the form of deepening and changing conflict factors and characteristics;
- conflicts' consequences developing either in the direction of destructive processes predominance or with prevailing creative trends [5].

In the case of speech conflicts it is noteworthy to consider both the outer factors and the inner ones. The outer determinants are represented by the aggregation of the following components: ethno-cultural norms inherent to the territorial affiliation of communicators; the educational and professional attribution of communicators; their social roles performed in the course of their living activity. The inner factors are conditioned by communicants' psychological specific characteristics, particularly by their language competence and its conventionalism which make it possible to consider any language as a unified code for its speakers. These linguistic particular characteristics provide for establishing the interaction aimed at achieving mutual understanding among people. At the same time speech actualization is displayed in the speakers' individual choice of language variants indicating their individual image and their set of goals. It is of great importance to bear in mind that all speech conflicts present themselves as the actualization of pre-communication context of speech partners, which reflect their life principles, concepts, goals, points of view, gender and territorial attribution, social and educational statuses [6].

Consequently, communicators as speech persons choose speech variants preferable from their points of view to achieve their communication goals. As for a conflict situation, the choice of speech variants, their structure and content are conditioned by speech partners' asymmetry/symmetry. In particular, they can be presented by negative evaluation vocabulary, specific nominations, antonyms, personal pronouns "he", "she", "they", regarding the persons present in the course of conversation and so on. All speech actions present themselves as the aggregate of the following components: locution, elocution and perlocution. These constituent parts of speech actions can be considered in the following way: creating (pronounc-

ing or writing down) an utterance in its semantic linguistic form – a locution aspect; purpose statement of the speech action – an elocution aspect; the speech action effects/consequences – a perlocution aspect. As for the elocution component of the speech action, it is especially important in the course of emerging, progressing and solving speech conflicts. The thing is, that elocution component is inseparably connected with the communication goal statement in the course of choosing semantic linguistic means. In this connection it is possible to distinguish specific instruments of constructing purposeful utterances, namely questions, arguments, orders. These linguistics constructions are mostly used in interrogative and incentive types of sentences. As for the incentive type, it is mostly presented by advice, requests, and orders – by any speech actions causing an addressee to act (from the side of the addressant). Thus, the addressant actualizes the change of causation in the addressee inner world. In other words incentive constructions are, by their nature, an addressants attempt or a wish to make an addressee perform/not perform any actions. Evidently any speech action presents itself as an interaction between an addressant and an addressee performing both speech and physical actions.

In their turn, such linguistic constructions as orders are of special importance as far as the speech conflicts are concerned. In the case of asymmetric speech actions of an addressant and an addressee (refusal from collaboration, breaks of promises, nonfulfillment of conditions, disregard of rules and so on) it is quite appropriate to speak about an addressee's opposition to an addressant's goal setting. The following linguistic constructions can serve as the examples – я против, это неправильно, невозможно, я отказываюсь, я не буду; to oppose, to contradict, to refuse, to object, to be against. In practice, the choice of linguistic means expressing disagreement and disobedience in the communication schemes can be considered as the combination of communication situation specific characteristics and the adequate mode of the communicator's behavior.

Communicators' schemes are presented as the models of participants' speech behavior manners. In their turn, these speech interaction manners incorporate such linguistic constructions as stimulus and reaction, a stimulus being presented by reports, questions, orders, requests, advice; whereas a reaction is presented by such linguistic constructions as agreement/disagreement, adoption/non adoption and so on. It is noteworthy, that such actions as neglection and evaluation are conditioned, to a great extent, by communicators' inner worlds and their personal life experiences. The asymmetry of evaluation precepts and intentions frequently causes conflicts. It is interesting to note that in most cases the communicators themselves are able to avoid or settle conflicts. In such situations inner factors acquire special impor-

tance, particularly, communicators socio-cultural individual characteristics. In this connection, it is quite expedient to distinguish some main personal types:

– a destructive personal type presuming conflicts' generation and strengthening conflict situations aiming at personal domination and humiliation of others up to their suppression or elimination;

– conformity type presupposing inclination towards concessions, which very often leads to aggression;

– constructive personal type aiming at settling conflicts and choosing linguistic constructions far from aggression and insults [7].

Thus, the whole variety of human existence is reflected in a language as the main mechanism of constructing social reality. It is by means of speech activity that individuals and groups actualize their inner worlds' communication schemes which, in their turn, reflect their world views. Speech communication is carried out in the form of language interaction of various personal types. The values and behavioral modes define speech actions' motivation and intentions while their asymmetry causes conflicts, speech ones in particular.

References

1. Burd'e P. On Production and Reproduction of the Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2005, no. 2 (23), pp. 1–27. Available at: <https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vozproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (accessed 15 February 2021) (in Russian).
2. Komalova L. R. Speech Communication under the Situations of Language Conflicts. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 2008, no. 5, pp. 117–126 (in Russian).
3. Syori' Dzh. R. What is a Speech Act? *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov* [The New in Foreign Linguistics. Iss. 17: The Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169 (in Russian).
4. Grajs G. P. The Logics of Speech Communication. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaja pragmatika* [The New in Foreign Linguistics. Iss. 16: Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217–237 (in Russian).
5. Romanova V. M. The communicative conflict as the socially-linguistic phenomenon. *Social Economic Phenomena and Processes*, 2011, no. 10 (32), pp. 281–286 (in Russian).
6. Fillipova O. V. Lingvo-pragmatic approach to conflict interaction. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service], 2013, iss. 1 (19), pp. 37–46 (in Russian).
7. Tretyakova V. S. The Conflict as the Language and Speech Phenomenon. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia Ural Federal University Journal], 2003, no. 27, pp. 143–152 (in Russian).

Поступила в редакцию 20.02.2021, после рецензирования 24.02.2021, принята к публикации 17.03.2021

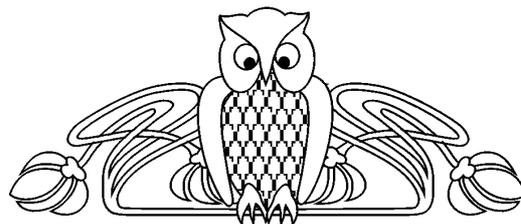
Received 20.02.2021, revised 24.02.2021, accepted 17.03.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 175–181
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 175–181

Научная статья
УДК 316.33
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-175-181>

Физическая культура и спорт как социальное пространство

М. В. Курникова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23.

Курникова Мария Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой адаптивной физической культуры, mkurnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0381-2587>

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты феномена физической культуры и спорта как социального пространства в рамках основных положений социологической теории Пьера Бурдьё. Осуществлен ретроспективный обзор научных источников о влиянии физической культуры и спорта на различные стороны жизни человека. На основе теоретического анализа социальных характеристик пространства сделан обзор эмпирических исследований, позволяющих применить к физкультурно-спортивной деятельности классические понятия «социальное пространство», «поле», «виды капитала», «практики агентов». Даны объективные и субъективные характеристики социальных полей в структуре социального пространства физической культуры и спорта. Определены виды практик агентов в полях массовой физической культуры, физической культуры в системе образования, физического воспитания, физической реабилитации, спортивной деятельности. Обозначена взаимосвязь характеристик полей и активности практических действий агентов в зависимости от их отношения к физической культуре и спорту, мотивациям к занятиям и тренировкам. Предполагается возможность использования социального пространства физической культуры и спорта для коррекции социального самочувствия различных социально-демографических слоев общества за счет генезиса и накопления социального и культурного капитала на всех уровнях функционирования индивида.

Ключевые слова: социальное пространство, Пьер Бурдьё, физическая культура и спорт

Для цитирования: Курникова М. В. Физическая культура и спорт как социальное пространство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 175–181. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-175-181>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-175-181>

Physical culture and sport as a social space

М. V. Kurnikova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Maria V. Kurnikova, mkurnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0381-2587>

Abstract. The article considers the theoretical aspects of the phenomenon of physical culture and sport as a social space in the framework of the main provisions of Pierre Bourdieu sociological theory. A retrospective review of scientific sources on the impact of physical culture and sports on various aspects of human life is made. Empirical studies allowing to apply the classical concepts of “social space”, “field”, “types of capital”, and “practice of agents” to physical culture and sports activities are noted. Objective and subjective characteristics of social fields in the structure of the social space of physical culture and sports are given. The types of agents’ practices in the fields of mass physical culture, physical culture in the education system, physical education, physical rehabilitation, and sports activity have been determined. The interrelation of the characteristics of fields and the activity of practical actions of agents is indicated, depending on their attitude to physical culture and sports. The possibility of using the social space of physical culture and sports for the correction of social well-being of various socio-demographic strata of society due to the genesis and accumulation of social and cultural capital at all levels of an individual’s functioning is assumed.

Keywords: social space, Pierre Bourdieu, physical education and sport

For citation: Kurnikova M. V. Physical culture and sport as a social space. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 175–181 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-175-181>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Физическая культура и спорт представляют собой сложное, многофункциональное общественное явление со сложившимися понятийно-терминологическим аппаратом и федеральным законодательным регулированием. Физическая культура и спорт оказывают влияние на формирование человека, развитие общественных отношений, являются средством общественной интеграции, рационального использования свободного времени. Современное физкультурно-спортивное движение представляет собой потребность общественного развития, необходимую, целеполагающую и далеко не «бесцельную деятельность». В российском законодательстве закреплено, что физическая культура является неотъемлемой частью культуры и представляет собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека. На международном уровне социальная значимость физической культуры и спорта зафиксирована в основополагающих документах Всемирной организации здравоохранения.

За тысячелетнюю историю человеческой цивилизации феномен целенаправленной физической активности изучался с различных сторон. В первую очередь, с медико-биологической, как воздействие движения на физиологию человека. Значение гимнастики высоко оценивал Гиппократ, легендарный Авиценна подчеркивал приоритетность в режиме сохранения здоровья физических упражнений перед режимом пищи и сна. Древнегреческий врач Филистрат Флавиус считал физическое воспитание обязательным для поддержания здорового организма; в известном Сарленском кодексе здоровья в XV в. уже упоминалась утренняя зарядка; немецкий король Фридрих Вильгельм IV уже в начале XIX в. обязал включать в школьные программы физические упражнения. Эволюция двигательных актов от простого движения к осознанному действию отражена в трудах знаменитых физиологов И. П. Павлова, И. М. Сеченова, Н. А. Бернштейна. Современные здоровьесберегающие технологии тесно связаны с регулярной двигательной активностью человека. Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения рассматривает физическую активность как одну из важнейших детерминант здоровья, относящихся к образу жизни.

В педагогике физическая культура и спорт изучаются с целью передачи общественно-исторического двигательного опыта, воспитания и становления личности. Аристотель выделял физическое воспитание как одну из составляющих семейного воспитания; Жан Жак Руссо был сторонником естественного воспитания ребенка на основе неограниченной физической активности; основатель шведской системы гимнастики Генрих Линг (1776–1839 гг.) разработал собственную систему педагогической гимнастики.

Благодаря работам П. Ф. Лесгафта, Л. П. Матвеева теория и методика физического воспитания является отдельной отраслью научного знания в педагогике. Современные педагоги В. К. Бальсевич (1988), М. Фельденкрайз (1999), Г. Гарднер (2007), Р. Штейнер (2018) рассматривают физическую активность как важнейший компонент в процессе становления личности человека и познания им окружающего мира. Поддержание определенного и биологически детерминированного уровня физической активности, по данным многочисленных научных исследований современных психологов, определяет прямую зависимость восприятия, мышления, памяти, эмоций от сценариев и репертуара двигательной активности индивида.

Социальные функции физической культуры и спорта стали изучаться с начала XX в. с попыток рассмотреть социальные проблемы, связанные с соревновательной деятельностью. Значительное число публикаций относится к периоду после Второй мировой войны. С изменением труда и образа жизни, с развитием городов физическая культура рассматривается социологами как средство воспитания, подготовки к жизни, а спорт – как форма досуга, избавляющая от стресса отключением от практических забот. На протяжении XX в. социологи рассматривают философское и общественное направление в науках о физической активности человека, социально-нравственные вопросы профессионального и любительского спорта, взаимодействие физической культуры с другими общественными явлениями.

Деятельность в области физической культуры и спорта – общепризнанная форма социальной активности человека по отношению и на базе многообразных видов спорта и двигательной активности. Это определение включает в себя средства и формы деятельности, механизмы и результаты, нормы, ценности, правила поведения, знания, интересы, потребности. Учитывая многообразие функций и широкий охват различных сторон жизни человека, представляется возможным применить к физической культуре и спорту понятие «социальное пространство».

Идея представления социальных отношений в системе вертикальных и горизонтальных связей не нова и прослеживается уже в работах классиков социологии. Само представление о социальной иерархии указывало на существование некоего социального пространства, имеющего не только горизонтальное, но и вертикальное измерение, принципиально отличающее его от пространства географического. Тема неравенства, являющегося движущей силой исторического развития, красной нитью проходит через произведения К. Маркса: взаимосвязь компонентов базиса носит диалектический характер и не сближает позиций рабочего класса и буржуазии, проживающих в одном географическом пространстве.

Социальная дифференциация как основа вертикального измерения социального пространства была одним из ключевых элементов концептуальных построений М. Вебера: именно статусное неравенство рассматривалось им как залог и основа легитимного господства и сохранения социального порядка¹.

Термин «социальное пространство» в том смысле, в котором мы будем понимать его в дальнейшем, впервые используется П. А. Сорокиным: именно в социальном пространстве осуществляется вертикальная социальная мобильность, связанная с приобретением или утратой различных статусов с присущими им правами, обязанностями и привилегиями, в конечном итоге определяющими положение в нем каждого конкретного индивида. Повышение социального статуса, означающее и изменение места индивида в системе социальных отношений, возможно за счет использования специфических каналов – образования, социальных связей и т. д. Многомерность социального пространства у П. А. Сорокина достигается за счет возможности и горизонтальной мобильности, осуществляемой без изменения социального статуса².

Наибольшее развитие концепция социального пространства получила в работах П. Бурдьё, который трактовал его как совокупность многочисленных «тематических» полей – экономического, политического, культурного, каждое из которых имеет внутреннюю структуру, обусловленную неравным распределением соответствующего типа капитала.

П. Бурдьё допускает возможность конструирования социального пространства на основе не только социального и экономического капиталов, но и других дифференцирующих сил: «Социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления: например, деления экономического или деления этнического»³. Этими силами могут быть совокупность «действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме»⁴.

Мы предполагаем, что возможно анонсировать физическую культуру и спорт как дифференцирующие силы, образующие социальное пространство.

Цель данной работы – рассмотреть феномен физической культуры и спорта с точки зрения характеристик социального пространства в рамках основных положений социологической теории Пьера Бурдьё.

Пьер Бурдьё свое классическое определение сформулировал следующим образом: «Социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и другие), которые обязаны своей

структурой неравному распределению отдельных видов капитала... Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закрепленное место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ, которая сама в свою очередь зависит от их капитала)»⁵.

Конструкция социального пространства, по П. Бурдьё, определяет возможность нахождения агентов в идентичных или близко находящихся позициях, что, по мнению автора, позиционирует аналогичные условия и подчинение сходным обстоятельствам. Следствием этого положения являются тождественные интересы агентов, а следовательно, и одинаковые практики.

Следуя теории социального пространства П. Бурдьё, О. И. Иванов выделяет семь слоев пространства: социальные позиции; паттерны поведения и мышления; физические субъекты деятельности; социальные институты с нормами и правилами взаимодействия; материальные блага и услуги; духовные блага и нематериальные услуги; социальные процессы жизнеобеспечения, формирования, использования человеческих ресурсов, которые могут находиться в конфликтующих или гомологичных позициях⁶.

Понятийно-терминологический аппарат теории П. Бурдьё предусматривает наличие таких понятий, как «поле» или «подпространство». Автор рассматривает поле как относительно закрытую самостоятельную систему социальных отношений. Для этой системы присущ набор характеристик, которым свойственна специфичность, в том числе и исторически сложившаяся, и эта специфичность обеспечивает дифференцировку полей. Система объективных отношений между различными позициями, складывающимися в поле, определяется социально и чаще всего не зависит от индивидуумов, занимающих эти позиции.

А. Б. Докторович предлагает рассматривать в социальном пространстве глобальные и локальные поля. Глобальное поле он определяет как «многомерное, структурированное подпространство с относительно устойчивой системой позиций и отношений между его агентами»⁷. Локальное же поле складывается, по мнению автора, в результате социальных взаимодействий между членами малой социальной группы. Локальному полю могут быть свойственны характеристики, определяющие его напряжение: сильное или слабое поле. Социальные взаимодействия, влияющие на отношения агентов в других полях социального пространства и способные изменить

его структуру, безусловно, относятся к сильным локальным полям. Глобальные и локальные сильные поля, согласно концепции А. Б. Докторовича, обеспечивают возможность широкого маневра для развития социального потенциала как отдельных активных индивидов, так и групп активных агентов.

А. Ю. Огородников видит необходимость выделить в современном социальном пространстве отдельное поле коммуникации как единую среду взаимодействия с информацией⁸.

П. Бурдые рассматривает социальное пространство как многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, и варианты их расположения «являются взглядом с определенной точки, т. е. из определенного положения в социальном пространстве»⁹. Взаимодействие полей между собой и их распределение в социальном и физическом (географическом) пространстве отражено в работах З. А. Сокулер, О. О. Татьяна. З. А. Сокулер считает, что отношения гомологии и конфликта между полями в пространстве могут быть сформированы только с помощью габитуса находящихся в этом пространстве индивидуумов. «Отсутствие определенного культурного капитала не только не позволяет действительно присваивать расположенные поблизости общие блага, но препятствует возникновению намерения освоиться с ними. Жить рядом с музеем – не значит туда заглядывать и получать от этого удовольствие»¹⁰.

По мнению О. О. Татьяна, на расположение и конструирование поля в пространстве влияет, в первую очередь, не распределение внутри поля количества форм капитала, а характеристики гармонизированных практик, реализуемых на территории поля, совместная двигательная активность в конкретном месте конкретного пространства¹¹.

Таким образом, теория социального пространства П. Бурдые имеет множество последователей, иногда с диаметрально противоположными точками зрения. Социальное пространство многомерно и состоит из слоев или полей, поля интегрируют между собой и обладают взаимозависимостью, синергизмом или антагонизмом. Поля могут быть сильные и слабые, физические с материальными границами и виртуальные с взаимодействием на уровне социальных связей, мышления и культурного обмена. Основная характеристика поля – это место накопления различных видов капитала. Сила поля зависит от характеристик самого поля и от практик агентов.

Стартовая линия научных исследований категории пространства физической культуры и спорта была проведена рубеже XX–XXI вв. Этому способствовали развитие нового методологического аппарата, формирование ценностно-гуманистических основ физической культуры и спорта и быстро формирующийся междисципли-

нарный характер взаимодействия данной категории пространства.

Пространство физической культуры и спорта рассматривалось в работах Л. И. Лубышевой (2004), С. И. Филимоновой (2004), П. Д. Нутросина (2017). Л. И. Лубышева характеризует пространство физической культуры и спорта, в первую очередь, как социальное, с культурными традициями, реализующееся на естественной территории и обладающее спецификой совместной деятельности¹².

С. И. Филимонова делит пространство физической культуры и спорта на два подпространства: физическое и социогенное. Агентами этих подпространств выступают физические участники спортивных и физкультурных отношений и мероприятий с учетом возраста, профессии, социального статуса. Физическое подпространство описывается как моторное поле, представляющее собой структурную совокупность всех событий, связанных с соревновательной и другой физкультурной деятельностью, выбором вида спорта, спортивной тренировкой. Моторное поле, включающее физических агентов, составляет суть физического подпространства в пространстве физической культуры: физическое воспитание, физическую рекреацию, физическую реабилитацию, физическую подготовку, и хорошо коррелирует с федеральным законодательством, регламентирующим физическую культуру и спорт. Структура социогенного подпространства складывается из нормативно-правового, экономического, политического, образовательного, культурного, информационного, нравственно-этического полей. Данные поля функционируют и регулируются через государственные и общественные механизмы: спортивные и образовательные учреждения, средства массовой информации и другие организации. С. И. Филимонова в своих научных работах рассматривает способность и желание агентов к самореализации как ключевое условие гармоничного взаимодействия физического и социогенного подпространств и полноценного функционирования пространства физической культуры и спорта. Следовательно, сформированность пространства физической культуры и спорта в решающей степени зависит от отношения к нему индивида¹³.

П. Д. Нутросин выделяет спорт как самостоятельное социальное пространство, на основе возможности формирования внутри явления спорта нескольких полей, в каждом из которых идет процесс накопления определенного вида капитала. Например, поле соревновательной деятельности структурировано за счет особой формы социального капитала – общественного признания, которое в свою очередь может быть источником финансового капитала. Культурный капитал накапливается в поле спортивной квалификации. Агентами пространства спорта яв-

ляются спортсмены, тренеры, болельщики, родственники спортсменов. Граница поля спорта зависит от сочетания активных специфических свойств, отличающих его от других пространств, позволяющих конвертировать капитал пространства спорта в другие пространства¹⁴.

Таким образом, матрица и структура теоретического анализа должна основываться на доминирующих в научных исследованиях социальных характеристиках пространства физической культуры и спорта, формирующихся из компонентов материального и духовного свойства, что определяет многообразие, многосторонность и многоуровневость. И это в значительной степени придает деятельности агентов физкультурно-спортивных отношений особую специфичность в практиках реализации и самоидентификации.

Структуру пространства физической культуры и спорта можно представить в виде нескольких полей: массовая физическая культура, физическая культура в системе образования, физическое воспитание, физическая реабилитация и спорт.

Массовая физическая культура осуществляется в целях развлечения, проведения досуга, общего оздоровления, отдыха и относится к физической рекреации. Организационно-материальную структуру поля составляют фитнес-клубы, физкультурные учреждения оздоровительной направленности, парки, уличные спортивные площадки, туристические комплексы и другие виды физкультурных сооружений. Агентами поля могут быть лица любого возраста и физической подготовленности, имеющие мотивацию к активным видам деятельности, занятия могут быть разноплановыми и несистематическими. Соревновательный компонент в массовой физической культуре практически отсутствует.

Физическая культура в системе образования и физическое воспитание – это физкультурная деятельность, включенная в государственные стандарты образовательных программ. Основными характеристиками этого поля являются практики формирования через программы государственных стандартов комплекса жизненно необходимых двигательных умений и навыков, развитие ключевых физических качеств, определенных в международных документах. Функции поля реализуются в образовательных организациях в качестве систематических уроков физкультуры с преемственностью на этапах получения образования. Агентами поля выступают дети, подростки, молодежь, преподаватели.

Поле спорта, в том числе большого и зрелищного, представляет собой систему национальных и международных соревнований для демонстрации высокого спортивного мастерства, наивысших результатов в различных видах спорта, включая экономическую область производства услуг.

Таким образом, пространство физической культуры и спорта проникает во все ключевые

социальные сферы жизни общества, входя в области трудовых отношений, образования, культуры, медицины своими компонентами: спортом, физическим воспитанием и физической рекреацией. Учебная физическая культура и физическое воспитание интегрированы в социальное поле образования, массовая физическая культура – в сферу досуга, лечебная физическая культура – в медицинскую реабилитацию, а большой спорт – в профессиональную сферу. Данные поля могут быть сильными или слабыми в зависимости от социальных взаимодействий между членами малых социальных групп или агентов внутри поля. Социальные взаимодействия агентов обусловлены разными группами социальных потребностей: физическими потребностями, потребностями в социализации и потребностями в творческой или профессиональной деятельности. Физические потребности удовлетворяются за счет физических упражнений в поле массовой физической культуры, потребности социализации – посредством физического воспитания в поле учебной физической культуры, потребности в творческой и профессиональной деятельности – через спорт.

На характер и содержание социальных взаимодействий агентов оказывает влияние их отношение к физической культуре и спорту, мотивация к занятиям и тренировкам. Общими основными факторами, определяющими это отношение, являются: специфика и содержание труда, социальное положение, материально-бытовые условия, система образования, здравоохранения, массовой информации, свободное время. К специфическим объективным факторам относятся: система физического воспитания, уровень развития физической культуры и спорта на международной арене.

Н. И. Пономарев выделяет следующие типы отношения индивида к физической культуре и спорту: положительное, безразличное, отрицательное, активное, созерцательное, пассивное и непостоянное¹⁵. Мотивы, побуждающие агентов к практикам в пространстве физической культуры и спорта, имеют разноплановую многообразную структуру. Например, мотивы, определяющие удовлетворение от процесса деятельности: элементы новизны, эмоциональности, динамичности, разнообразия, включение удачно выполняемых физических упражнений, способ коммуникации. Или мотивы, связанные с достижением определенного результата деятельности: выполнение норматива, приобретение новых навыков, овладение сложными двигательными действиями, получение спортивного разряда, активный отдых и психологическая разгрузка; мотивы, связанные с целевыми установками: укрепить здоровье, приобрести внешнюю привлекательность, развить физические качества, стать чемпионом Олимпиады.

В формировании мотивации и активной позиции агентов большое значение имеют объек-

тивные характеристики поля: количество занимающихся; число соревнований и количество их участников; уровень здоровья занимающихся; результаты тренировок и спортивные достижения; количество зрителей. Критерии субъективных характеристик поля – структура мотивов физической культурной и спортивной деятельности агентов, ожидаемый эффект от занятий физической культурой и спортом, степень личной удовлетворенности занятиями и спортивными зрелищами. Чем выше значения объективных и положительных субъективных характеристик поля, тем успешнее оно формирует социальное взаимодействие между членами малых социальных групп или агентов внутри поля и доминирует в социальном пространстве физической культуры и спорта. Так, например, наличие индивидуального транспорта, доступной современной физкультурно-спортивной инфраструктуры, разнообразного снаряжения и инвентаря усиливает социальное взаимодействие агентов в поле массовой и оздоровительной физической культуры. Спортивная победа, престиж определенной общности людей – высококвалифицированных спортсменов, тренеров – в поле спорта. Сложившаяся структура спорта включает союзы и общества, коллективы и команды. При этом специфика спортивной деятельности требует коллективных межсубъектных и субъект-объектных действий, формирующих многообразные формальные и неформальные связи как в спортивных и физкультурных объединениях, так и между государственными и некоммерческими общественными организациями, которые следует рассматривать как особую форму социальной активности агентов. Внедрение физической культуры и спорта в быт людей, превращение их в привычку и жизненную потребность, часть активного отдыха и культурного досуга, общность интересов в повседневных культурно-оздоровительных и спортивных мероприятиях способствуют укреплению семьи.

Практики агентов. Активность агента является важным условием формирования сильного социального поля. Именно активность делает возможным сохранять необходимый уровень социализированности индивидуума. Активность проявляется в разных формах деятельности и является условием удовлетворения потребностей. Физическая культура и спорт – пространство воспитания активности как в непосредственной форме физических движений, так и в виде интересов, общения. Двигательные потребности выступают одним из специфических условий проявления активности агента в данном пространстве. Уровень двигательной активности агента будет формировать практики, от которых зависит сила локальных гомологичных и конфликтующих полей пространства. Так, например, широкое распространение доступных массовых регулярных тренировок в различных видах спорта приведет к развитию у занимаю-

щихся гармоничного физического тела, физических качеств, достижению определенного результата, привлечению финансовых ресурсов и воспитанию личностных волевых качеств, и это, в свою очередь, будет усиливать спортивное поле в социальном пространстве физической культуры. Отсутствие интереса агентов в ежедневной физической активности, оздоровительных видах досуга инициирует прогрессирование малоподвижного образа жизни. Отсутствие спроса в соответствующей сфере услуг и инфраструктуре – уличных физкультурных площадках для подвижных игр, мероприятиях физкультурной рекреационной направленности, активных видах туризма, в конечном итоге приведет к ослаблению поля двигательной рекреации и усилению конфликтующего поля малоподвижных видов деятельности, например виртуальных коммуникаций в интернет-пространстве. Чтобы физическая активность была регулярной, она должна быть интегрирована в повседневную жизнь людей, в те ежедневные условия и ситуации, в которых они оказываются – на работе, в школе, в университете, на улице, дома и в часы досуга.

Формирование капитала. Социальное пространство является местом накопления различных видов капитала. При определении понятия и содержания физической культуры «культура» как таковая предполагает творческую продуктивную деятельность человека. Под культурой понимается процесс физического и духовного совершенствования человека, его образования и воспитания, идеологическое, художественное и научное отражение этого процесса. Культура есть выражение и показатель человеческого развития, установления и сознательного формирования социальных отношений. Физическое воспитание формирует в человеке важные социальные личностные качества, совершенствует механизмы саморегулирования, управления организованной деятельностью и правильным социальным поведением.

Физическая культура и спорт имеют большие возможности для накопления культурного капитала за счет целеустремленного характера физкультурной и спортивной деятельности, направленной на самосовершенствование; выработываемой в ходе занятий и тренировок способностью направленно и последовательно преодолевать утомление и трудности на пути к достижению значимых целей; гармонизации личных и общественных интересов в ходе достижения спортивных результатов и физического совершенствования.

Пространство физической культуры и спорта является местом накопления социального капитала за счет положительного опыта социального взаимодействия в коллективах единомышленников, взаимодействия с общественными и государственными организациями различной иерархической структуры и специфики деятельности.

Все это значительно способствует расширению репертуара социальных контактов и потенцирует ситуации выбора практик агентов.

Итак, феномен физической культуры и спорта имеет все характеристики социального пространства, состоящего из нескольких полей, взаимодействующих друг с другом. Сила и размеры этих полей зависят от множества факторов объективного или субъективного происхождения, что соответствует понятиям реальности первого и второго порядка, а также от практик агентов внутри поля. К реальности первого порядка относятся социально-демографическая структура поля, состояние материально-технической базы, объемы финансирования, количество и квалификация профессиональных и научных работников. К реальности второго порядка – мировоззрение агентов, потребность субъектов поля в физическом развитии, здоровье, активном отдыхе, способности активно воздействовать на свою личность, поведение. Практики агентов направлены на тренировку сенсорных и моторных функций человека, освоение других, новых, образцов поведения, социальных норм, ролей и функций, вхождение в определенные социальные группы, например, спортсменов высшего спортивного мастерства или «группу здоровья» для пожилых людей. Пространство физической культуры и спорта позволяет органично формировать различные виды капитала.

Социальное пространство физической культуры и спорта может являться универсальным механизмом коррекции социального самочувствия для всех социально-демографических слоев общества за счет влияния на все уровни функционирования индивида – физический, эмоциональный, ментальный, социальный. Реализация долгосрочных стратегий, моделей практической деятельности на базе пространства физической культуры и спорта является перспективным потенциалом для решения задач государственной социальной политики в области улучшения социального самочувствия граждан.

Примечания

¹ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 1. Социология. М. : Высшая

Школа Экономики (Государственный университет), 2016.

- ² См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М. : Политиздат, 1992.
- ³ Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / общ. ред. пер. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетей, 2007. С. 76.
- ⁴ Там же. С. 15.
- ⁵ Там же. С. 53–54.
- ⁶ См.: Иванов О. И. Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения // Научный результат. Серия Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3. С. 29–34. DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-29-34
- ⁷ Докторович А. Б. Социальный потенциал : социальные взаимодействия и отношения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2008. № 4. С. 42.
- ⁸ См.: Огородников А. Ю. Социальные поля как источник ценностей современного российского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 178–184.
- ⁹ Бурдые П. Указ. соч. С. 73.
- ¹⁰ Сокулер З. А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдые (научно-аналитический обзор) // Социальное пространство : междисциплинарные исследования. Реферативный сборник. Сер. Социология / под ред. Л. В. Гирко. М. : Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2003. С. 62.
- ¹¹ См.: Татьяна О. О. Телесность в структуре социального пространства // Аспирантский вестник Поволжья. 2017. № 3–4. С. 74–80.
- ¹² См.: Лубышева Л. И., Филимонова С. И. Современный подход к исследованию пространства физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2004. № 2. С. 2–6.
- ¹³ См.: Филимонова С. И. Физическая культура и спорт как пространство формирования оптимальной самореализации личности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004.
- ¹⁴ См.: Нутросин П. Д. Социальное пространство спорта // Оригинальные исследования. 2017. Т. 7, № 1. С. 8–16.
- ¹⁵ См.: Пономарев Н. И. Социальные функции физической культуры и спорта. М. : Физкультура и спорт, 1974.

Поступила в редакцию 11.12.2020, после рецензирования 18.03.2021, принята к публикации 24.02.2021
 Received 11.12.2020, revised 18.03.2021, accepted 24.02.2021

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 182–189

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 182–189

Научная статья

УДК 32+303

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

«Плохая/хорошая политика» как политологический концепт

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Публикация содержит предложения автора по использованию понятий «хорошая политика» и «плохая политика» в качестве теоретических инструментов политического исследования. Обоснована целесообразность надления этих понятий смыслом, позволяющим политологу решать прикладные и теоретические задачи, в частности, изучать и интерпретировать ситуации конфликта двух оснований либерально-демократического процесса. С одной стороны, его формальной организации, вселяющей в его участников веру в свои почти безграничные возможности решать актуальные для них политические проблемы с использованием демократических институтов и технологий, с другой – осознания участниками политики проблематичности своих шансов воспользоваться этими институтами и технологиями для достижения личной и общественной пользы. Методологический потенциал понятий «хорошая политика» и «плохая политика» в статье раскрыт на примере решения двух конкретных задач. Во-первых, это выявление источника способности либерально-демократической политики быть олицетворением прогресса современной цивилизации, в минимальной степени меняясь институционально и функционально. Во-вторых, это определение уровня легитимности либерально-демократической политики без использования в ее политологическом исследовании экономического понятия «эффективность».

Ключевые слова: метод политического исследования, гражданское сознание, либерально-демократическая политика

Для цитирования: Шестов Н. И. «Плохая/хорошая политика» как политологический концепт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 182–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

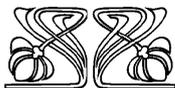
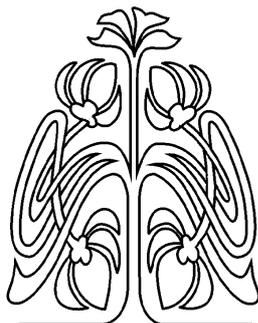
“Bad/good politics” as a concept of political science

N. I. Shestov

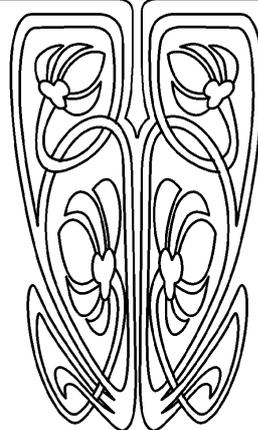
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. The article contains the author's suggestions how to use terms “good politics” and “bad politics” as theoretical tools of political study. The author provides rationale for assigning a meaning to these terms allowing political scientists to tackle applied and theoretical tasks – to explore and interpret conflict situations between two bases of liberal and democratic process, in particular, i.e., on the one hand, its formal structure invigorating the process' participants to address political challenges with the help of democratic institutions and technologies, and, on the other

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

hand, political actors' understanding that their chances to use these institutions and technologies in order to gain personal and public profit are rather low. Methodological potential of "good politics" and "bad politics" terms is explained on the example of solving two issues. The first one is revealing the source of liberal politics' ability to embody the progress of modern civilization without significant institutional and functional changes. The second one implies defining the level of legitimacy of liberal and democratic politics without using economic term "efficacy" within its political study.

Keywords: method of political research, civic conscience, liberal and democratic politics

For citation: Shestov N. I. "Bad/good politics" as a concept of political science. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 182–189 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-182-189>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Существует ряд проблем, которые жизнь современных обществ и государств поставила перед политической наукой и решение которых требует более тонкой настройки ее нынешнего теоретического инструментария, в том числе в части тех теоретических понятий, посредством которых наука формирует основные ракурсы изучения политики. Одна из таких проблем – заметно растущее в современном мире, даже в наиболее благополучных странах, неприязненное отношение граждан к либерально-демократическим условиям своего политического существования¹.

Со времени окончания Второй мировой войны и до наших дней основные институты и правовые каноны либерально-демократической политики не претерпели существенного структурного и функционального изменения. Последние десятилетия принесли с собой заметные изменения в ценностных основаниях и мотивационной сфере этой политики. В странах, традиционно считающих себя оплотом либеральной демократии, возник конфликт, с одной стороны, способов, форм и порядка осуществления этой политики, привычных гражданам и элитам, с другой стороны, с тем, как непривычно для многих из них, а часто и неприемлемо по идеологическим и моральным соображениям, ссылками на «мультикультурализм», «общечеловеческие ценности» и «толерантность» стала мотивироваться на официальном уровне необходимость их участия в этой политике.

В другом измерении, но та же, в сущности, проблема свойственна и нынешней российской политике. Ее либерально-демократический институциональный и правовой дизайн вполне каноничен. Тогда как либеральные ценности и факт относительно длительного (уже более трех десятков лет) функционирования демократических институтов для сознания все большего числа граждан и представителей элиты не являются уже достаточным аргументом в пользу их уверенности в своем и страны светлом будущем. В российских политических коммуникациях сегодня отчетливо обнаруживает себя конфликт либеральных и консервативных дискурсов.

Для изучения этого нового тренда в демократическом процессе и определения тех состояний, от которых и к которым он движется, представляется целесообразным, наряду с при-

вычными для отечественных политологов понятиями «авторитарная политика», «демократическая политика», «либеральная политика» и т. д., включить в структуру научного дискурса понятия «хорошая политика» и «плохая политика». Использовать их именно как понятия научные, с конкретным смыслом, обеспечивающим решение конкретных проблем, стоящих сегодня перед политической наукой. В настоящей публикации изложены аргументы в пользу такого расширения теоретического инструментария политической науки.

Понятия, созвучные понятиям «хорошая политика» и «плохая политика», можно обнаружить в дискурсах видных представителей европейской политической и правовой мысли Нового времени. Они в своих ученых трактатах охотно рассуждали о «хорошем/добром правлении» и «плохом/дурном правлении»². Политические условия Нового времени располагали к тому, чтобы отождествлять «правление» конкретного лица или группы лиц с «политикой» как таковой. Этим приемом отождествления всей «политики» с «правлением» и сегодня успешно пользуются отечественные публицисты, когда им необходимо акцентировать внимание читателя на связи свойств политического процесса с личными качествами тех людей, которые в этом процессе занимают лидерское положение. Политологи-исследователи сегодня понятие «правление» употребляют относительно редко, предпочитая ему понятие «власть».

Эти обстоятельства позволяют не ставить ныне смысл понятий «хорошая политика» и «плохая политика» в прямую зависимость от традиции политической мысли прошлых столетий, а действовать целесообразно как в определении смысла этих понятий, так и в их употреблении в политическом исследовании для решения конкретных научных задач.

Если руководствоваться таким подходом, то в современном политическом исследовании понятием «хорошая политика» можно было бы назвать тот порядок способов и результатов решения общественно значимых задач, в котором сознание участников политики находит подтверждение своей уверенности, что политика (потенциально, как универсальная практика мобилизации всех ресурсов на решение ключевой задачи) «может сделать все», в чем заинтересо-

ваны ее субъекты. В «плохой политике», соответственно, сознание ее участников не находит подтверждения своей уверенности в ее неограниченных возможностях.

«Плохая политика» для конкретного ее субъекта (будь то отдельный гражданин, или ассоциация граждан, или социальная группа) – это политика, средствами которой решаются «чьи-то» проблемы, реализуются «чьи-то» интересы вместо того, чтобы решались «мои» проблемы. Тогда как смысл «моего» участия в политике состоит в ином – как раз в том, чтобы обеспечивать таким участием решение именно «моих» проблем и реализацию «моих» интересов. Без выполнения этого условия «мое» участие в политике лишено позитивного смысла. Это будет участие гражданина и социальной группы в «не моей» политике, и оно чаще всего будет требовать принудительных мер к такому участию. В политике ее участники ищут для себя ту же осязаемую пользу, соображениями которой мотивировано их участие в других практиках, экономических, правовых, культурных. В политике встречаются, конечно, альтруисты, но не часто.

Политика всегда есть дело более-менее коллективное. Поэтому оценка «хорошо» либо оценка «плохо», выставленная ей сознанием отдельного участника, нуждается в одобрении и поддержке со стороны других ее субъектов. Смысл публично озвучивать такую оценку состоит как раз в том, чтобы наладить коммуникацию между субъектами политики и дать им возможность самоопределиться в пространстве конкуренции интересов и ценностей среди «своих» и «противников». По этой причине в дискурсах публичных коммуникаций «хорошая политика» – это в абсолютном большинстве случаев политика, «отвечающая нашим интересам».

«Плохая политика» в дискурсах ее критиков, напротив, обычно «неразумна» и «несправедлива», «затратна» и «непродуманна», «античеловечна» и «антинародна», «неоправданно рискованна» и даже «преступна» и т. д. В подборе жестких эпитетов к «плохой» политике сознание людей, разочаровавшихся в ней, проявляет, заметим, значительно больше творчества, чем в вопросе эмоциональной оценки «хорошей» политики. Ругают политику ее участники, чьих ожиданий она не оправдала, гораздо активнее и изобретательнее, чем ее хвалят.

Оценки «хорошо» и «плохо» сознание людей выставляет не самим по себе институтам и практикам, на которых основана политика, не тому, как эти институты и практики организованы и функционируют. Для России за три последних десятилетия либерально-демократическая политика уже стала своего рода политической традицией. В ее условиях живут уже три поколения российских граждан. Тем более она традиционна для большинства европейских стран. Ее институты и практики стали привыч-

ными и более-менее единообразно организованными, стали ключевым атрибутом «цивилизованности» тех народов, которые добились преимуществ перед другими народами в своем экономическом развитии. Без этого единообразия невозможным было бы появление на свет Евросоюза.

Эта связь стабильности либерально-демократических институтов и практик с успехами рыночной экономики и с перспективой дальнейшего прироста благосостояния так называемых «обществ потребления» сегодня достаточно очевидна. В свете этих обстоятельств для сознания гражданских обществ и демократических властных элит критика институционального дизайна современной либерально-демократической политики не обладает сегодня уже той актуальностью, какой она обладала, например, еще в первой половине минувшего XX столетия, особенно в промежутке между двумя мировыми войнами и в период «холодной войны»³.

Для современных демократических обществ и элит, включая российские, не утратил своей актуальности другой ракурс критики либерально-демократической политики. Он является актуальным и наверняка еще долго будет оставаться таковым ввиду распространенности в современном мире представления о либеральной демократии как оптимальном порядке организации, институционального и правового оформления политического процесса. Это критика либерально-демократической политики с точки зрения психологического климата и стиля коммуникаций своих субъектов, который она формирует в гражданском обществе и во властной элите. С точки зрения того, насколько при наличных организационных возможностях участие в ней комфортно для ее субъектов, настраивает их на конструктивный лад во взаимодействии друг с другом.

О том, насколько самочувствие субъектов политики, их представление о естественности и полезности либо неестественности и бесполезности своей включенности в политический процесс важнее для них того, как формально этот процесс организован, можно судить по заметному в последние годы приросту протестных настроений и протестной активности граждан (в том числе в европейских странах, считающих себя оплотом мировой цивилизации и демократии), вполне лояльных базовым институтам и практикам либерально-демократической политики. Конфликты граждан и властей на почве просчетов в коммуникациях на тему миграционного кризиса в странах Евросоюза и выбора средств борьбы с пандемией коронавируса стали дополнительным стимулом для размышлений граждан о комфортности и смысле своего присутствия в пространстве политики, а также для более болезненного и агрессивного реагирования на, казалось бы, малозначительные ошибки политиков в общении с ними⁴.

В России, не так быстро, как в Европе, но тоже постепенно становится все больше граждан, по-прежнему лояльных идеалу либеральной демократии и институтам либеральной политики, но не уверенных в своей возможности извлечь из этой приверженности этому идеалу и участия в работе упомянутых институтов конкретную пользу для себя и окружающих, не уверенных в возможности быть удовлетворенными результатами своего участия⁵. Меньшая часть таких граждан, ощущающих внутренний дискомфорт от соприкосновения с российской политикой и даже просто наблюдения за ней со стороны, включается в протестные движения, тогда как большая часть становится политическими абсентеистами, что вовсе не способствует прогрессу российской демократии,

Оценки «хорошо» и «плохо» в дискурсах субъектов либерально-демократической политики характеризуют их, этих субъектов, самочувствие, их ощущение полезности для себя, для общества и государства, а также комфортности и безопасности участия в этой политике. Это, можно сказать иначе, характеристики полноты их удовлетворенности либо недовольства тем, в какой мере им удалось реализовать возможности, формально закрепленные за ними как гражданами и объединениями граждан для продвижения в политику своих интересов. Либеральная политика для своих участников «хороша» вне зависимости от своей формальной организации тогда, когда ее правила понятны, ресурсные вложения в нее имеют свое объяснение, роли участников прописаны, а результат предсказуем.

По этой причине в массовом сознании большинства гражданских обществ, как прежде, так и теперь, «хорошей» альтернативой либеральной политике, как только в ней появляются какие-либо новации, выводящие отношения общества и власти из состояния комфорта и она начинает «плохеть», чаще всего выступает образ «старой и доброй» консервативной политики. Либо это может быть образ той же, по формальным основаниям, демократической политики, но «долиберальной», образ советской демократии, например, прочно прижившийся в сознании уже новых, молодых поколений российских граждан. Образ, идеализированный массовым сознанием, подразумевающий возврат политических коммуникаций в то состояние, к которому их участники, как им кажется, могли бы быстрее и лучше адаптироваться, чем к своим нынешним условиям политического участия, а потому могли бы легче и продуктивнее решать свои политические и неполитические задачи. В «хорошей» либерально-демократической политике ничто и никто (властные элиты, в первую очередь, своей управленческой и нормотворческой активностью, направленной на реализацию своих элитарных интересов) не должны создавать ус-

ловия, при которых у субъектов политики могут возникнуть сомнения в том, что их присутствие в политике что-то меняет, желательно в лучшую сторону.

Самая, с формальной точки зрения, наиболее либеральная и наидемократичнейшая политика, имеющая «классический» набор институтов и технологий для взаимодействия своих субъектов, может в одночасье в глазах своих искренних приверженцев из «хорошей» превратиться в «плохую». Не потому, что она стала другой по своей форме и содержанию, а потому, что они, в силу тех или иных обстоятельств, перестали находить удовлетворение в том своем участии в ней, которое прежде считали для себя естественным, целесообразным и комфортным.

«Плохой» в их глазах политика стала не потому, что в ней произошли какие-то структурные и функциональные изменения или же вдруг как-то иначе стали работать ее механизмы. Напротив, сама устойчивость работы механизмов политики, настойчивость элиты в сохранении прежнего режима их функционирования либо в его усовершенствовании становится для сознания участников политики своеобразным раздражителем. Это сигнал (особенно значимый для них в условиях быстрой смены набора внутриполитических и внешнеполитических задач), что данная либерально-демократическая властная элита готова притормозить политические коммуникации в том их текущем и выгодном ей состоянии, из которого она и далее неограниченно долго намеревается извлекать для себя выгоду.

Особенно «плохой» либерально-демократическая политика в глазах большого числа рядовых граждан становится тогда, когда у них возникают подозрения, а в средствах массовой информации они находят многочисленные тому подтверждения, что в самой властной элите возникло разное отношение к текущей политике. Что появились те государственные и общественные деятели, которые готовы публично доказывать всем и везде, что пока существует то отношение элиты к своим согражданам и отношение граждан к своей элите, которое иначе как «плохим» не назовешь, никакой «реальной» демократии нет и не будет, даже при наличии полного комплекта демократических институтов, соответствующих правовых инструментов и коммуникативных практик.

Понятия «хорошая политика» и «плохая политика», используемые политологом в качестве индикаторов для выявления различий в субъективном отношении участников политики к своему положению в ней, создают новые возможности для решения некоторых задач, имеющих теоретический интерес для самой политической науки. Имеющих в то же время большое значение для дела поддержания у участников демократических практик доверия к ним и понимания важности участия в таких практиках даже в тех

случаях, когда субъективно такое участие представляется людям нецелесообразным, затратным и рискованным.

Политологу можно с учетом этого создать такую модель работы и движения вперед либерально-демократического политического процесса, которая наглядно показывала бы, за счет чего политический процесс движется вперед тогда, когда критичный потенциал конфликтности в нем не накоплен, абсолютное большинство субъектов политики вполне лояльно ее действующим институтам и правовым нормам. То есть никто не собирается ничего, по сути, в этом процессе менять, но при этом настойчиво требует признания всеми субъектами политики своего плохого самочувствия в ней, всеобщего недостаточного внимания к своим специфическим интересам, своей невозможности нормально в ней участвовать и приносить этим участием пользу как обществу, так и государству. Так, как это делают сегодня в США сторонники экс-президента Д. Трампа, участники массовых протестных движений против расизма и в защиту эксклюзивных гражданских прав всевозможных «меньшинств»⁶. Так, как этого требуют участники российских гражданских протестных акций, по мнению которых, российская демократия всем хороша, в ней есть все необходимое для быстрого прогресса либеральной политики в нашей стране, но недостает «западной» цивилизованности, гуманности, справедливости и честности отношений между ее субъектами⁷.

Относительно высокую динамику современной демократической политики обеспечивают ее периодические переходы в сознании ее участников из «хорошего» (чаще всего в начале электорального цикла) в «плохое» (ближе к окончанию этого цикла) качество. Сознание граждан реагирует на возрастающую «несправедливость» политики, на «их», элит, безразличие к «нашим» нуждам, на трудности с нахождением смысла в политических инициативах и решениях, на сложности мобилизации на свою сторону единомышленников и групп поддержки, на агрессивную и не всегда умелую агитационно-пропагандистскую активность СМИ. У значительной части граждан в этой связи возникает вполне объяснимое желание прекратить сползание политики, ценности и институты которой они признают правильными и готовы их оберегать, в «плохое» измерение. Начинается борьба (в современных условиях с акцентом на применение средств массовой коммуникации) за превращение «плохой» политики в «хорошую», полезную и комфортную, позволяющую планировать светлое будущее свое и своих детей.

Устойчивая работа электоральных механизмов поддерживает в гражданах надежду, что эту задачу исправления политики можно решить легальными средствами. Решение, не всегда ожидаемое, часто компромиссное, обычно до-

стигается, и работа механизмов политики продолжается, нередко точно в том виде, в каком они работали прежде. Электоральное большинство приводит к власти тех представителей элит, кто, по его мнению, способен из «плохой» политики сделать «хорошую», не ломая жизнь общества и государства и не подвергая ее избыточным рискам.

В этом смысле устойчивое существование «хорошей» демократической политики (о необходимости которой и о правилах существования которой постоянно твердит политическая теория) невозможно без периодической утраты ею своего замечательного качества в глазах ее участников.

Существует в своем долгожданном «хорошем» состоянии политика, как правило, не долго. Граждане быстро разочаровываются в возможностях, которые формально она им предоставляет. Недоверие граждан нарастает прямо пропорционально активности властной элиты конвертировать «мандат доверия», выданный ей электоратом, в правовые нормы и управленческие решения, в которых, по мнению демократически избранных политиков и администраторов, наиболее полно воплощена их главная функция – служить «общему благу». Публичная демонстрация демократически избранными властными элитами своей приверженности «общему благу» им жизненно необходима. Только так они могут претендовать на возможность быть представителем интересов общества и осуществлять контроль общественной жизни.

В этом обычном подходе элит к легитимации своих властных компетенций кроется, как часто бывает, и источник проблем в ее коммуникациях с гражданским обществом и в устойчивости ее легитимности. У части граждан уверенность представителей властной элиты, что смысл их жизни в служении «общему благу», находит поддержку. Но идея «общего блага» изначально, а дальше все больше конфликтует с реальным положением дел, с наличием в современных гражданских обществах расколов по классовым, сословным, правовым, конфессиональным и этническим, идеологическим основаниям. Идея «общего блага» является постоянным вызовом специфической социокультурной идентичности людей и групп, составляющих эти гражданские общества. Чем больше властная элита трудится ради «общего блага», тем больше подозрений и негативных оценок эта ее активность вызывает у граждан, которые не видят в ней признаков политики, помогающей реализации их интересов или хотя бы сочувственно относящейся к их интересам.

Отражением роста сомнений электората в том, что данный стиль, цели и средства деятельности элиты соответствуют его интересам, является увеличение доли так называемых непопулярных решений в общем ряду тех инициатив,

которые выдвигает и реализует властная элита. «Непопулярное» решение может быть оправдано вполне рациональными соображениями. Невозможностью, например, для государства разом откликнуться на нужды и требования всех граждан и всех общественных групп, необходимостью маневрировать ресурсами в условиях их естественной либо вынужденной ограниченности. «Непопулярные» решения являются тем инструментом, применением которого элита пытается укрепить свою легитимность, стимулировать интерес граждан к своим инициативам, а результат получает чаще всего обратный.

Все эти рациональные мотивы, тем не менее, в глазах современных граждан – это проблемы государства. Оно, государство, как это записано в конституциях многих современных стран, включая РФ, добровольно объявило себя «социальным». Теоретический аспект этой «социальности» в этом случае не слишком интересен обыденному сознанию. Значит, как эту ситуацию интерпретирует сознание большинства граждан России и других стран, государство добровольно взяло на себя обязательства и ответственность за решение всех тех задач, которые жизненно важны для его граждан здесь и сейчас. Значит, за несоответствие своей политики, основанной на большом числе «непопулярных» решений, властная элита должна понести наказание от своего электората. Это выглядит парадоксально, но активное стремление элит стимулировать демократический процесс решениями, направленными на «общее благо», часто только усугубляет негативное отношение граждан к политике. Эта активность ускоряет разочарование граждан в их вере в то, что среди «общих интересов» найдется место «их интересам».

Рост числа решений, которые сознание граждан и элит атрибутирует как «непопулярные», – обычный симптом нарастания недовольства субъектов политики своими возможностями как-то повлиять на нее в своих интересах. Одновременно это атрибут нарастания общественной и элитарной потребности в том, чтобы предпринимать конкретные действия в направлении достижения взаимопонимания по конфликтным вопросам политики. Эти действия и коммуникации, связанные с ними, создают «эффект постоянного и целенаправленного движения» в современных либерально-демократических процессах, у которых пока нет на самом деле понятной всем участникам и привлекательной для них цели развития. Будущее мира без либерально-демократической политики рисуется сознанию экспертов и рядовых граждан чаще всего в мрачных тонах: не сохраним и не сделаем «хорошей» либеральную политику – и человеческая цивилизация не выживет либо одичает.

Постоянная борьба за превращение в массовом сознании «плохой» политики в «хорошую», как и обратный процесс, поддерживают работу

механизмов ротации элит у власти и внутриэлитарной селекции.

Изучение политики в режиме тиражирования элитой «непопулярных» политических решений требует уточнения вопроса о соотношении таких ее характеристик, как «хорошая/плохая» и «легитимная/нелегитимная». Политика может быть «легитимной», но при этом «плохой», т. е. не соответствующей представлениям граждан о «хорошей политике», накопившей в себе много взаимных претензий граждан и элит, но не в той мере, при которой граждане готовы отказаться от лояльности институтам и практикам демократической власти, от сотрудничества с властными элитами. «Плохая» политика имеет тенденцию к снижению своей легитимности, но какой-то ее долей обладает до своего конца (начала нового электорального цикла). В силу этого на очередных выборах становится возможным соперничество двух групп электората – тех, кто прежнюю политику считает «плохой», и тех, кто считает ее достаточно «хорошей, чтобы что-то в ней менять».

Другая теоретическая и одновременно прикладная задача, решение которой политологом может быть осуществлено с использованием понятий «хорошая политика» и «плохая политика», это задача выведения за границы политического дискурса и предметного поля политических исследований проблематики «эффективной политики» и самого этого понятия.

О том, как нынешней российской политике стать «эффективной», отечественные политологи за постсоветский период развития своей науки написали очень много статей, монографий и диссертаций. Часто термин «эффективная политика» присутствует в дискурсах известных российских политиков и общественных деятелей. В том и другом случае понятие «эффективная политика» представляет собой не более, чем метафору. К тому же метафору не вполне удачную с точки зрения точности передачи смысла тех реалий, которые за ней стоят. Быть «эффективной», в экономическом смысле, с точки зрения соотношения затрат и выгод политика не может в принципе. Она занимается решением таких задач, экономить на которых обществу и государству себе дороже. И на решение этих задач она, как правило, мобилизует ресурсы государства и общества столько, сколько удастся отмобилизовать.

Использование политологами понятия «эффективность» сопряжено в большинстве случаев с искажением его базового научного смысла. Если исходить из обычного для исследований политики контекста рассуждений о ее «эффективности», то становится понятным смысл того представления о свойствах политики, который исследователь закладывает в это ее определение. В политологическом смысле «эффективна» та политика, в которой все организовано и все работает так, что ею

довольны все ее участники. Эта политика по максимуму решает все их проблемы, не требуя при этом от них дополнительных вложений ресурсов и не создавая новых рисков. Это политика «для всех», в которой от проблемы до принятия решения и от решения до его реализации один шаг. Использование научного понятия, пусть даже в роли метафоры, налагает, тем не менее, на пользователя определенные обязательства. Он вынужден так или иначе, но приспособлять свое понимание и употребление этого понятия к тому смыслу своих представлений о политике, который намерен донести до публики.

Поиск в политике «эффективности» заставляет исследователя, возможно, даже против его воли, руководствоваться в своем диалоге с читателем идеей, что, предприняв определенные усилия по усовершенствованию ее механизмов, можно довести политику до состояния идеала, добиться того оптимального соотношения выгод и рисков, которое примирит с ней большинство ее участников, аннулирует их нынешние претензии к ней. Тогда по логике таких рассуждений получается, что, достигнув желаемой «эффективности», политический процесс должен остановиться? Или же, что тоже можно предположить на основании подобных рассуждений, есть возможность и дальше поднимать «эффективность» политики так, как обычно поднимается эффективность экономических предприятий – освоением новых ресурсов и внедрением новых технологий? Но ведь доверие современных обществ к либеральной политике, особенно после ухода с исторической сцены советской демократии, строится как раз на убеждении большинства ее участников в том, что другой политики, более «эффективной», чем она, просто не существует, да и искать ее не следует. А следует в полной мере пользоваться возможностями либеральной политики в том виде, в котором она существует сегодня в наиболее экономически развитых странах мира.

Понятия «плохая политика» и «хорошая политика» помогают снять эти противоречия. Для будущего политики, на наступление которого работают все граждане, и политологи в их числе, важно не то, каких формальных рубежей достигла работа ее механизмов с точки зрения экономических, административных и правовых показателей. Многих достижений политики люди склонны не замечать либо замечают их тогда, когда, как в случае с ностальгией многих отечественных политиков и политологов по имперской политике России, поезд, как говорится, ушел. Судьбу политики, нравится это кому-то или нет, решает то субъективное впечатление от соприкосновения людей с нею, которое в их сознании и в дискурсах их политических и повседневных коммуникаций отливается в две формулы: «так жить нельзя», и тогда политика «плохая», либо «так жить можно», и тогда политика «хорошая».

Примечания

- 1 См.: *Корнилов В.* Как Париж уже два года борется с «неправильными» протестами. URL: <https://news-front.info/2020/11/20/kak-parizh-uzhe-dva-goda-boretsya-s-nepravilnymi-protestami-vladimir-kornilov/> (дата обращения: 02.02.2021); Во Франции протестуют против закона о «глобальной безопасности». URL: <https://news-front.info/2020/11/18/vo-franczii-protestuyut-protiv-zakona-o-globalnoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 02.02.2021); О массовых протестах в Германии. В субботу 29 августа 2020 г. около 2 миллионов немцев вышли на митинги протеста против политики правительства. URL: <https://rusidea.org/250957121> (дата обращения: 05.02.2021); *Броска П.* Италию превращают в страну с полной диктатурой. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/italiyu-prevrashchayut-v-stranuis-polnoy-diktaturoy> (дата обращения: 05.02.2021); Всеобщая забастовка в Каталонии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7016886> (дата обращения: 05.02.2021); Причины массовых беспорядков в США лежат глубже расизма в полиции. URL: <https://www.discred.ru/2020/05/29/prichiny-massovyh-besporyadkov-v-ssha-lezhat-glubzhe-rasizma-v-politsii/> (дата обращения: 06.02.2021); Социологи ожидают массовых протестов в РФ из-за роста недовольства граждан действиями власти. URL: <https://www.newsru.com/russia/05jun2020/predel.html> (дата обращения: 07.06.2020).
- 2 См.: *Романова Г. С.* Хроника доброго правления : язык и нравы // Ибероамериканские тетради. 2013. № 2 (2). С. 148–168; *Дмитриева М. И.* Образы власти в «Добром и дурном правлениях и их плодах» А. Лоренцетти и в городских хрониках Сиены XIV века // Современное научное знание : теория, методология, практика : сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. (Смоленск, 31 января 2018 г.) : в 2 ч. Смоленск : Международный научно-информационный центр «НаукоСфера», 2018. Ч. 1. С. 30–33; *Ее же.* Республика или синьория : Политические идеалы итальянской общественной мысли XIV века // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 7. СПб. : Алетейя, 2008. С. 98–116; *Сопов А. В.* Идеи «доброе правление» в творчестве итальянских гуманистов XIV–XV вв. Венецианцы, неоплатоники и другие // International Scientific Review. 2015. № 4(5). С. 56–59.
- 3 См.: *Антонов М. В., Максимов С. И.* Права человека, демократия, верховенство права и современные социальные вызовы в сложных обществах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 8–16; *Беляков Г. С.* Либеральная демократия как продолжение белой мировой революции. Концепция О. Шпенглера // Русская политология. 2019. № 3 (12). С. 97–102.
- 4 См.: В Европе демонстранты протестуют против жестких коронавирусных ограничений. 25 января 2021. URL: <https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/news/2021-01-25/400473-v-evrope-demonstranty-protestuyut-protiv-zhestkih-koronavirusnyh-ogranicheniy> (дата обращения: 07.02.2021); Страны ЕС одна за другой протестуют

- против карантинных мер. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2508760/> (дата обращения: 08.02.2021).
- ⁵ См.: *Самохвалов Н. А.* Концептуальный анализ системы социально-политических взглядов молодежи России на современном этапе // Актуальные проблемы современности : наука и общество. 2017. № 4 (17). С. 19–26.
- ⁶ См.: *Кудряшов К. В., Понделков А. В., Стельмах С. А.* Девальвация прав человека в современных странах Запада // Наука и образование : хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 136–138 ; *Овчинский В.* Американский протест – 2020. Попытка объективно разобраться. URL: https://zavtra.ru/blogs/amerikanskij_protest_-_2020 (дата обращения: 02.02.2021).
- ⁷ См.: *Солонников Д.* «Всё пошло не так» : ради чего протестуют в России и что будет дальше. 1 февраля 2021. URL: https://www.dp.ru/a/2021/02/01/Povod_ne_prichina (дата обращения: 06.02.2021).

Поступила в редакцию 10.02.2021, после рецензирования 17.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
Received 10.02.2021, revised 17.02.2021, accepted 24.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 190–195

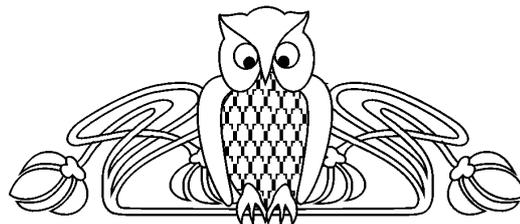
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 190–195

Научная статья

УДК 327.2

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

Пространство и граница России в ценностном измерении

В. К. Белозёров

¹Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, строение 1

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Белозёров Василий Клавдиевич, ¹доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии; ²ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов»; член научного совета при Совете Безопасности РФ, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Аннотация. В статье раскрывается понимание пространства и государственной границы как национальной ценности России. В результате исторического развития, в связи с наличием постоянной угрозы стране и мобилизацией ресурсов для ее защиты, у граждан России сформировалось устойчивое оборонное сознание и понимание границы как сакральной ценности. Ставится вопрос о дальнейшем осмыслении проблемы.

Ключевые слова: Россия, пространство, родная земля, граница, оборона страны, защита границ, ценности

Для цитирования: Белозёров В. К. Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 190–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

Russia's space and border in the value dimension

V. K. Belozerov

Moscow State Linguistic University, 38, build.1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Vasily K. Belozerov, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Abstract. The article reveals the understanding of space and the state border as a national value of Russia. As a result of historical development, due to the presence of a constant threat to the country and the resource mobilization for its protection, the citizens of Russia have formed a sustainable defense consciousness and understanding of the border as a sacred value. The article raises the question of further understanding of the problem.

Keywords: Russia, space, native land, border, national defense, border security, values

For citation: Belozerov V. K. Russia's space and border in the value dimension. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 190–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-190-195>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Политические события и процессы последних лет обусловили возникновение ряда теоретических вопросов, связанных с диагностикой происходящего и его прогнозированием. Так, возникла необходимость политологического осмысления пространства и ренессанса государственных границ в современном мире, которые в эпоху глобализации, как многие полагали, должны были исчезнуть или размыться. Вместе с тем еще до наступления пандемии, борьба с распространением которой сразу же заставила вспомнить о традиционных функциях границ, между

странами стали возводиться барьеры в виде экономических и политических санкций против отдельных персон, групп и целых государств, начали ограничиваться контакты между странами и международными организациями.

В России осмысление пространства и государственной границы имеет свои отличия. Их понимание представляется весьма полезным как для российского, так и для зарубежного научного и экспертного сообщества, лиц и институтов, готовящих и принимающих решения. В этой связи целесообразно осветить

некоторые сюжеты, связанные с пониманием в российском общественно-политическом и научном дискурсе занимаемого страной пространства и его границ.

Политическая аксиология Русской земли

О географических характеристиках России хорошо известно. В ходе исторического развития сложилось так, что ее пространственные (т. е. фактически утилитарные) показатели, географическое расположение стали чрезвычайно весомыми константными факторами, определившими развитие политического сознания, содержание внутренней и внешней политики государства и организацию обороны страны. Причем восприятие просторов страны, пространства в контексте понимания их защиты или же использования для защиты характеризуется существенной амбивалентностью. Так, при оценке «оборонительных» качеств российских пространств периодически возникало и его восприятие, расхолаживающее общественность и представителей руководства страны. Даже в 20-е гг. XX в. среди части политической и военной элиты Советской России имело место распространение мнения о том, что огромные размеры территории уже сами по себе обеспечивают защиту страны, т. е. позволяют ограничивать выделяемые для этого усилия и ресурсы. Известный отечественный военный теоретик А. А. Свечин вполне обоснованно характеризовал подобные оценки как «опасные иллюзии» и считал неуместными и вредными для безопасности страны какие-либо «упования на географию», отмечая при этом, что «наши пространства заставляют нас разбрасывать нашу энергию и способность к организации, затрудняют сбор сил для отпора»¹.

Для установления оценки места в политической жизни и массовом сознании России родной земли (казалось бы, утилитарного образования) представляется целесообразным представить ретроспективный – пусть и дискретный – обзор исторического развития страны с учетом изменения ее пространственных показателей и с учетом опыта ее обороны.

В этой связи заслуживает особого внимания то обстоятельство, что содержательно в понятие Родины, Отечества в нашей стране испокон веков входили семья, войско, государство, материальные и нематериальные феномены, образовавшие в своей совокупности органичные и взаимодополняющие компоненты единого целого. Именно такая традиция понимания Родины идет в нашей стране из глубины веков. Как установил в ходе проведенных исследований академик Д. С. Лихачев, издревле под Русской землей принято было понимать не только Русскую страну, но и русский народ и русское войско².

Кроме того, с начала зарождения русской государственности даже в условиях острых со-

циальных противоречий и феодальной раздробленности в обществе была сильна идея защиты родной земли и сохранения ее единства. Так, автор древнерусского эпоса «Слово о полку Игореве», воспринимая Русь как целостное и единое образование и с болью переживая междуусобицы, прямо указывает на опасные последствия для страны распрей среди князей: «Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: “Это мое, и то мое же”. ... А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». В условиях же постоянной угрозы нашествий извне население Руси ожидало от руководителей создания условий для безопасной и благополучной жизни. В древнерусском произведении содержится прямой упрек князьям, указание на их ответственность и на разрушительные последствия раздоров: «Вы же своими распрями побуждали поганых нападать на землю Русскую...».

Даже ознакомительное изучение отечественной истории показывает, что иноземные нашествия грозили не просто завоеванием, утратой независимости, людскими и материальными потерями, но нередко ставили под вопрос само существование страны. Интересы недопущения и отпора агрессии требовали консолидации народа и имеющихся ресурсов, что понимали и простые люди. Здесь характерно то, что в условиях постоянной угрозы нападения извне в России понятие «свобода» приобрело иное содержательное наполнение, нежели на Западе. Свобода по своему смыслу стала означать для русского человека не отсутствие деспотизма власти по отношению к отдельной личности, а отсутствие в стране иностранных завоевателей. Такой результат был достигнут и в итоге целенаправленных усилий государства, церкви, общественных институтов. Массовое сознание в России стало ориентироваться на сильную государственную власть, в обществе сформировались и закрепились патерналистские установки. Обеспечение безопасности, защиту от военных и иных угроз население связывало прежде всего с государством. Характерно, что отечественный историк Н. И. Костомаров в качестве главной черты русской души выделял ее стремление «к воплощению государственного тела»³. Поведенческие установки населения, связанные с ориентацией на сильную центральную власть, закреплённые в исторической памяти народа и воспроизводящиеся в массовом сознании, при всей амбивалентности этих установок не раз оказывались востребованными, обеспечивая единство страны.

В итоге одним из высших смыслов российской ментальности стала ответственность за обладание огромным пространством, за его обустройство, сохранение единства и стабильности, обеспечение безопасности. Следует при этом отметить, что способностью создавать в трудный для Родины час по инициативе самих граждан, без указки сверху, ополчения и парти-

занские формирования, как показывает история, обладают далеко не все народы.

Характерно также, что российским народом именно Запад традиционно воспринимался как источник враждебности и постоянной опасности, откуда приходили завоеватели и разрушительные войны. Нашествия влекли за собой не просто смену правителей, а угрожали существованию страны как таковому. Причем в сознании народа и элиты отложилось то, что направленные против России действия исходили не со стороны отдельной конкретной страны, а со стороны коллективного, объединенного Запада. Примечательно в этой связи, что в романе-эпопее «Война и мир» Л. Н. Толстой представляет и подготовку нашего нашествия («усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы»), и само вторжение 1812 г. не как агрессию со стороны исключительно Франции, а именно как действия совокупной военной силы европейских стран: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России...»⁴. Названными обстоятельствами можно объяснить и то, что войны, которые вела Россия за свое выживание в 1812 г. и в 1941–1945 гг., стали называться отечественными. Причем массовое сознание воспринимает в указанном качестве не все войны, которые вела Россия, а только названные.

Изложенные обстоятельства обуславливают необходимость оценки с определенной точки зрения роли института государства в России. Как известно, если на Западе в условиях социально-политического кризиса происходило обрушение правительственных структур, то государственность восстанавливалась и сохранялась благодаря институтам гражданского общества. В России такие условия в ходе ее развития не сложились. Поэтому если в нашей стране происходило свержение центральной власти, то наступали хаос, лилась кровь, возникала угроза самому существованию нации, страна оказывалась в состоянии национальной катастрофы. Смута на рубеже XVI–XVII вв., эпоха революций и Гражданской войны в начале XX в., распад Советского Союза – впечатляющее и наглядное тому подтверждение. Один из практических выводов, которые можно сделать из осмысления названных событий, состоит в том, что для захвата власти в России и установления контроля над ней достаточным оказывалось свержение центрального правительства.

Названное обстоятельство в достаточной мере осознано и противниками нашей страны. Даже самый поверхностный обзор позволяет уяснить, что приоритетным объектом деструктивного воздействия на Россию извне часто выступает ее государственное устройство, конкретные политические институты. Как показывает многовековой опыт развития страны, угроза ее существованию в качестве целостного, централизованного и самостоятельного государственного образования имела место практически на

протяжении всей ее истории. По заключению российского философа А. С. Панарина, «опыт всех смутных эпох в России доказал, с какой готовностью извечные ее оппоненты пользуются ослаблением Российского государства и питающей его духовной традиции»⁵. Подтверждением вероятности ослабить или разложить российскую государственность изнутри может служить и вывод прусского философа войны Карла фон Клаузевица, который после участия в Отечественной войне 1812 г. пришел к убеждению в том, что «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров»⁶. Ставку на раскол народа нашей страны, как известно, делал Гитлер, принимая решение о нападении на Советский Союз. Как Наполеон, так и Гитлер в пропагандистских целях и для введения противника в заблуждение прикрывали свои завоевательные замыслы заявлениями о намерении освободить Россию от царизма, крепостного права, большевизма и т. д. Технология разлагающего воздействия на Россию в настоящее время принципиально не изменилась: основная ставка по-прежнему делается на разложение духовных основ нации, дискредитацию и делегитимацию государственных институтов.

Причем обострение геополитической борьбы в тот или иной исторический период, равно как и в настоящее время, сопровождается обвинениями России в агрессивности, в имперских амбициях, провокационном поведении по отношению к своим соседям и т. д.⁷. Вместе с тем для многих представителей зарубежного научного сообщества, политической и военной элиты осталось практически незамеченным изменение восприятия Россией происходящих в мире процессов, изменение ее политики в сфере обороны и безопасности. Лишь немногие за рубежом сумели осознать то, что наша страна никогда более не допустит войны на своей территории⁸. Происшедшие в государственной политике изменения соотносятся с исторической памятью россиян, в структуре которой сформировались стереотипы, характеризующиеся настороженным отношением к Западу и к его военно-силовой политике. Соответствующие установки содержатся и в официальных документах нашей страны. Так, в Военной доктрине Российской Федерации в качестве внешней опасности определено «наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока»⁹. Отсюда вполне объяснимо и то, что, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, оборона страны поставлена на

первое место в перечне стратегических национальных приоритетов.

Ценностные смыслы государственной границы России

С учетом восприятия занимаемого пространства и окружающих территорий, сложившейся картины мира, многовекового опыта защиты страны и применения военной силы для противостояния недругам государственная граница в отечественной традиции стала восприниматься не просто как линия на местности, отделяющая территорию России от других стран, а фактически как оборонительный и неприкосновенный рубеж, проходящий по разделу «свой – чужой» и отделяющий добро и зло. Есть основания утверждать, что государственная граница России выступает практически как цивилизационный феномен.

Охрана и защита границы со временем приобрели в народном сознании чувственное и символическое звучание, стали одним из популярных сюжетов для национального искусства. Усилия по защите границы воспеваются в древнерусских литературных памятниках, повестях, былинах и летописях. На знаменитой не только в России, но и далеко за ее пределами картине В. М. Васнецова «Богатыри», написанной в 1898 г., достоверно передана тревожная напряженность богатырской заставы, бдительно охраняющей родные рубежи и ожидающей нападения.

Сами протяженные границы Московского царства, Российской империи формировались, получали начертание с учетом и по результатам многовекового опыта отражения агрессора и необходимости ликвидации источника опасности. В том числе и поэтому длительное время страна расширялась на Восток, пока не достигла Тихого океана. Выражение же «естественная граница» применительно к России означает не только природно-географическое пространство, окаймленное непреодолимыми для внешнего противника препятствиями, но и указание на то, что занимаемая территория ей принадлежит по праву, поскольку защита и освоение этой территории в течение длительного времени стоили огромных народных усилий и жертв, материальных и иных ресурсов.

Исторически же сложилось так, что значительных усилий требовали обустройство и защита именно западных рубежей страны. Весьма точно охарактеризовал эту специфику отечественный военный мыслитель А. Е. Снесарев: «Длинная граница – это просторные ворота для энергичного и смелого народа, но сложный и нервный лабиринт для малодушного и обороняющегося. Наша западная граница представляет для нас исключительный оперативный простор, допускает большой размах

для инициативы и действий, но их же она дает и врагу, сверх того, она дорога, сложна и требует исключительных организационных работ и больших издержек»¹⁰.

Трепетное отношение к государственной границе, болезненное и нервное восприятие обществом и властью посягательств на нее, перспективы обострения обстановки близ нее нашли свое отражение не только в массовом сознании страны, но и в официальном дискурсе. Весьма примечательно и даже, пожалуй, удивительно то, что ценность границы в советский – официально атеистический – период стала характеризоваться посредством использования понятий фактически религиозной и сакральной коннотации, примененных для обозначения непримиримого политического разделения социализма и капитализма. В годы существования Советского Союза в стране зародилась и получила повсеместное признание максима «Государственная граница – священна и неприкосновенна»¹¹, активно используемая и поныне в повседневном российском лексиконе и отраженная в произведениях искусства.

Фактически те же смыслы о значимости охраны границы для безопасности страны сохранились и в государственных и партийных документах. Так, в приветствии Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР советским пограничникам 27 мая 1978 г. было констатировано: «...пограничные войска надежно охраняют и защищают священные рубежи Союза ССР, обеспечивают их неприкосновенность и нерушимость»¹². В результате защита границы в нашей стране в известном смысле стала восприниматься как дело всего народа. Как образно выразился уже в постсоветское время бывший директор Федеральной пограничной службы России генерал А. И. Николаев в отношении своих сограждан, «все мы пограничники»¹³.

Практика показывает, что отношение к защите занимаемого пространства и к обеспечению неприкосновенности границ, характеризующееся личной ответственностью и причастностью граждан, только усиливается в России в результате поступающих к ней от других стран предложений, инициатив, выдвигаемых требований открыть доступ к ее природным богатствам, к запасам пресной воды, предоставить свободный проход по Северному морскому пути и т. д. Подобные намерения и замыслы воспринимаются в российском обществе как посягательство на национальный суверенитет. Реагирование государственных институтов на такие посягательства извне встречает поддержку граждан и выступает как дополнительный фактор легитимности власти.

Важным свидетельством того, что в нашей стране функциональность государственной границы является объектом пристального внимания со стороны не только общественности и по-

литической элиты, но и научного сообщества, следует считать и активизацию в последние годы профильных исследований, в том числе комплексного, междисциплинарного характера¹⁴. Весьма примечательно в этой связи то, что в рамках концептуализации пограничной деятельности подготовлен и издан ряд трудов, в которых обосновывается правомерность, необходимость и возможность создания интегральной науки погранологии¹⁵. Указанное понятие для обозначения определенной системы знаний было введено в научный оборот практически сразу же после распада Советского Союза, в 1993 г. Инициаторы разработки и сторонники этой научной дисциплины заявляют о создании научной школы и полагают, что в сферу ее компетенции входит изучение характера, законов и закономерностей пограничной деятельности в собственном и в широком смысле, совокупности действий, взаимодействий и отношений по обеспечению и защите интересов личности, общества и государства в пограничных пространствах государств¹⁶. Относительно недавно в России появились и исследования по погранометрике. Новая научная дисциплина, как полагают ее разработчики, призвана изучать процессы обеспечения пограничной безопасности государств посредством использования математических методов и моделей¹⁷.

Признавая факт активизации проведения в нашей стране исследований, направленных на концептуализацию пограничной деятельности, и одновременно воздерживаясь от развернутых оценок относительно целесообразности дальнейшей институционализации указанной сферы научного знания, следует вместе с тем констатировать, что аксиологии российской границы, ее духовно-ценностным смыслом в именуемых работах уделяется все еще недостаточно внимания. Между тем, как обоснованно отмечал А. Е. Снесарев, «анализ границы в научном отношении должен поднести читателю полную и исчерпывающую, притом глубоко современную картину смысла и значения рассмотренной границы»¹⁸. По прошествии практически века можно констатировать, что такой анализ в полном и завершенном виде в настоящее время все еще не представлен.

В морфологии же границ можно выделить природно-ландшафтные, культурные, экономические, политические и иные детерминанты и компоненты. В России понятие «политические границы» ввел, по всей видимости, известный военный теоретик первой половины XIX в. П. А. Языков, связывая их рассмотрение с военно-стратегическими соображениями¹⁹. Сочетание и соотношение с учетом их веса и значимости каждого из указанных выше компонентов морфологии границы у конкретного государства отличается. К тому же каждое государство в понимании и определении своих границ на том или ином этапе своей истории встает перед выбором

предпочтений или же оказывается в ситуации поиска компромисса. Объясняя особенности понимания границ в различных странах и размышляя об «идее границы», «идеологии границы», «инстинкте границы», «научно обоснованном чувстве ответственности за границу», известный немецкий геополитик Отто Мауль почти сто лет назад отмечал: «Насколько государственная идея находится в обоюдной зависимости от ее политической жизненной формы, настолько идея границы должна быть подчинена требованиям и витальному натиску всего политического организма. Вот почему идея границы разнится от государства к государству»²⁰. В любом случае ясно, что политические и духовные смыслы государственной границы России нуждаются в дальнейшем научном осмыслении.

В завершение изложенного необходимо отметить следующее.

Восприятие нациями своих пространств и границ складывается по-разному. Такое восприятие находится в прямой взаимосвязи с идентичностью нации, со сложившейся у нее картиной мира, с ее стратегической культурой. Отношение же россиян к занимаемому их страной пространству, его обережению и его границам имеет длительный генезис и является весьма специфичным. Названное обстоятельство подвергается постоянному теоретическому осмыслению, в рамках которого появляются новые приоритеты.

Немаловажно и то, что понимание специфики восприятия разными нациями пространств и границ способствует налаживанию коммуникации между ними, снижению конфликтности в международных отношениях. Такое взаимопонимание весьма важно в условиях, когда в мире вновь предпринимаются попытки возведения новых барьеров и разделительных линий, демонизации политических оппонентов и создания образа врага.

Примечания

- ¹ Свечин А. А. Опасные иллюзии // Постигание военного искусства : Идейное наследие А. Свечина / сост. А. Е. Савинкин, А. Г. Кавтарадзе, Ю. Т. Белов, Н. В. Домнин. М. : Военный университет, Русский путь, 1999. С. 274. (Русский военный сборник. Вып. 15).
- ² См.: Лихачев Д. С. Золотое слово русской литературы // Слово о полку Игореве / вступ. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева. М. : Художественная литература, 1987. С. 3.
- ³ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Мысль, 1993. С. 273.
- ⁴ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, 4 / примеч. Л. Д. Опульской. М. : Художественная литература, 1983. С. 7.
- ⁵ Панарин А. С. Завещание трагического романтика // Москва. 2001. № 7. С. 27.
- ⁶ Клаузевиц К. О войне. М. : Госвоениздат, 1936. С. 414. Следует при этом отметить, что в оригинальной цитате

- речь идет не просто о России, а именно о ее государственном устройстве, о Российской империи: „Das russische Reich ist kein Land...“ (Clausewitz C. von. Vom Kriege. Achtzehnte Auflage. Bonn : Ferd. Dümmlers Verlag, 1973. S. 1024).
- ⁷ См., например: *Krone-Schmalz G.* Eiszeit. Wie Russland dämonisiert wird und warum das so gefährlich ist. München : Verlag C. H. Beck, 2017.
- ⁸ К такому заключению пришел, например, немецкий исследователь Зигфрид Лауч. См.: *Lautsch, S.* Die Sicherheitspolitik der Russischen Föderation und die Neuorientierung ihrer Streitkräfte // *Österreichische militärische Zeitschrift*. 2018. № 1. S. 42.
- ⁹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // *Российская газета*. 2014. 30 дек.
- ¹⁰ *Снесарев А. Е.* Введение в военную географию. Письма из Индии и Средней Азии. М. : Центриздат, 2006. С. 391.
- ¹¹ См., например: *Иванов В. С.* Граница Родины. М. : Педагогика, 1987. С. 4.
- ¹² Правда. 1978. 27 мая.
- ¹³ См.: *Николаев А. И.* Оборона России. М. : Гралия, 2003. С. 303–312.
- ¹⁴ См., например: Введение в исследования границ / под ред. С. В. Севастьянова, Ю. Лайне, А. А. Киреева. Владивосток : Дальнаука, 2016.
- ¹⁵ См. Погранология : методология и методика научных исследований / Анцупов А. Я. [и др.] ; Международная Акад. Информатизации, Отд-ние погранологии, Пограничная акад. ФСБ России. М. : Отд-ние погранологии МАИ : Пограничная акад. ФСБ России, 2006.
- ¹⁶ См.: *Дмитриев В. А., Тынянова О. Н.* О концептуализации пограничной деятельности и научной школе погранологии // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2013. Т. 3, вып. 1. Спец. вып. «Пространство и время границ». URL: <http://www.j-spracetime.com/actual%20content/t3v1/3101.php> (дата обращения: 01.02.2021).
- ¹⁷ См.: *Шумов В. В.* Введение в общую погранометрику. М. : URSS, 2016.
- ¹⁸ *Снесарев А. Е.* Указ. соч. С. 394.
- ¹⁹ См.: *Языков П. А.* Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначаемых. Санкт-Петербург : Тип. А. Воейкова и К^о, 1838. С. 67–72.
- ²⁰ *Mauil O.* Politische Grenzen. Berlin : Zentralverlag GMBH, 1928. S. 103.

Поступила в редакцию 05.02.2021, после рецензирования 15.02.2021, принята к публикации 20.02.2021
Received 05.02.2021, revised 15.02.2021, accepted 20.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 196–202

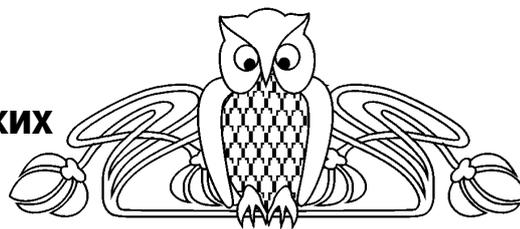
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 196–202

Научная статья

УДК 327-057.54

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-196-202>

Внешиполитическая экспертиза: поливариантность исследовательских подходов в политической науке

О. В. Онопко

Донецкий национальный университет, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, onopko.oleg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>

Аннотация. В статье проанализированы основные теоретико-методологические подходы, которые применяются в российской и мировой политической науке для исследования внешнеполитической экспертизы и связанных с ней проблем. Установлено, что таковыми являются условный «процедурный», институциональный, системный и сетевой подходы. С точки зрения первого, внешнеполитическая экспертиза – это особая деятельность или процедура, которую выполняют субъекты, обладающие специальными знаниями и статусом. Институциональный подход сфокусирован на конкретных экспертных организациях (преимущественно аналитических центрах), работающих в сфере внешней политики и международных отношений. Он эффективен при исследовании особенностей их организации и функционирования, истории и текущей практики. Системный подход присущ, прежде всего, российским научным работам, посвященным внешнеполитической экспертизе. При этом первыми с данной целью его стали использовать отечественные историки. Сетевая методология используется, главным образом, для изучения экспертного сообщества как комплекса разноразмерных субъектов, участвующих в оценке и выработке тех или иных внешнеполитических решений. Несмотря на то, что данные подходы дают относительно целостное представление о внешнеполитической экспертизе, остаются связанные с ней проблемные области, которые на сегодняшний день так и не стали объектом политологической теоретизации.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, аналитические центры, институционализм, системный подход, сетевая методология

Для цитирования: Онопко О. В. Внешнеполитическая экспертиза: поливариантность исследовательских подходов в политической науке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 196–202. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-196-202>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-196-202>

Foreign policy expertise: Polyvariety of research approaches in political science

О. В. Онопко

Donetsk National University, 24 Universitetskaya St., Donetsk 283001

Oleg V. Onopko, onopko.oleg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5569-8256>

Abstract. The main theoretical and methodological approaches that are used in Russian and world political science to study foreign policy expertise and related problems are analyzed in the article. The author concludes that there are so called “procedural”, institutional, system, and network approaches. From the point of view of the first one, foreign policy expertise is a special activity or procedure that is carried out by subjects with special knowledge and status. The institutional approach focuses on particular expert organizations (mostly think tanks) that work in the field of foreign policy and international relations. It is effective in exploring the features of their organizational structure and functioning, history, and current practice. The system approach is inherent primarily in Russian scholarly works on foreign policy expertise. Historians were the first to use it for this purpose. The network methodology is mostly used to study the expert community as a complex of multi-level subjects participating in the assessment and making of foreign policy decisions. Despite the fact that these approaches give a relatively holistic view on foreign policy expertise, there still are problem areas associated with it, which have not yet become the object of theorizing within political science.

Keywords: foreign policy expertise, think tanks, institutionalism, system approach, network methodology

For citation: Onopko O. V. Foreign policy expertise: Polyvariety of research approaches in political science. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 196–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-196-202>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Устойчивый рост влияния на политическую сферу жизни общества информационных технологий, усложнение коммуникационных процессов, увеличение плотности информационного пространства и времени, а также многие другие факторы затрудняют восприятие мировой политики для большинства людей. Всё это повышает ценность экспертного знания, обуславливает исключительное значение экспертов-политологов и внешнеполитической экспертизы как таковой в системе политической коммуникации. Эксперты и институты, с которыми они аффилированы, чьи интересы представляют или в которых работают, выполняют всё больше публичных функций, выступая в качестве «фильтров» и интерпретаторов политической действительности. «Разъясняя» массу сущности происходящих международно-политических процессов, эксперты выбирают из потоков информации те сведения, которые, на их взгляд, максимально близки к «истинной» или необходимой заказчикам картине мира, после чего ретранслируют её, участвуя в различных публичных коммуникативных актах (форумах, конференциях, интервью и выступлениях в СМИ, интернет-стримах и т. п.). В условиях гибридных конфликтов эксперты-политологи часто становятся участниками информационных противоборств между государствами, являясь пропагандистами и включаясь в кампании по легитимации внешнеполитического курса своего государства или дискредитации противника.

Вместе с тем внешнеполитическая экспертиза по-прежнему остаётся ценным источником высококвалифицированных оценок и рекомендаций, необходимых для эффективной выработки, принятия и реализации политических решений на международном уровне. Государственные, некоммерческие и частные аналитические центры, специализирующиеся на изучении конкретных направлений внешней политики, вопросов международной экономики и трансграничного сотрудничества, международной и национальной безопасности, безопасности отдельных стран и регионов, неизменно оказывают ощутимое влияние на действия органов государственной власти и должностных лиц в международной среде. Такие организации, как RAND или Stratfor в США, РСМД и СВОП в России, IISS в Великобритании или IRIS во Франции, сохраняют, а часто и умножают влияние на внешнюю политику своих государств и на мировую политику в целом. Всё это актуализирует политологическое изучение внешнеполитической экспертизы.

В мировой и российской политологии изучение политической экспертно-аналитической деятельности уже достаточно давно стало вполне самостоятельным научным направлением. В частности, в рамках него получили распространение исследования практики экспертных организаций и сообществ, специализирующихся на сфере внешней политики и международных

отношений. Среди зарубежных авторов, в чьих публикациях в той или иной степени затрагиваются проблемы внешнеполитической экспертизы, следует отметить Д. Абельсона, Р. Хигготта, Д. Стоуна, Х. Ляо, Дж. МакГэнна, А. Дэнхама, И. Пармар, Г. Вярда и др. В своих работах они, как правило, фокусируются на изучении отдельных аналитических центров и экспертных сетевых сообществ, а также на их возможностях влиять на внешнюю политику государств. В российской политической науке внешнеполитическая экспертиза активно изучается с начала 1990-х гг., а ведущими научными школами в этом направлении являются Центр международных исследований МГИМО, начавший разработку данной тематики, ещё будучи Проблемной научно-исследовательской лабораторией системного анализа под руководством М. Хрусталёва, и Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, где исследования в данной сфере проводятся под руководством О. Колобова¹. Среди отечественных учёных исследовательский интерес к внешнеполитической экспертизе проявляли Н. Беляева, Е. Егорова, Д. Зайцев, Д. Иванов, И. Истомин, Е. Казакова, А. Макарычев и многие другие. Каждый из них фокусировался на своём аспекте данной проблемы: от когнитивной специфики внешнеполитической экспертной деятельности – до системных оснований аналитического сопровождения курса государства в международной среде. Вместе с тем ни в отечественной, ни в зарубежной политической науке до сих пор так и не были обобщены и систематизированы основные подходы, используемые учёными для анализа внешнеполитической экспертизы.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель определить спектр используемых в политологии теоретико-методологических подходов, с помощью которых осуществляется изучение внешнеполитической экспертизы.

Сам термин «внешнеполитическая экспертиза» характерен, прежде всего, для российской и – шире – постсоветской политологии. Категория, которая бы соответствовала ему по смыслу, в иностранных исследованиях во время подготовки настоящей работы обнаружена не была. В них речь идёт преимущественно об экспертах, экспертно-аналитическом сопровождении внешней политики, аналитических центрах и экспертном сообществе в сфере внешней политики и международных отношений. На сегодняшний день в политической науке нет какого-либо одного доминирующего теоретико-методологического подхода к изучению внешнеполитической экспертизы. Вместе с тем можно выделить ряд наиболее распространённых.

В рамках условного «*процедурного*» подхода внешнеполитическая экспертиза рассматривается как особый вид деятельности – опрос высококвалифицированных специалистов в об-

ласти внешней политики и международных отношений по проблемам, интересующим того или иного заказчика. Целью такого опроса является получение «вторичной информации» – экспертных оценок и рекомендаций относительного какого-либо объекта. Как отмечал в своей классической для отечественной политологии книге «Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии» М. Хрусталёв, объектом политической экспертизы может являться «существующая политическая ситуация или один из её аспектов, так как она в подавляющем большинстве случаев является одной из стадий процесса подготовки политического решения. В отличие от содержательного исследования она проводится в сжатые сроки и по чётко определённой её организаторами тематике»². В близком ключе внешнеполитическую экспертизу рассматривает Ф. Войтоловский. В тезисах своего доклада на заседании Учёного совета ИМЭМО РАН 13 апреля 2016 г. он определяет её как «тип аналитической деятельности, направленный на получение и практическое применение оценок и интерпретаций текущих ситуации, событий, действий других субъектов международных отношений с целью выработки рекомендаций в области возможных стратегии и тактики практических действий»³.

Внешнеполитическая экспертиза – важнейший механизм аналитического сопровождения процесса выработки, принятия и реализации политических решений, а полученные в результате неё экспертные оценки служат основанием для корректирования акторами внешней политики своего курса или создания альтернативных его вариантов⁴. В исследованиях, выполненных в рамках «процедурного» подхода, учёные (например, Д. Беспалов⁵, Е. Егорова⁶ и др.) вполне закономерно фокусируют своё внимание на различных факторах, связанных с субъектом внешнеполитической экспертизы – экспертом-политологом и самой экспертной деятельностью. В частности, М. Хрусталёв указывал, что факторами, определяющими, может ли тот или иной специалист считаться экспертом или нет, являются «компетентность, профессиональный опыт, интеллект и характер»⁷. При этом, в зависимости от того, в какой именно сфере компетентен эксперт, его можно характеризовать либо как специалиста по внутренней политике, либо как международного. Последние, в свою очередь, подразделялись М. Хрусталёвым на проблемников, страноведов, регионалистов и глобалистов⁸. В частности, предметом профессионального интереса и компетенции экспертов-проблемников могут быть отдельные вопросы международной или внешней политики; страноведов – вопросы двусторонних отношений с другими государствами, а также их внутренняя политика; регионоведов – международно-политические процессы, имеющие место в различных частях

планеты; глобалистов – глобализация и глобальные проблемы человечества.

В рамках *институционального подхода* основное внимание уделяется отдельным центрам, специализирующимся на экспертно-аналитической деятельности в сфере международных отношений и внешней политики. Изучаются их опыт экспертизы, особенности их организации и функционирования, формальные и неформальные каналы их взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, специфика включённости в процесс выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. Можно выделить следующие общие черты, характерные для значительной части институциональных исследований внешнеполитической экспертизы: занимающиеся ею аналитические центры рассматриваются как политические образования/организации⁹, влияющие на артикуляцию и выражение в политике различных индивидуальных и коллективных интересов; они – полноправные действующие лица политических процессов (при этом время от времени делается акцент на каком-то их «исключительном» влиянии на внешнюю и оборонную политику государств¹⁰); их основная миссия – предоставление экспертных оценок и «обеспечение акторов знанием возможных выгодных стратегий»¹¹.

Специфика институционального подхода обуславливает его большую популярность среди исследователей, а также распространённость в их работах метода *case-study*, позволяющего изучать отдельно взятые организации и их текущую практику. Как правило, в фокусе внимания научных работ, выполненных в рамках институционального подхода, находятся история аналитических центров (например, об этом писали Д. Богуш¹², И. Пармар¹³, В. Солодкий¹⁴, В. Чикальдина¹⁵), национальная и региональная специфика их работы (Д. Абельсон¹⁶, К. Вода¹⁷, Д. Данилин¹⁸, К. Ляо¹⁹, А. Полячков²⁰, Н. Федулова²¹), идеологические особенности (В. Волков, Д. Иванов²², П. Дж. Жакс²³, Ф. Мендес²⁴), связи со структурами публичной политики (Н. Беляева²⁵, Д. Зайцев²⁶, А. Сунгуров²⁷) и проч.

Примечательно, что именно институциональные исследования внешнеполитической экспертизы представляют, вероятно, самый значительный пласт работ в этой сфере в политической науке Украины. При этом фокус внимания украинских учёных направлен практически исключительно на американские экспертные институты, особенности их организации и деятельности, а также возможности внедрения позитивных элементов их опыта в собственную национальную практику. Ключевыми украинскими авторами, специализирующихся на американской внешнеполитической экспертизе, являются В. Головченко и Н. Ржевская, исследования которых затрагивают проблемы принятия политиче-

ских решений²⁸ и стратегического прогнозирования²⁹ во внешней политике США.

В рамках *системного подхода* внешнеполитическая экспертиза рассматривается как комплекс институтов, участвующих в анализе и оценивании решений в сфере внешней политики и международных отношений. То есть исследовательский фокус в данном случае смещается с персоны эксперта, условий, методов и принципов его работы, а также различных отдельных аналитических центров на экспертное сообщество в целом, его организационную структуру и способности влиять на внешнеполитический курс государства. В широком смысле компонентами системы внешнеполитической экспертизы могут считаться независимые (частные или некоммерческие) экспертные организации, академические и научно-исследовательские структуры, специальные учреждения и подразделения органов государственной власти, а также широкий спектр связей, существующих между всеми ними. В рамках системы экспертные институты объединяет общая миссия, заключающаяся в оценке международно-политической действительности и предоставлении рекомендаций акторам политики, которые на их основании формируют внешнеполитические стратегии и принимают соответствующие решения для их реализации на практике. Кроме того, как отмечает А. Беляева, «экспертно-аналитические сообщества фактически представляют собой мост между обществом и правительством, делая процесс принятия политических решений публичным и более легитимным»³⁰.

В отечественной политической науке на сегодняшний день есть лишь одно исследование истории российской системы внешнеполитической экспертизы и её взаимодействия с органами государственной власти, формирующими и реализующими внешнюю политику. На основании анализа исторической динамики развития отечественной внешнеполитической экспертизы его автор А. Еленский приходит к выводу о «подавляющем превосходстве» экспертизы, осуществляемой «профессионалами на службе у государства»³¹. Он выявляет тенденцию периодической инкорпорации сколь-либо значимых независимых экспертных структур в систему государственной внешнеполитической экспертизы, характерную, по его мнению, и для эпохи Петра Великого, и для ранней советской власти, и для Российской Федерации. Анализ современного состояния системы российской внешнеполитической экспертизы в 2020 г. проведён учёными, представляющими Дипломатическую академию МИД России, А. Варфоломеевым, О. Ивановым, И. Сурмой и Ю. Трефиловой³². Хотя изначально они и исходят из процедурного понимания экспертизы как специфической деятельности, в дальнейшем эти исследователи дают оценку подходам к функционированию системы внешнеполитической экспертизы в целом. Они вы-

двигают инновационные предложения по её совершенствованию – в частности, путём создания виртуальных когнитивных центров в сфере анализа международных отношений и внешней политики.

Системный подход используется в современных российских политологических и исторических исследованиях зарубежной внешнеполитической экспертизы (например, работы И. Истомина³³). Основное внимание в них уделяется тому, как она организована и функционирует в США. Самые первые и определяющие дальнейший вектор изучения проблемы исследования в этой области были проведены А. Макарычевым, чьи работы на сегодняшний день являются единственными комплексными научными трудами, анализирующими экспертно-аналитическое обеспечение американской внешней политики, выполненными с позиций исторической науки. Именно А. Макарычеву принадлежит одно из первых в отечественной науке определений внешнеполитической экспертизы как системы: «Экспертная служба США представляется нам как комплексная система, что предопределено ротацией кадров внутри политико-академического сообщества и большими возможностями достижения консенсуса в практических вопросах, требующих участия оппонировавших друг другу политических платформ. Эта система имеет свое строение, выраженное в виде структуры. Внутри системы внешнеполитического анализа и планирования можно выделить компоненты, элементы, подсистемы, отношения между которыми характеризуются координацией, субординацией и иерархией. Каждый из компонентов системы имеет свои функции, то есть определенную предназначенность в рамках внешнеполитического механизма»³⁴. Кроме того, одним из ключевых выводов учёного является заключение о том, что важнейшей организационной особенностью американской системы внешнеполитической экспертизы выступает взаимная координация деятельности различных аналитических центров, входящих в её состав, будь то неправительственные, академические или государственные «фабрики мысли»³⁵.

В рамках *сетевых подходов* к изучению внешнеполитической экспертизы акцент делается как раз на осознанном и активном взаимодействии различных аналитических институтов, а также отдельных экспертов-политологов, а также отдельных экспертов-политологов. Центральной категорией анализа здесь, как правило, является «экспертное сообщество», а основной фокус исследований направлен на выявление различных общих черт, входящих в него экспертных институтов, тенденций развития, их способностей и каналов влияния на внешнюю политику. При этом, как отмечает Е. Казакова, «в узком смысле экспертное сообщество – это объединение лиц, обладающих специальными знаниями для решения какой-либо задачи. В ши-

роком смысле сообщество представляет собой среду (пространство), в которой генерируются экспертные заключения и идеи по направлениям человеческой деятельности»³⁶ (например, по внешней политике). В первом случае речь идёт о конкретном экспертном институте или менее формальном объединении – проблемной сети (англ. issue network). Именно содействие созданию такого типа сетей, «в которых участвует разнообразный набор политических акторов, которые на разовой основе объединяются вокруг определённого политического вопроса или проблемы»³⁷, по мнению Дж. МакГэнна, создателя Global Go To Think Tanks – международного рейтинга аналитических центров, является одной из их важнейших функций. Во втором же случае перед нами может быть эпистемное сообщество (англ. epistemic community) – «сеть профессионалов с признанным опытом и компетенцией в определённой области и авторитетными претензиями на политически значимые знания в этой области или проблемном вопросе»³⁸.

К исследованиям внешнеполитической экспертизы, выполненным де-факто с позиций сетевого подхода, можно отнести отдельные работы А. Братерского³⁹, И. Истомина⁴⁰, Е. Казаковой⁴¹, Р. Хигготта, Д. Стоуна⁴², Н. Сироты⁴³, А. Тарелина⁴⁴ и др. В целом их объединяет научный интерес к широкому спектру связей, существующих как внутри, так и между различными внешнеполитическими экспертными сообществами; особенностям влияния на выработку внешнеполитического курса государств; нормативным и идеологическим основаниям их функционирования; взаимодействию с политическими институтами, бизнесом, структурами гражданского общества.

На основании проведённого выше анализа теоретико-методологических подходов, используемых в политической науке для изучения внешнеполитической экспертизы, можно сделать следующие выводы.

1. Определение внешнеполитической экспертизы, выработанное с позиций условного «процедурного» подхода (как особого типа деятельности), является базисным для российской политологии. В той или иной форме в дальнейшем именно от него отталкиваются все остальные её научные интерпретации как предмета исследований.

2. Процедурный, институциональный и сетевой подходы к внешнеполитической экспертизе в равной степени характерны как для российской, так и для мировой политической науки.

3. Системное видение внешнеполитической экспертизы – главное отличие её российских исследований. В этом ключе автор подтверждает вывод И. Истомина о том, что западные работы в данной сфере отличаются фрагментарностью и связаны преимущественно с изучением работы отдельных экспертных центров⁴⁵ – привержен-

ностью, главным образом, институциональному подходу.

Безусловно, теоретико-методологические подходы, систематизированные в настоящей статье, не составляют какого-либо исчерпывающего перечня теорий, с помощью которых в современной политической науке изучается внешнеполитическая экспертиза (например, отдельных её аспектов с позиций теории «нового класса» касался в исследованиях Ф. Фишер⁴⁶, с позиций теории гегемонии А. Грамши – М. Макарычева⁴⁷, с позиций различных теорий критического дискурс-анализа – Д. Борозенец⁴⁸ и О. Хвостунова⁴⁹ и т. д.). Вместе с тем именно они способны дать комплексные ответы на ключевые вопросы, которые могут интересовать исследователя в этой сфере: что такое внешнеполитическая экспертиза? каковы её цели? кто и как её проводит? как она связана с процессом выработки, принятия и реализации решений? каково её значение для сферы публичной политики и системы государственной власти? что представляет собой внешнеполитический сектор экспертного сообщества, как он организован и функционирует? и т. д.

При этом всё равно остаются связанные с внешнеполитической экспертизой проблемные области, которые на сегодняшний день так и не стали объектом политологической теоретизации и которые, тем не менее, в ней нуждаются. В первую очередь, это целый блок вопросов, связанных с изучением интеллектуальных продуктов экспертной деятельности, которыми в самом широком смысле являются все оценки и рекомендации в сфере внешней политики и международных отношений, предоставляемые политическим акторам. Именно через них система внешнеполитической экспертизы, внешнеполитический сектор экспертного сообщества, его отдельные институты и индивидуальные члены могут оказывать влияние на характер принимаемых решений, меняя курс государства в международной среде и приобретая статус действующих лиц политики. Специфика интеллектуальных продуктов внешнеполитической экспертизы, а также характер оказываемого ими влияния, по мнению автора, могут быть в дальнейшем эффективно исследованы с помощью синтетических теоретико-методологических подходов, основанных на социальном конструктивизме, критической геополитике, дискурс-анализе.

Примечания

- 1 См.: Варфоломеев А. А., Иванов О. П., Сурма И. В., Трещилова Ю. А. Российская система внешнеполитической экспертизы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 5. С. 266–292. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-266-292>
- 2 Хрусталёв М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: МГИМО-НОФМО, 2008. С. 179.

- ³ Войтоловский Ф. Г. Тенденции развития глобального рынка внешнеполитической экспертизы // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2016/13042016/13042016-TEZ-SC.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).
- ⁴ См.: Истомин И. А. Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 111–127.
- ⁵ См.: Беспалов Д. Н. Публичная экспертиза во взаимосвязях с публичными аспектами внутренней и внешней политики РФ // Электронный научный журнал «Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС». 2017. Вып. 3. С. 27–29. URL: http://services.niu.ranepa.ru/nauka/wp-content/uploads/2017/06/2017_3_z05_Bespalov.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
- ⁶ См.: Егорова Е. М. Когнитивные ловушки для внешнеполитической экспертизы (на примере оценки российскими экспертами конфликта в Южной Осетии 2008 г.) // Пути к миру и безопасности. 2014. № 1 (46). С. 21–36.
- ⁷ Хрусталёв М. А. Указ. соч. С. 186.
- ⁸ Там же. С. 187.
- ⁹ См.: Патрушев С. В. Институционализм в политической науке : этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 149–189.
- ¹⁰ См.: Дергачев В. Американская рэнд корпорэйшн. Крупнейшая в мире «фабрика мысли» в поисках внешних врагов. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=18045 (дата обращения: 21.01.2021).
- ¹¹ Современная политическая наука. Методология / отв. ред. В. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2019. С. 125.
- ¹² См.: Богуш Д. Кратко о RAND Corporation. URL: <http://psyfactor.org/lib/rand.htm> (дата обращения: 21.01.2021).
- ¹³ См.: Parmar I. Think Tanks and Power in Foreign Policy : A Comparative Study of the Role and Influence of the Council on Foreign Relations and the Royal Institute of International Affairs, 1939–1945. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
- ¹⁴ См.: Солодкий В. А. Фонд имени Разумкова как инструмент политики «мягкой силы» Запада на Украине // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 23. С. 53–57.
- ¹⁵ См.: Чикальдина В. С. Брукингский институт и его роль в формировании внешней политики США в XX–XXI вв. // Общество : политика, экономика, право. 2017. № 7. С. 28–31. <https://doi.org/10.24158/pep.2017.7.6>
- ¹⁶ См.: Abelson D. E. A Capitol Idea : Think Tanks and US Foreign Policy. McGill-Queen's University Press, 2006.
- ¹⁷ См.: Вода К. Р. Азиатские «мозговые центры» : положение в мире и влияние на внешнюю политику // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–13. <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13>
- ¹⁸ См.: Данилин Д. А. Роль экспертно-аналитического сообщества США в «перезагрузке» кубино-американских отношений // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия : Политология. История. Международные отношения. 2016. № 4. С. 101–111.
- ¹⁹ См.: Liao X. Chinese Foreign Policy Think Tanks and China's Policy Towards Japan. Hong Kong : Chinese University Press, 2006.
- ²⁰ См.: Поляченко А. В. Роль аналитических центров Германии и Франции в формировании политики содействия устойчивому развитию в отношении стран Африки южнее Сахары // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 2. С. 151–159. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-2-151-159
- ²¹ См.: Федулова Н. Д. Европейские аналитические центры и их экспертная оценка отношений Европейского союза и России // Общественные науки. 2011. № 5. С. 348–359.
- ²² См.: Волков В. А., Иванов Д. Ю. Независимая политическая аналитика и экспертиза в современной России : идеологическое измерение // Управленческое консультирование. 2013. № 3. С. 11–17.
- ²³ См.: Jacques P. J., Dunlap R. E., Freeman M. The Organisation of Denial : Conservative Think Tanks and Environmental Scepticism // Environmental Politics. 2008. Vol. 17, iss. 3. P. 349–385. <https://doi.org/10.1080/09644010802055576>
- ²⁴ См.: Mendes P. Australian neoliberal think tanks and the backlash against the welfare state // Journal of Australian Political Economy. 2003. Vol. 51. P. 29–56.
- ²⁵ См.: Беляева Н. Ю., Зайцев Д. Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Полития. 2008. № 4 (51). С. 139–152.
- ²⁶ См.: Зайцев Д. Г. Влияние институциональной среды на развитие негосударственных политических акторов (на примере сравнения эволюции аналитических центров в США и России) // Право и политика. 2008. № 11. С. 2757–2768.
- ²⁷ См.: Сунгуров А. Ю. Власть и экспертное сообщество : институты и практики взаимодействия в российских регионах // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 190–208.
- ²⁸ См.: Головченко В. І. Прийняття зовнішньополітичних рішень в США : теорія й практика // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2013. Вип. 116 (1). С. 15–22.
- ²⁹ См.: Ржевська Н. Ф. Стратегічна аналітика в США та Україні : генеза ставлення та сучасний стан // Політичний менеджмент. 2013. № 59. С. 167–175.
- ³⁰ Беляева А. П. Экспертно-аналитическое обеспечение в процессе формирования внешнеполитических стратегий // Электронный научный журнал «ГосРег». 2015. № 1. URL: <http://gosreg.amchs.ru/tribuna-moloduh-uchenih/belyaeva-a-p-ekspertno-analiticheskoe-obespechenie-v-processe-formirovaniya-vneshnepoliticheskix-strategij.html> (дата обращения: 21.01.2021).
- ³¹ См.: Еленский А. В. Внутренняя и внешняя составляющие в истории отечественной внешнеполитической экспертизы // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 3–4. С. 68–82.
- ³² См.: Варфоломеев А. А., Иванов О. П., Сурма И. В., Трефилова Ю. А. Указ. соч.
- ³³ См., например: Истомин И. А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3–4 (30–31). С. 58–72.

- ³⁴ Макарычев А. С. Экспертное обеспечение латиноамериканского курса США (период президентства Р. Рейгана) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1991. С. 8.
- ³⁵ См.: Макарычев А. С. Внешнеполитическая экспертиза и планирование международной деятельности в США (от Г. Трумэна до Дж. Буша) : дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 1999. С. 14.
- ³⁶ Казакова Е. В. Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // Власть. 2011. № 3. С. 11.
- ³⁷ McGann J. G. Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy // Connections : The Quarterly Journal. 2003. Vol. 2, № 1. P. 88.
- ³⁸ Haas P. M. Introduction : Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. Vol. 46, iss. 1. P. 3. <https://doi.org/10.1017/S0020818300001442>
- ³⁹ См.: Братерский А. Роль экспертного сообщества в украинской политике США (1990–2010-е годы) // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 3, С. 84–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-84-93>
- ⁴⁰ См.: Истомин И. А. Недоверие как основа сотрудничества // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 3 (46). С. 161–166.
- ⁴¹ См.: Казакова Е. В. Экспертные сообщества в сфере безопасности и обороны : состояние и перспективы // Вестник Академии военных наук. 2011. № 2 (35). С. 60–63.
- ⁴² См.: Higgott R., Stone D. The Limits of Influence : Foreign Policy Think Tanks in Britain and the USA // Review of International Studies. 1994. Vol. 20, iss. 1. P. 15–34. <https://doi.org/10.1017/S0260210500117760>
- ⁴³ См.: Сирота Н. М. Американское экспертное сообщество о внешнеполитической стратегии США в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (51), ч. 1. С. 185–188.
- ⁴⁴ См.: Тарелин А. А. Политико-экспертное сообщество США : классификация и отношение к России // США и Канада : экономика, политика, культура. 2010. № 2 (482). С. 19–31.
- ⁴⁵ См.: Истомин И. А. Внешнеполитическая экспертиза в США.
- ⁴⁶ См.: Fischer F. American Think Tanks : Policy Elites and the Politicization of Expertise // Governance. 1991. Bd. 4, № 3. S. 332–353.
- ⁴⁷ См.: Макарычева М. Г. «Российский дискурс» в США: формирование, структура, политические трансформации. Нижний Новгород : Изд-во НГЛУ, 2006.
- ⁴⁸ См.: Борозенец Д. И. Контент-анализ политического текста как метод определения базовых концептов политической картины мира эксперта-политолога (на примере высказываний И. И. Апаршина) // Парадигмы истории и общественного развития : сб. науч. трудов / под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; сост. В. Р. Шадрин. Вып. 19. Севастополь : Изд-во СевГУ, 2020. С. 62–67.
- ⁴⁹ См.: Хвостунова О. И. Эксперты как субъект публичного политического дискурса : становление и современные тенденции // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. 2006. № 6. С. 104–106.

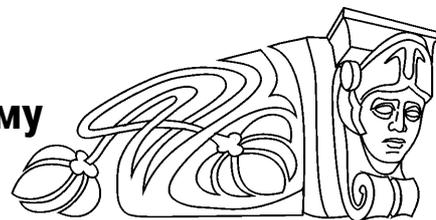
Поступила в редакцию 25.01.2021, после рецензирования 05.02.2021, принята к публикации 14.02.2021
Received 25.01.2021, revised 05.02.2021, accepted 14.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 203–210
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–210

Научная статья
УДК 327.8
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>

Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье рассмотрены позиции КПРФ и «Справедливой России» как двух ведущих «левых» российских партий в канун предстоящих выборов в Государственную Думу 2021 года. На основе анализа реакций лидеров КПРФ на январские протестные акции сделан вывод о проявлении признаков внутрипартийного кризиса, раскрыты причины неспособности коммунистов существенно изменить свои имиджевые и электоральные ресурсы на предстоящих выборах. Дана оценка попыткам «Справедливой России» усилить свои позиции за счет объединения с лево-патриотическими силами и охарактеризованы его возможные результаты в контексте противоречивого восприятия партии в качестве оппозиционной силы. Обоснован вывод об объективной востребованности консолидации всех российских «левых» сил на современной социал-демократической платформе.

Ключевые слова: «левые» партии, КПРФ, «Справедливая Россия», проблемы лидерства, выборы в Государственную Думу, процессы консолидации «левых» сил

Для цитирования: Вилков А. А. Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 203–210. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>

The leading “left” Russian parties on the eve of State Duma election-2021

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. Stances of “Communist Party of the Russian Federation” and “Fair Russia” as two main left parties on the eve of State Duma election-2021 are considered in the article. Based on the analysis of CPRF leaders’ reaction to January protest campaign, the author concludes that there are some signs of crisis within the party and pinpoints reasons of communists’ inability to crucially change their image and electoral resources for the upcoming election. “Fair Russia” attempt to strengthen its potential through alliance with the left and patriotic forces as well as its possible outcomes within the context of rather controversial perception of the party as an oppositional one are evaluated. Objective demand for consolidation of all Russian “left” forces on modern social and democratic platform is substantiated.

Keywords: “left” parties, “Communist Party of the Russian Federation”, “Fair Russia”, problems of leadership, State Duma election, processes of the “left” forces’ consolidation

For citation: Vilkov A. A. The leading “left” Russian parties on the eve of State Duma election-2021. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 203–210 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема консолидации «левых» сил в современной России является одной из самых актуальных и политически значимых. Обусловлено это тем, что сформированная в 1990-е гг. политическая и социально-экономическая система не устраивает значительную часть рос-

сийского населения в контексте ее восприятия через призму социальной справедливости. На это указывают не только результаты репрезентативных опросов, проведенных в последние десятилетия различными социологическими центрами, но и активизация протеста в различ-

ных регионах России. Несмотря на локальность повода для привлечения молодежи на несанкционированные митинги и их очевидное инициирование зарубежными координаторами, нельзя представлять протестную активность только как следствие зарубежного вмешательства с целью подрыва стабильности в современной России. Ситуация намного сложнее, а проблема намного масштабнее, чем это стремятся представить официальные СМИ.

Большая часть российских граждан осуждают несанкционированные протесты как очередную провокацию со стороны российских либералов, получивших мощную политическую, информационную и санкционную поддержку от западноевропейских государств. Однако это вовсе не означает, что все они рассматривают сегодняшнее устройство России как справедливое и отвечающее их интересам. Очередной всплеск либеральной активности они воспринимают негативно, так как видят в ней угрозу гражданской войны и потенциальную возможность возвращения к гораздо худшему состоянию страны. Недавний исторический опыт дает очень серьезные основания для таких опасений. Многие еще помнят кампанию «по борьбе с коррупцией и засильем партократии», которую в годы «перестройки» развернул Б. Н. Ельцин. Помнят и негативные последствия радикальных либеральных реформ, проведенных после его прихода к власти на волне демократических и антикоррупционных обещаний. Помнят и расстрел Белого Дома, поддержанного либеральными сторонниками Б. Н. Ельцина. Помнят и массированное использование либералами манипулятивных технологий в поддержку Б. Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г.

Однако признание рисков негативных последствий утраты социальной стабильности не означает однозначной легитимации существующего политического и социально-экономического устройства страны. Востребованность усиления социальной составляющей российского государства ощущается и действующей властью. Наиболее наглядно это было продемонстрировано в 2019 г. в процессе принятия поправок в Конституцию Российской Федерации. «Обнуление» сроков действующего Президента РФ было интегрировано в некую тактическую совокупность социальных поправок, которые должны были продемонстрировать усиление социальной функциональности Российского государства.

Однако, как видится, сущности олигархической его основы это не затронуло. Поэтому задача консолидации оппозиционных сил, стратегически ориентированных на ценности социальной справедливости и усиление социальной роли государства, остается актуальной и объективно востребованной. Особенно остро это проявляется в период предвыборных кампаний федерального уровня, в том числе и в канун выборов в

Государственную Думу 2021 г. Это потребность в формировании реальной политической силы, способной выступить с программно-идеологической альтернативой сегодняшнему курсу сохранения приоритетности интересов крупных собственников. А главное – это потребность в реальном обновлении лидерского состава, а также в институциональном переформатировании действующих на сегодня политических партий «левого» толка.

На наличие идейно-мировоззренческих предпосылок для консолидации КПрФ и «Справедливой России» указывали многие исследователи данной проблематики¹. По мнению Е. Ю. Емковой, несмотря на ряд существенных расхождений в программных установках данных партий, есть ключевые моменты, в которых они сходятся². Действительно, различие проявляется, прежде всего, в формулировании коммунизма как отдаленной, но стратегической цели, которую КПрФ по преемственности сохранила от КПСС, а также в акценте на необходимости национализации нефтегазового комплекса, банковской сферы, энергетики, авиастроения, железнодорожного транспорта и других стратегических отраслей, обеспечивающих национальную безопасность страны. Однако требование национализации совмещается у коммунистов с признанием многоукладности экономики, а государственное регулирование предполагается осуществлять с помощью плановых и рыночных механизмов. Ведущая роль социалистических форм хозяйствования сочетается с признанием плюрализма собственности³. Это в значительной степени сближает КПрФ с социал-демократической программой «Справедливой России»⁴. Близкими являются также их позиции в восприятии внешних угроз для современной России, в отношении патриотизма и исторического наследия страны, в понимании роли державности и регулирующей роли государства. Достаточно идентично (со специфическими особенностями) в программах представлено понимание демократии, ее механизмов, институтов и ценностей, признание идеологического плюрализма и политической конкуренции, ценностей социальной справедливости и защиты интересов трудящихся слоев населения. Очевидно, что имеется достаточно много близких программных тезисов, на основе которых возможно достижение компромисса для формирования «левой» политической коалиции.

Однако решение этой задачи осложняется целым рядом факторов. Прежде всего – это сегодняшнее состояние КПрФ как наиболее крупной оппозиционной парламентской партии. Несмотря на то, что ее представители получают на выборах различного уровня стабильную поддержку своего «ядерного» электората, на наш взгляд, партия переживает серьезный внутренний кризис. Дело не только в том, что отсутствует серьезная положительная динамика в

голосовании за данную партию в последние два десятилетия⁵, суть в причинах, по которым это происходит. Главная заключается в формировании для значительной части граждан достаточно устойчивого имиджа КПРФ как оппозиционной системной партии, серьезно не претендующей на борьбу за главный властный ресурс в российской политической системе – т. е. за пост главы государства.

Особенно эта имиджевая характеристика укрепилась в массовом сознании во время президентских выборов 2018 г., когда лидер партии Г. А. Зюганов не стал выставлять свою кандидатуру, поддержав выдвижение беспартийного П. Грудинина. Вся риторика коммунистов о логике выдвижения от партии данного кандидата не смогла заретушировать очевидное: ни Г. А. Зюганов, ни другие лидеры коммунистов не рассчитывали на победу на этих выборах. Лидер партии не захотел еще раз подтверждать в массовом сознании свой образ «вечно второго» на президентских выборах. Других руководителей КПРФ, которых можно было бы заявить хотя бы на перспективу, в партии не оказалось. Как представляется, это не случайно. Никакого другого логического объяснения, кроме желания лидера КПРФ сохранить статус-кво, не находится. Положение руководителя крупнейшей оппозиционной фракции в Государственной Думе дает возможность Г. А. Зюганову сохранять свой образ борца за интересы трудящихся, которому парламентское большинство в лице «Единой России» не дает воплощать в жизнь социально ориентированные законопроекты. Постоянная критика действующей власти, наличие программной альтернативы сегодняшнему курсу социально-экономического развития страны, апелляция к достижениям советской эпохи и ее героическому наследию позволяют партии сохранять свой ядерный электорат и без особого риска преодолевать избирательный барьер в Государственную Думу. Данные направления агитационно-пропагандистской деятельности обеспечивают также минимальное присутствие коммунистов в региональных законодательных органах. Однако на сегодняшний день, на наш взгляд, – это не проявление застоя в партии, а свидетельство ее кризиса.

Особенно явно он проявился в последние полгода в связи с попытками консолидации «левых» сил накануне выборов и особенно в рамках выработки единой партийной линии в отношении протестных движений в январе 2021 г.

О необходимости консолидации «левых» сил вокруг КПРФ официально было заявлено еще на XI (октябрьском) Пленуме ЦК КПРФ в рамках Постановления «О задачах КПРФ в борьбе за Лево-патриотический Народный фронт, права трудящихся и национальные интересы России»⁶. В нем констатировалось: КПРФ остается ведущей оппозиционной силой современной России;

ее положение упрочилось в связи с улучшением результатов на выборах в сентябре 2020 г.; капитализм окончательно дискредитировал себя во всем мире; в различных странах, в том числе в США, растет количество сторонников социализма. В связи с этим «в преддверии грядущих схваток за будущее России партия обязана иметь надёжную социальную базу в лице рабочего класса города и села, трудовой интеллигенции. Создание широкого Лево-патриотического Народного фронта возможно только с опорой на пролетарские слои»⁷. Для обоснования целесообразности и возможности такого объединения в постановлении традиционно используется обращение к наследию марксизма-ленинизма, к опыту борьбы против фашизма в различных странах, а также к опыту самой КПРФ по созданию различных политических объединений в последние три десятилетия в постсоветской России. Соответственно, в постановляющей части указывается на то, что Президиум ЦК КПРФ, партийные комитеты всех уровней должны «усилить работу по консолидации “левых” и патриотических сил в единый фронт борьбы за права трудящихся и национальные интересы России, ... продолжать пропаганду теоретических основ и исторического опыта подлинно народных фронтов. В системе партийной учёбы и политического просвещения обратить внимание на изучение доклада Георгия Димитрова на VII Конгрессе Коминтерна. ... Укреплять взаимодействие с политическими и общественными объединениями, которые не приемлют капиталистическое устройство, выступают за демократизацию общества»⁸.

Указания на то, с какими конкретными общественно-политическими организациями должны работать коммунисты, в постановлении нет (за исключением рекомендации о необходимости «сдвигать» существующие профсоюзы влево). Особенно интересно обоснование необходимости «...обеспечить правовую и политическую защиту тех, кто подвергается преследованиям по политическим мотивам. Провести работу по созданию Комитета борьбы против политических преследований. Считать поддержку его деятельности важнейшей задачей Лево-патриотического Народного фронта»⁹. Именно данный пункт, как представляется, стал одним из факторов проявления разногласий в партии в связи с январскими протестными акциями.

В целом данное постановление содержит рутинное повторение тех основных аргументов, которые лидеры КПРФ традиционно использовали в рамках обоснования своих предыдущих коалиций, не приведших к значительным результатам. Какая-либо информация о проведенных переговорах с лидерами «левых» движений на сегодняшний день у нас отсутствует. Однако анализ, например, выступлений и публикаций на «Эхо Москвы» члена Президиума ЦК КПРФ, первого секретаря Московского ГК КПРФ, депутата Го-

сударственной Думы В. Ф. Рашкина свидетельствует, что поиск союзников среди оппозиционных сил он понимает сугубо по-своему. Особый всплеск интереса к этому лидеру КПРФ вызвала публикация на «Эхо Москвы» 7 мая 2020 г. его блога «"Эпидемия" с секретами» и 24 мая «Мародеры». Не вдаваясь в оценку содержания этих публикаций, посвященных коррупции в процессе борьбы с пандемией в России (они опровергались на официальном уровне как фейковые), отметим лишь сам факт появления его материалов в однозначно либеральном издании, находящемся на принципиально иных мировоззренческих позициях, чем КПРФ. Использование данного либерального органа депутатом-коммунистом для изложения своего критического взгляда на текущие российские события продолжилось и впоследствии. Можно предположить, что расчет делался на расширение возможностей для получения коммунистами поддержки со стороны российских либералов в рамках технологии «умного голосования» на предстоящих выборах.

Думается, что не случайной была и принципиальная разница в оценках несанкционированных митингов различными лидерами КПРФ. Публично против ареста А. Навального выступил экс-губернатор Иркутской области, член Президиума ЦК КПРФ С. Левченко: «Я против того, чтобы людей гнобили и привлекали по политическим мотивам, за инакомыслие. Уж кто-кто, а я хорошо знаю, что это такое. Мой сын Андрей Левченко уже 4 месяца находится в следственном изоляторе. В этот же следственный изолятор помещен и Алексей Навальный. Поэтому я категорически против, независимо от того, какую позицию занимает человек, чтобы ограничивали его свободу»; «Навальный очень остро и жестко борется с сегодняшней властью, правящим режимом. И я должен сказать, что ему это удастся. Поэтому и происходят в отношении него эти действия – сумбурные и незаконные». При этом он оговорился, что в политических программах у него с Навальным «совпадений нет»¹⁰. В результате в Иркутске в протестных январских акциях принимали участие многие местные коммунисты.

Поддержку А. Навальному публично оказывал и руководитель Московского горкома КПРФ В. Ф. Рашкин. Обсуждая 13 января на «Эхо Москвы» возвращение оппозиционера в Россию, он заявил: «Я убежден, что будут приняты соответствующие меры его противниками и врагами, чтобы его засадили за решетку. К сожалению, я вижу эту тенденцию в России, у нас всюду идет разгул преследований граждан по политическим убеждениям. Поэтому вероятность того, что будут преследования Навального после его возвращения, стопроцентная»¹¹. В соответствии с такой позицией часть московских депутатов-коммунистов встречали А. Навального в аэропорту «Внуково».

Однако после начала протестных акций Г. А. Зюганов неоднократно оценивал А. Навального как «зажигательный снаряд», выпущенный с Запада, как новоиспеченного провокатора Гапона и агента Госдепа. Эта позиция нашла свое отражение в «Обращении Общероссийского Штаба протестного движения к коммунистам, всему народу России»: «Но борьба даже за светлые демократические идеи и социальную справедливость не должна подрывать закон и порядок, расшатывать устои государства. КПРФ решительно осуждает появление явления новой гапоновщины, проплаченной кукловодами Запада, когда молодежь под видом уличного протеста провоцируют на разрушение и вакханалию силовой агрессии»¹².

Несмотря на то что на январском пленуме ЦК КПРФ был достигнут определенный консенсус между всеми лидерами партии по этому вопросу, сам характер и масштаб разногласий свидетельствуют о том, что в руководстве партии идет конкуренция за возможное реформирование партии в случае ухода Г. А. Зюганова.

Радикальное «большевистское» крыло готово идти на обострение ситуации в стране и использование для этого союза со всеми оппозиционными силами, ведущими борьбу против существующего режима. Подпитывает такие настроения появление в партии молодых политических лидеров, недовольных сложившимся имиджем партии и продемонстрировавших использование гораздо более жесткой риторики и методов борьбы в региональных парламентах, чем на федеральном уровне. Саратовский облдеп Н. Бондаренко, получивший административный протокол за участие в несанкционированных митингах, – один из примеров такого обновленного лидерства. Очевидно, что оно рассчитано на расширение социальной базы КПРФ, на использование радикального протестного потенциала молодежи, независимо от тех вполне реальных социальных рисков, которые возникают в процессе его использования в борьбе против действующего режима. Логика рассуждений коммунистов-радикалов, на наш взгляд, укладывается в иллюзорные представления о том, что в случае успешного революционного свержения власти коммунистам удастся возглавить процесс формирования новых государственных органов и взять под свой контроль реализацию стратегии политического и социально-экономического развития страны. Иллюзорность, на наш взгляд, обусловлена тем, что радикальный протестный потенциал вполне открыто и официально поддерживается, направляется и регулируется кураторами из-за рубежа. Их целью даже на публичном уровне¹³ является возвращение России именно в русло либерально-демократического развития. Поэтому приход к власти коммунистов в России для них является абсолютно неприемлемым (открытая поддержка Б. Н. Ельцина перед

реальной угрозой победы Г. А. Зюганова на выборах 1996 г. – прямое тому подтверждение).

«Лояльное» крыло КПрФ, возглавляемое Г. А. Зюгановым, пока удерживает ситуацию в партии под контролем, апеллируя к самодостаточной ценности Российского государства, против которого сейчас ведется политическая, информационная и экономическая война. Поэтому они призывают бороться с режимом в рамках конституционно-правового поля на основе действующих политических механизмов. Главный инструмент – это агитационно-пропагандистская деятельность, укрепление первичных организаций и расширение социальной базы партии за счет не довольных существующим режимом.

Такая «лоялистская» позиция имеет свои слабые места, обусловленные консервативной институциональных и идеологических характеристик КПрФ, которые были оформлены в начале 1990-х гг. и в современных условиях, на наш взгляд, нуждаются в обновлении. Обусловлено оно тем, что те факторы, которые КПрФ, как правопреемница КПСС, вынуждена была учитывать в момент своей институционализации, на сегодняшний день либо утратили свою актуальность, либо значительно ослабли. Речь идет о соотношении в программе КПрФ социал-демократического и коммунистического начал. Несмотря на то что программа включила многие социал-демократические ценности и принципы, была сохранена и ориентация на коммунистические идеалы. Включение последних в программу в значительной степени было обусловлено тактическими мотивами 1990-х гг., когда значительная часть российского населения, разочарованная разрушением СССР и результатами радикальных либеральных реформ, была готова вернуться к советской модели развития страны. На сегодняшний день коммунистическая мотивация, как видится, уже не является массово востребованной. Свидетельством тому – стабильная ограниченность «ядерного» электората КПрФ на выборах различного уровня в последние два десятилетия. Поколения, воспитанные в последние три десятилетия, уже не воспринимают идеалы коммунизма как реально достижимые. Они видят позитивные возможности использования частной собственности для удовлетворения общественных потребностей, они принимают как должное рыночные отношения, они пользуются свободой передвижения и отдыха за границей. Другое дело – ценности социализма, которые нередко интерпретируются в контексте достижений стран с многолетним нахождением социал-демократов у власти. Поэтому программа КПрФ им представляется догматической и не соответствующей реалиям современной России. В совокупности с устоявшимся имиджем Г. А. Зюганова это становится важнейшим препятствием на пути расширения электоральной базы КПрФ.

Не менее сложной представляется ситуация с партией «Справедливая Россия». Для нее главным балластом является искусственное происхождение в качестве управляемой оппозиционной силы, изначальное предназначение которой состояло в поддержке курса Президента РФ В. В. Путина. И если поддержка внешнеполитической стратегии Путина со стороны «Справедливой России» была логичной (как всех других ведущих политических сил), то фактическая легитимация продолжения либерального курса Российского государства в социально-экономической сфере не могла не дискредитировать партию в качестве реальной оппозиционной партии. Более того, тем самым дискредитировалась и сама идеология социал-демократии как альтернатива либеральному курсу. И это несмотря на то, что она была очень грамотно оформлена в программе партии на основе учета исторических ценностей социальной справедливости и других ментальных особенностей россиян.

В этой связи партия постоянно балансировала на грани преодоления избирательного барьера на выборах в Государственную Думу. Эта ситуация еще более обострилась в канун предстоящих выборов. Выход нашли вновь в технологическом объединении «Справедливой России» с другими лево-патриотическими партиями.

Сама процедура и технология объединения «Справедливой России» с двумя партиями патриотического толка, как представляется, стала ответом на два вызова. Первый состоит в том, что, по мнению многих экспертов, текущий рейтинг «Справедливой России» и ее лидера не позволял надеяться на преодоление избирательного барьера на выборах в Государственную Думу¹⁴. Второй вызов был обусловлен тем, что протестные движения в Белоруссии показали, насколько велик в молодежной среде запрос на обновление, на динамику в общественно-политической жизни. Аргументация о преимуществах стабильности политического и социально-экономического развития для молодежи является недостаточной (особенно с учетом того, что требование перемен инспирируется и поддерживается политически, информационно и материально со стороны США и их союзников по НАТО). Поэтому объединение трех «левых» партий должно было продемонстрировать определенную динамику в партийно-политическом пространстве России и появление новых активных партийных лидеров.

Январские несанкционированные акции во многих городах России показали, что запрос на обновление политической жизни не менее актуален и для российской молодежи. События показали, что проведенное реформирование на левом фланге частью молодежи не воспринимается как существенное, заметное и отвечающее ее интересам. Более того, по данным опроса ВЦИОМ, объединение «левых» партий не вызвало всплеска интереса и среди россий-

ского населения в целом. Свою информированность об этом событии подтвердили лишь 28% опрошенных. При ответе на вопрос «Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу России, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали?» выбрали партию «Справедливая Россия – За правду» 10% россиян. Декларировали голосование за «СР» – 6%, «За правду» – 2%, за «Патриотов России» – 1%¹⁵.

По мнению многих аналитиков, объединение партий вовсе не означает, что на предстоящих выборах они получают соответствующее арифметическое суммирование всех голосов, которые эти партии могли бы получить, участвуя в них по отдельности. Как в свое время показала практика создания самой «Справедливой России»¹⁶, не простым является и процесс объединения региональных организаций трех партий, в каждой из которых у региональных руководителей есть свое представление о приоритетах в новых структурах¹⁷.

В то же время важно учитывать, что объединение партий снижает негативное воздействие фактора «потерянного голоса», когда симпатизант какой-либо левой партии, тем не менее, не голосует за нее из-за опасений, что она не преодолеет избирательный барьер и его голос будет передан партии-победительнице.

Важное значение имеет появление в объединенной партии новых лидеров, не отягощенных грузом стереотипного восприятия в качестве имитационных оппозиционеров. Несмотря на то что лидером партии прогнозируемо будет избран С. М. Миронов, включение новых политических фигур в федеральную часть партийного списка будет положительным фактором в ее восприятии в массовом сознании. Харизматичный З. Прилепин уже использовал свои возможности привлечения внимания, выдвинув инициативу о возвращении памятника Ф. Дзержинскому на Лубянскую площадь¹⁸. Очевидно, что даже ожидаемая волна критики со стороны российских либералов поможет ему сфокусировать внимание значительной части российского населения на этой инициативе и вызовет поддержку в том числе со стороны прокоммунистического электората. Не меньшее внимание вызовет деятельность «гвардии Захара Прилепина» как гражданского движения противостояния Майдану в России.

Тем не менее, это вряд ли сможет серьезно изменить общий имидж «Справедливой России – За правду» и ее бессменного лидера. Она продолжит восприниматься как партия поддержки действующего Президента Российской Федерации, а следовательно, как имитационная оппозиция. Молодым избирателям об этом, несомненно, напомнят основные конкуренты «Справедливой России – За правду». По данным январского опроса ВЦИОМ, эту партию считают оппозиционной действующей власти только 27% опрошенных. Почти поло-

вина россиян (45%), напротив, сказали, что объединенная партия скорее поддерживает власть¹⁹. То есть каких-либо серьезных изменений в восприятии институционального статуса данной партии произойти не может.

Анализ перспектив участия в выборах в Государственную Думу других «левых» партий в рамках одной статьи не представляется возможным. Однако само их присутствие в политико-информационном пространстве современной России уже является фактором, снижающим перспективы консолидации всех партий социалистической и социальной ориентации. Дело не только в раздроблении на выборах голосов сторонников усиления социальной функциональности государства, но и в определенной дискредитации самой возможности реализации социалистической идеи в современной России. По сути, сегодняшняя фрагментация левого сегмента партийной системы России представляет собой отражение пестроты взглядов российских граждан на цели и способы изменения существующего общественного устройства. Воспринимая его как несправедливое, граждане различно представляют возможный вектор его преобразования. Одни уповают на появление нового Сталина и жесткие меры борьбы против олигархов и коррупционеров всех мастей. Другие с ностальгией вспоминают стабильность и благополучие брежневского социализма. Третьи положительно воспринимают социальные результаты социал-демократического правления скандинавских стран и считают, что эта модель наиболее соответствует российской специфике. Четвертые в качестве образца видят коммунистический Китай и его модель синтеза социализма и государственного капитализма.

Проблема заключается в том, что ориентация отдельных «левых» партий на конкретный фрагмент общественных настроений и представлений не просто эксплуатирует их в своих конъюнктурных интересах, но консервирует их и позволяет воспроизводить в массовом сознании в той или иной динамике. В результате эти образные представления об идеально-типических моделях остаются либо ностальгией по историческому прошлому, либо завистью к другим странам, не способствуя формированию в массовом сознании россиян образа собственной современной модели социал-демократического развития страны.

Таким образом, проведенный анализ показал, что реальная консолидация российских «левых» сил на современном этапе не состоится, несмотря на объективную потребность в этом процессе. Обусловлено это тем, что у каждой из действующих политических сил в этом партийном сегменте есть свои собственные препятствия реальному их объединению.

Для КПРФ, претендующей на системообразующую роль в процессе консолидации, субъективным барьером выступают личные ам-

бии Г. А. Зюганова, которые мешают обновлению руководящего состава партии и появлению новых лидеров, способных изменить в лучшую сторону ее текущее восприятие российскими гражданами как силы, не претендующий реально на главный государственный пост в Российской Федерации. Кроме того, догматическая приверженность многим целям, ценностям и принципам (унаследованным от КПСС) не дает возможности провести назревший ребрендинг партии в сторону ее восприятия в качестве политической силы, ведущей борьбу за социалистические/социал-демократические идеалы, соответствующие тенденциям и реалиям современного мира. В программе КПрФ ортодоксальная ее часть отпугивает молодежь, а завуалированный характер социал-демократической части не привлекает тех, кому близки именно эти ценности и принципы.

Конструирование «Справедливой России – За правду» прогнозируемо дает ей возможность преодолеть избирательный барьер на предстоящих выборах в Государственную Думу и сохраниться в качестве управляемой парламентской оппозиции. Соответственно, это позволит временно удовлетворить, хотя бы в минимальной степени, общественный запрос на новые лица в политике. Обновление состава партии дает определенный шанс и на изменение в ее руководстве, без чего невозможен ребрендинг ее сложившегося на сегодня имиджа декоративной/имитационной оппозиции. Однако главным условием такого ребрендинга партии является радикальное изменение характера и направленности ее оппозиционной деятельности, которое позволит заявить о социал-демократии как о реальной альтернативе сегодняшнему либерально-консервативному олигархическому режиму.

Без сплочения «левых сил» на социал-демократической платформе вполне реальна угроза реванша радикальной либеральной оппозиции, которая под руководством и при мощной поддержке своих зарубежных кураторов умело использует и направляет в революционное русло недовольство существующей системой значительной части российского населения. Особую опасность представляет то, что апеллируют они, прежде всего, к российской молодежи, не отягощенной знаниями и опытом, не осознающей риски и последствия революционного разрушения государственной машины в полиэтничной и поликонфессиональной стране.

Примечания

- ¹ См.: *Бизин К. В.* КПрФ и социал-демократическое движение в современной России // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1 (ч. 1). URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18606> (дата обращения: 11.01.2020); *Постников Н. Д.* Политические партии левого спектра: КПрФ и «Справедливая Россия» // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. 2014. № 5. С. 166–173; и др.
- ² См.: *Емкова Е. Ю.* Идеи и программные установки КПрФ и «Справедливой России» в современных условиях // *Вестник Башкирского университета*. 2014. Т. 19, № 4. С. 1516–1519.
- ³ См.: Программа политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». URL: <https://minjust.ru/ru/node/2290> (дата обращения: 24.01.2019).
- ⁴ См.: Программа партии «Справедливая Россия». Социализм – будущее сильной, свободной и справедливой России. URL: <https://minjust.ru/ru/node/2270> (дата обращения: 19.01.2019).
- ⁵ См.: *Николенко К. Д.* КПрФ в 1999–2003 гг.: потеря инициативы и спад влияния // *Труды Института российской истории*. 2015. № 13. С. 389–400; *Его же.* КПрФ и КПСС: проблемы преемственности и поиски новой политической идентификации (1991–2012 гг.) // *Вестник Пермского университета*. Серия: Политология. 2013. № 3 (23). С. 137–148.
- ⁶ См.: Постановление XI (октябрьского) Пленума Центрального Комитета КПрФ «О задачах КПрФ в борьбе за Лево-патриотический Народный фронт, права трудящихся и национальные интересы России» (№ 11/1 от 24 октября 2020 г.). URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/198086.html> (дата обращения: 25.10.2020).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Экс-губернатор Иркутской области поддержал Навального. Раскол в КПрФ? URL: <https://www.politnavigator.net/ehks-gubernator-irkutskoj-oblasti-podderzhal-navalnogo-raskol-v-kprf.html> (дата обращения: 23.01.2021).
- ¹¹ Рашкин: Навального постараются максимально быстро посадить в тюрьму в случае его возвращения в страну. URL: <https://echo.msk.ru/news/2773146-echo.html> (дата обращения: 15.01.2021).
- ¹² Обращение Общероссийского Штаба протестного движения к коммунистам, всему народу России. URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/200093.html> (дата обращения: 05.02.2021).
- ¹³ Не следует забывать и о негласных планах по расчленению России на ряд государств-сателлитов, чтобы навсегда избавиться от ее претензий на ведущую суверенную роль в мировой политике и устранить в качестве экономического конкурента.
- ¹⁴ См.: Спасти политика Миронова. Эксперты обсуждают слияние левых партий. URL: <https://newizv.ru/article/general/21-01-2021/spasti-politika-mironova-eksperty-obsuzhdayut-sliyanie-levyh-partiy> (дата обращения: 22.01.2021).
- ¹⁵ См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные опроса о том, как россияне относятся к объединению партий «Справедливая Россия», «За правду» и «Патриоты России». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spravedlivaja-rossija-za-pravdu-i-patrioty-rossii-perspektivy-obedinenija> (дата обращения: 01.02.2021).

- ¹⁶ См.: Вилков А. А., Николаева А. А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в современной России. Саратов : Саратовский источник, 2009.
- ¹⁷ См.: Самопиарщики нам не нужны – костромские эсеры высказались о слиянии партий. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3175377.html> (дата обращения: 10.02.2021); Выборы перестают быть томными? Реакция челябинских политиков на объединение «Справедливой России», «За правду» и «Патриотов России». URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/27229/4355274/> (дата обращения: 22.01.2021).
- ¹⁸ См.: Захар Прилепин : Надо выглядеть убедительно, чтобы нас не стаскивали с фонарей. URL: https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/video/2020/9/17/1061005.html?utm_source=turbo_turbo (дата обращения: 15.02.2021).
- ¹⁹ См.: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные опроса о том, как россияне относятся к объединению партий «Справедливая Россия», «За правду» и «Патриоты России».

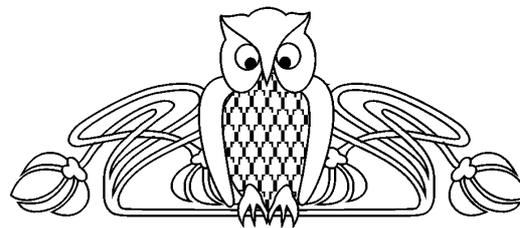
Поступила в редакцию 10.02.2021, после рецензирования 15.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
Received 10.02.2021, revised 15.02.2021, accepted 24.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 211–217
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 211–217

Научная статья
УДК 37.035.6
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-211-217>

Формирование патриотизма: политико-идеологические смыслы и технологии

Ю. Н. Трифонов

Тамбовский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 392008, г. Тамбов, Моршанское шоссе, д. 14а

Трифонов Юрий Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, liony12345@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>

Аннотация. В статье рассмотрены политико-идеологические аспекты патриотизма и технологии его формирования в современных условиях. Показано, что в общественно-политическом дискурсе патриотическая проблематика является традиционной и сохраняет свою актуальность. Обоснована необходимость глубокой и всесторонней теоретико-методологической проработки государственной политики по патриотическому воспитанию россиян. Намечены подходы к выработке модели современного патриотизма, соответствующего образу будущего нашего Отечества.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическая идеология, формирование патриотизма, государственная политика в сфере патриотического воспитания населения

Для цитирования: Трифонов Ю. В. Формирование патриотизма: политико-идеологические смыслы и технологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 211–217. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-211-217>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-211-217>

Formation of patriotism: Political and ideological meanings and technologies

Yu. N. Trifonov

Tambov branch of the RANEPa, 14a Morshansk Highway, Tambov 392008, Russia

Yuri N. Trifonov, liony12345@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>

Abstract. The article considers political and ideological aspects of patriotism and technologies of its formation in modern conditions. The author shows that patriotic problematic is traditional for social and political discourse and remains relevant nowadays. The need for a deep and comprehensive theoretical and methodological study of the state policy on patriotic education of Russians was proved. The approaches to develop a model of modern patriotism which corresponds to the image of our Fatherland's future were outlined.

Keywords: patriotism, patriotic ideology, formation of patriotism, the state policy on patriotic education of society

For citation: Trifonov Yu. N. Formation of patriotism: Political and ideological meanings and technologies. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 211–217 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-211-217>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Многогранная патриотическая проблематика, включая её политико-идеологические аспекты, традиционно привлекает к себе внимание научного и экспертного сообщества, общественно-политических деятелей, педагогов-практиков и т. д. Это обусловлено теоретическими и практическими потребностями укрепления духовно-нравственных основ общественной жизни, к числу которых по праву относятся чувства и идеи любви к Родине. Исторически сложилось так, что наше Отечество всегда нуждалось в патрио-

тизме соотечественников. Не является исключением и современный период развития России, которая находится под воздействием внутренних и внешних вызовов и угроз. Противостоять этому может лишь та страна, граждане которой её любят и готовы на патриотические действия.

Повышению интереса к проблеме патриотизма (особенно к его политико-идеологическому компоненту) способствовали общественно-политические события начала 2021 г., связанные с попыткой псевдооппозиционных сил, поддер-

живаемых западными кураторами, раскачать ситуацию в стране и повысить в обществе градус протестных настроений. Не углубляясь в анализ их причин, отметим, что на повестку дня вновь встал вопрос о том, где место подлинного патриота – в рядах протестующих либо же поддерживающих российскую государственность.

Именно поэтому весьма значительна потребность в научном понимании патриотической проблематики, внедрении инновационных технологий формирования патриотизма в сложившихся условиях. А это, в свою очередь, актуализирует проблематику выработки и эффективной реализации государственной политики по патриотическому воспитанию граждан РФ. Как подчеркивается в научной литературе, современная общественно-политическая ситуация в стране диктует задачу активизации патриотического компонента¹.

В последние годы произошло понимание роли патриотизма как важнейшего фактора сплочения нации и основы идентичности россиян. Осознание ошибочности и вредности дискредитации любви к Родине (осуществляющейся под предлогом искоренения всего советского, включая советский патриотизм), имевшее место в первое постсоветское десятилетие, предопределяет необходимость уточнения сути и содержания патриотизма, путей его формирования в новых условиях, а также места и роли профильных организаций в системе патриотического воспитания граждан РФ.

Всем субъектам патриотического воспитания необходимо учитывать, что современный период в развитии отечественного патриотизма отличается весьма противоречивыми тенденциями. С одной стороны, начиная с 2014 г. наблюдался несомненный рост патриотического сознания россиян, вызванный поистине историческим событием – воссоединением Крыма с Россией, открывшим «окно возможностей» для широкого спектра проявлений патриотизма. Политическое руководство страны получило прекрасную возможность на основе патриотического единения соотечественников поставить и решить ряд амбициозных задач, направленных на прорывное развитие страны. Однако в силу ряда причин данная возможность не была реализована.

Как следствие, с другой стороны, в патриотическом дискурсе вновь всё большее место стали занимать соображения различного рода оппонентов патриотизма, спектр взглядов которых достаточно широк – от патриотического скептицизма до открытого антипатриотизма.

Дополнительную сложность процессу патриотического воспитания добавляет то, что за последние годы значительно расширился спектр проявлений любви к Родине (волонтерство, экологический патриотизм и т. д.), а с другой стороны, в общественное сознание внедряются различного рода деформации (семулякры) патриотизма.

Тем самым при формировании патриотизма россиян нужно иметь чёткое представление о том, какие социальные качества обладают статусом патриотических. Данные обстоятельства подтверждают необходимость развития отечественной системы патриотического воспитания граждан с учётом отмеченных трендов.

При анализе процесса формирования патриотизма необходимо иметь в виду, что у него есть свои объективные основания и субъективные факторы.

Наличие обособленных Отецеств объективно способствует возникновению патриотических чувств, настроений и мотивов соответствующего поведения. Так, мощным источником патриотизма служит славная история страны, её уникальная природно-географическая среда, вклад народа в развитие науки, культуры, производства, в сохранение мира и т. д. Помимо этого, уровень патриотизма граждан во многом зависит и от современного положения дел в стране (её социально-экономического развития, уровня и качества жизни населения, степени и полноты реализации прав и свобод граждан и т. д.). Поэтому очень важно стремиться к обеспечению прочных основ патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Имеется в виду необходимость проведения государственной политики, основным вектором которой является всестороннее развитие страны. На это, в частности, были направлены положения Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»², реализация которых позволит обеспечить прорывное развитие страны в ключевых сферах.

Вместе с тем следует признать, что процесс формирования любви к Родине весьма затруднён тем объективным фактором, что в потребительском обществе основные мотивы поведения людей обусловлены, прежде всего, стремлением реализовать свои материальные интересы (зачастую имеющие меркантильный характер), потреблять всё большее количество рекламируемых товаров и т. п., а идеи служения Отечеству отходят на второй план. В связи с этим не менее значимы и субъективные факторы формирования патриотизма граждан Российской Федерации. От того, насколько эффективно действует выстроенная система патриотического воспитания, во многом зависит уровень патриотизма населения.

Осознание необходимости формирования у граждан РФ, прежде всего молодёжи, любви к Родине проявилось в ходе общественного обсуждения поправок к Конституции РФ. Действительно, нужно заботиться не только об увеличении рождаемости, но и о духовно-нравственном здоровье подрастающего поколения. Особое значение в системе духовных ценностей россиян традиционно занимают чувства и идеи патриотизма, что и было предложено закрепить на кон-

ституционном уровне. В результате текст Конституции РФ был дополнен нормой ч.4 ст. 67¹ следующего содержания: «...государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»³.

Примечательно, что данные конституционные новации, направленные на совершенствование патриотического воспитания, получили оперативное развитие в законодательстве об образовании⁴. Так, по инициативе Президента РФ В. В. Путина было скорректировано законодательное определение воспитания, которое теперь включает в себя формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества.

Ничто так не помогает формированию патриотизма граждан, как привлекательный образ будущего страны, способствующий сплочению многонационального народа РФ и его мобилизации на достижение высоких целей и идеалов. Идеологическое измерение патриотизма, как подчёркивает А. А. Вилков, связано с готовностью человека считать будущее не меньшей ценностью, нежели прошлое и настоящее⁵. В этом отношении значение патриотической идеологии невозможно переоценить⁶.

В российском обществе сформировался запрос на коренные социально-экономические и политические изменения, поскольку существующий строй воспринимается гражданами как несправедливый и не соответствующий интересам большинства населения⁷.

При этом нужно учитывать, что если объективные основания, детерминирующие патриотизм, слабы, то патриотическое воспитание в таких условиях будет способствовать порождению различного рода патриотических симулякров, формированию в том числе и таких негативных качеств, как лицемерие (патриотизм на словах, но не на деле) и, более того, – национализм и шовинизм.

Базовой профильной организацией патриотического воспитания населения, безусловно, является государство, вырабатывающее и реализующее соответствующее направление внутренней политики. При реализации государственной политики по патриотическому воспитанию граждан РФ осуществляется воздействие субъектов (профильных организаций) на объекты воспитания в рамках определённых институтов⁸.

Отметим, что объектом патриотического воспитания является не только молодёжь, а всё население страны. В Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» подчёркнуто, что она (программа) ориентирована на все социальные слои и возрастные группы

граждан при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодёжи⁹.

Следует признать, что в стране создана научно-методическая, организационная, правовая, финансовая, институциональная, кадровая и информационно-технологическая основа формирования патриотизма населения. Государственная политика по патриотическому воспитанию граждан РФ реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В качестве инструментов её реализации выступают соответствующие федеральные, региональные и муниципальные программы (планы).

В деле военно-патриотического воспитания молодёжи традиционно значимую роль играют Вооружённые силы РФ.

Помимо государства, к числу субъектов патриотического воспитания относятся: образовательные учреждения (дошкольные учреждения, школы, учреждения среднего профессионального и высшего образования), политические партии, общественные организации, средства массовой информации и др.

Особое место в патриотическом воспитании молодёжи занимают ветеранские организации. Достаточно высокий потенциал в деле формирования любви к Родине имеют объединения воинов-интернационалистов, казачество, организации РОСТО и др.

Наибольший воспитательный эффект имеют мероприятия, инициированные и поддержанные самими гражданами. Несомненно, что в этом отношении особо выделяется ежегодно проводимая акция «Бессмертный полк», в которой принимают участие миллионы россиян во всех уголках нашей необъятной Родины, а также тысячи граждан за рубежом.

По всей стране создана и активно действует широкая сеть патриотических центров, объединений, клубов, оборонно-спортивных лагерей и т. д. В частности, набирает обороты деятельность российского детско-юношеского движения «ЮНАРМИЯ», призванного способствовать всестороннему развитию и патриотическому воспитанию юных россиян.

Новым и очень важным направлением патриотического воспитания стало волонтерство, особенно по такому направлению, как сохранение исторической памяти.

Очевидно, что в системе профильных организаций, осуществляющих патриотическое воспитание, особо значимое место занимает институт образования. Накоплен уникальный опыт образовательных учреждений по формированию любви к Родине у подрастающего поколения. Нарботана практика подготовки школьников к военной службе в кадетских школах (кадетских школах-интернатах) и казачьих кадетских корпусах.

Вместе с тем акцент делается на проведении мероприятий патриотической направленности

во внеучебное время. Воспитательный же потенциал учебных занятий (причём не только по гуманитарным и общественным дисциплинам) реализуется не в полной мере. Кроме того, федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения с точки зрения патриотического содержания и направленности явно уступают ранее действовавшему ФГОС.

Нельзя не отметить и роль религиозных организаций в формировании патриотизма как верующих, так и неверующих. При этом данная работа ведётся с позиций религиозного понимания сути и возможных проявлений патриотизма граждан в современных условиях.

Тем самым в Российской Федерации разработана и реализуется государственная политика по патриотическому воспитанию населения. Проводимая работа даёт свои результаты. Однако анализ контента всего спектра деятельности государственных структур в этом направлении свидетельствует об имеющихся противоречиях и ошибках в выборе теоретико-методологической основы формирования патриотизма граждан РФ. В этом качестве рядом представителей власти берётся модель либерального патриотизма, другими же властными элитами взята на вооружение так называемая традиционалистская концепция патриотизма. Поэтому ряд государственных институтов и средств информационного воздействия на население действуют сообразно выбранной модели понимания и формирования патриотизма.

Ошибочность и опасность системы патриотического воспитания граждан, скроенной по лекалам либеральной трактовки патриотизма, заключается в метафизическом (одностороннем, узком) подходе к пониманию того, какие качества следует формировать у воспитуемых. Либеральное видение патриотизма связывает его преимущественно (а то и исключительно) с реализацией и отстаиванием прав и свобод граждан (особенно в противостоянии с государственной властью) и тем самым отбрасывает (игнорирует) все иные компоненты патриотизма. Создаётся своеобразная ловушка, при которой в желаемый образ человека-космополита сложно включить некие качества патриота либерально-демократического толка¹⁰.

Постмодернистский вариант либерализма вообще стремится реализовать модель человека, освобождённого от любых социальных (а теперь – и ряда биологических) связей, включая положительное отношение к Родине.

Более того, либеральной традиции чуждо само патриотическое воспитание. Данная точка зрения не единожды высказывалась не только в публицистической литературе, но и на страницах академических изданий. Например, В. В. Помогаев, отвергая советский опыт патриотического воспитания, ратует за либерально-демократическую модель патриотизма, в которой делает-

ся ставка на меньшинство – на так называемых «естественных патриотов» (людей, обладающих высокой социальной конкурентоспособностью), которых не нужно учить патриотизму¹¹.

Традиционалистская концепция патриотизма, в свою очередь, рассматривает его как историческую и культурную традицию России, но, к сожалению, не учитывающую социально-экономическую и политическую среду, сложившуюся в конкретно-исторический момент. В частности, не берутся во внимание современные социально-политические процессы, связанные с формированием патриотических качеств людей. При этом любовь к Родине усматривается, прежде всего, в безусловной поддержке государственной власти, готовности дать отпор врагам и т. п. Результатом такого «патриотического» воспитания может стать формирование великодержавного шовинизма, замешанного на крайнем национализме.

В связи с этим нами разделяется мнение А. А. Вилкова о том, что в практической плоскости сохраняется неопределённость в вопросе о том, на какое понимание патриотизма должна быть ориентирована работа по патриотическому воспитанию наших соотечественников¹².

Как представляется, современная система патриотического воспитания граждан РФ должна основываться на диалектическом понимании патриотизма, как совокупности трёх важнейших компонентов – патриотического сознания, патриотического отношения и патриотической деятельности¹³. Каждый из этих компонентов, в свою очередь, также имеет весьма богатое содержание. Так, патриотическое сознание отнюдь не исчерпывается таким высоким чувством, как любовь к Родине, а включает в себя достаточно широкую палитру чувств (гордость, сопереживание, сопричастность, ответственность и др.), настроений, традиций, идей, убеждений и т. д.

Наибольшая проблема, касающаяся патриотического воспитания граждан РФ, нам видится в отсутствии в государстве по-настоящему патриотической элиты (финансово-экономической, политико-административной, культурной и др.). Действительно, многие из числа отечественных элитариев являются, по сути, патриотами на словах, но не на деле. Об этом наиболее ярко свидетельствует их мировоззренческая и идеологическая позиция, в соответствии с которой они связывают своё будущее с благополучным зарубежьем. У них там дорогая недвижимостью, бизнес, финансы, элитная система обучения для детей и т. д.

Отсутствие настоящей любви к стране и народу подтверждается и беспрецедентным масштабом коррупции, пронизывающим все эшелоны власти и околотовластное окружение. Очевидно, что коррупция и патриотизм – безусловные антиподы.

В условиях антагонистического общества интересы страны (Родины) и интересы элиты,

как правило, не совпадают. Поэтому властная элита, ориентированная на Запад и реализующая собственные (преимущественно корыстные) интересы, является во многом антипатриотичной, но при этом активно использует патриотическую риторику в качестве дымовой завесы.

При этом в качестве методологического средства используется тезис о том, что патриотизм бывает разный. Добиваясь общественной поддержки, часть правящего класса пытается сформировать у населения ложный патриотизм. Но насаждая «квазипатриотизм», выхолащивается подлинное содержание патриотизма, который превращается в национализм и великодержавный шовинизм. Лжепатриотизм части политической элиты не менее опасен, чем циничный и агрессивный антипатриотизм.

Более того, наиболее оголтелые представители современного бомонда откровенно заявляют о своем антипатриотизме либо патриотическом нигилизме. Различного рода оппоненты патриотизма выступают, соответственно, и против любых форм патриотического воспитания граждан. Слышатся упрёки в милитаризации и гиперактивности патриотического воспитания, в использовании его для укрепления действующего политического режима, реализации великодержавных амбиций и т. п.

Несмотря на принимаемые меры, сохраняется острый дефицит произведений литературы, кино, музыки, театра и т. д., носящих патриотическую направленность. Напротив, за счёт государственного бюджета (в том числе по заказу Министерства культуры РФ) создаются «произведения», идейной основой которых является антипатриотизм. Например, кинорежиссёр П. Лунгин в одном из интервью заявил о том, что «сделал патриотический фильм – таким, как он понимает патриотизм». Но при этом, по его же признанию, «он перестал понимать, что означает слово “патриотизм”»¹⁴. Однако именно таким «непонимающим творцам» доверяется создание произведений искусства, наносящих вред патриотическому сознанию граждан, особенно неискушённой молодёжи. Ещё один представитель творческой интеллигенции – А. Сокуров, заявил о том, что настоящий патриот – это стоящий в стороне от других диссидент¹⁵.

И такого рода примеров, свидетельствующих о деформациях патриотического сознания «творцов», можно привести множество. Это показывает необходимость пересмотра роли органов государственной власти в организации творческого процесса в сфере культуры и искусства. В обществе имеется запрос на высокохудожественные и патриотически окрашенные произведения, который государство обязано реализовать.

Далее отметим, что в настоящее время основным источником формирования у населения отношения к Родине является информационное

пространство. Особого внимания требует интернет-пространство, на полях которого разгораются наиболее бурные дискуссии по патриотической проблематике. Однако повестка, формируемая в современном информационном пространстве, во многом носит антипатриотическую направленность. Приходится констатировать, что наиболее активными пользователями социальных сетей являются сторонники антипатриотической точки зрения.

Следует также признать, что не в полной мере реализован потенциал средств массовой информации в деле патриотического воспитания граждан РФ.

В научной литературе выделяются такие проблемы патриотического воспитания, как упрощенно-утилитарное понимание данного процесса, отсутствие понимания того, какой тип патриотизма необходимо сформировать у гражданина, и оценка адекватности нынешнему времени методов и форм патриотической работы¹⁶. В частности, подчёркивается необходимость использования проактивного подхода к организации и проведению патриотического воспитания граждан РФ.

Перечисленные и иные факторы ставят под определённое сомнение достижение основной результативности при реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», касающегося формирования системы патриотического воспитания граждан, отвечающей современным вызовам и задачам развития страны, а также социально-возрастной структуре российского общества.

Всецело солидаризируемся с авторами, обращающими внимание на необходимость глубокой и всесторонней проработки государственной политики по патриотическому воспитанию на теоретико-концептуальном уровне, включающей, прежде всего, формулирование её стратегической цели. А это, в свою очередь, зависит от понимания места и роли России во всемирно-историческом процессе – является она самобытной страной-цивилизацией, либо же ей уготована судьба периферии западного мира¹⁷. От этого будет зависеть образ Отечества как объекта патриотизма – сильная, процветающая, независимая держава, в которой созданы условия для достойной, свободной и творческой жизни людей, либо же страна, пусть и находящаяся на обочине мирового процесса, но в которой потребителю живётся сытно и уютно.

В результате проведённого анализа государственной политики по патриотическому воспитанию граждан РФ можно сделать ряд выводов и предложений.

1. В теории и практике патриотического воспитания необходимо чётко определить и официально зафиксировать, какой именно патриотизм следует культивировать.

Между тем определение патриотизма, данное в Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации, не лишено ряда недостатков (необоснованное сужение объёма понятия, эклектичность и др.). Считаем, что современная система патриотического воспитания граждан РФ должна основываться на диалектическом понимании патриотизма как совокупности трёх важнейших компонентов (патриотического сознания, патриотического отношения и патриотической деятельности) и возможных его проявлений (видов, форм).

Тем самым у различных субъектов патриотического воспитания не будет возможности руководствоваться «узким», искажённым пониманием сути патриотизма. Это позволит обеспечить в воспитательном процессе формирование всего спектра качеств патриотичной личности, включая наличие чувств и идей любви, гордости, сопричастности и ответственности за положение дел в стране, а также позитивно-деятельностное отношение к малой и большой Родине.

Ещё более важно сосредоточить усилия научного сообщества на решении задачи по выработке модели современного патриотизма, гармонично сочетающего патриотические традиции и новации и соответствующего образу будущего нашего Отечества.

2. Особое внимание следует уделить укреплению объективных основ патриотического воспитания многонационального народа Российской Федерации.

Речь идёт о создании в стране такой общественной среды (экономической, социальной, политической, духовной и т. д.), которая бы объективно способствовала единению россиян и формированию у них любви к Родине. Наиболее эффективным средством патриотического воспитания граждан являются реальные достижения страны во всех сферах общественной жизни – экономике, политике, безопасности, науке, культуре, спорте и т. д. Поэтому следует добиваться такого патриотического по своей сути процесса, как импортозамещение, не только в экономике, но и в образовании, здравоохранении, культуре, искусстве, спорте и т. д.

С этой целью необходимо выработать механизмы оценки проводимой внутренней и внешней политики РФ через призму её патриотического содержания. В перспективе подобно тому, как проводится антикоррупционная экспертиза, принимаемые нормативные правовые акты и управленческие решения следует подвергать своего рода патриотической экспертизе на соответствие интересам большой и малой Родины.

3. Акцент в патриотическом воспитании граждан следует сделать на формирование патриотизма как консолидирующего фактора через культивирование позитивных ценностей, а не посредством негативных факторов (формирование образа врага, конструирование внешней

угрозы и т. п.). В этом отношении важно показывать деятельность социальных институтов (организаций), использующих патриотическую риторику, но фактически насаждающих великодержавный шовинизм, замешанный на крайнем национализме.

4. На площадке Общественной палаты РФ целесообразно создать экспертные группы по анализу выполнения каждого из направлений (разделов) Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Это позволит обобщить опыт патриотического воспитания, накопленный профильными организациями, популяризировать лучшие практики, а также выявить имеющиеся недостатки и внести соответствующие коррективы.

При разработке проекта очередной Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» следует:

а) выработать и зафиксировать концепцию образа будущего страны, способствующего сплочению и мобилизации многонационального народа РФ;

б) особое внимание уделить организации работы в интернет-пространстве, на полях которого проводятся наиболее бурные дискуссии по патриотической проблематике.

5. Управлению Президента РФ по общественным проектам совместно с научным и экспертным сообществом необходимо:

а) обобщить материалы и предложения по укреплению духовно-нравственных основ российского общества, совершенствованию работы по патриотическому воспитанию молодежи, разработке и реализации сетевых и общественных проектов в этой области;

б) осуществить сбор и обобщение информации о позиции центральных и региональных средств массовой информации в отношении государственной политики в области патриотического воспитания.

6. Следует провести скрупулёзный анализ федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения с точки зрения их патриотического содержания и направленности.

7. Необходимо максимально использовать возможности по формированию патриотизма россиян в связи с подготовкой к 80-летию начала Великой Отечественной войны и последующим юбилейным датам сражений и подвигов, совершённых защитниками Родины.

Таким образом, необходимо укрепление теоретико-методологических основ современной государственной политики по патриотическому воспитанию россиян.

Примечания

¹ См.: Воронцов С. А., Понеделков А. В., Вилков А. А. Патриотизм как базовая ценность российского государ-

- ственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 71.
- ² См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2020. 22 июля.
 - ³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
 - ⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата обращения: 17.01.2021).
 - ⁵ См.: Вилков А. А., Колесников К. Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. С. 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2015-1-629
 - ⁶ См.: Трифонов Ю. Н. О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 250.
 - ⁷ См.: Вилков А. А. Социальная справедливость как ценностный ориентир изменений в Конституции РФ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 317. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-318-323>
 - ⁸ См.: Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации : одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопро-сам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол № 2 (12)-П4 от 21 мая 2003 года) // Красная Звезда. 2003. 5 июля.
 - ⁹ См.: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» : утв. постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 - ¹⁰ См.: Трифонов Ю. Н. Смыслы и парадоксы патриотического дискурса в современной России : политико-философский ракурс // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 90. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91>
 - ¹¹ См.: Помогаев В. В. История Зои Космодемьянской в ретроспективе патриотического воспитания // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2005. Вып. 1 (37). С. 38.
 - ¹² См.: Вилков А. А., Колесников К. Ю. Указ. соч. С. 1.
 - ¹³ См.: Кузьмин А. В., Трифонов Ю. Н. Формирование патриотизма : возможности государственной политики // Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых. 2015. Вып. 4. С. 81.
 - ¹⁴ П. Лунгин : Я перестал понимать, что означает слово «патриотизм». URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2425691-echo> (дата обращения: 17.01.2021).
 - ¹⁵ См.: А. Сокуров о диссидентах, патриотах и Санкт-Петербурге. URL: <https://pozneronline.ru/2019/07/26055/> (дата обращения: 17.01.2021).
 - ¹⁶ См.: Абрамов А. В., Волошин Р. П., Гайнюченко С. А. Патриотическое воспитание ради консолидации российского общества : проблемы, которые необходимо решить // Наука и образование : хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 39.
 - ¹⁷ Там же. С. 40.

Поступила в редакцию 07.02.2021, после рецензирования 15.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
 Received 07.02.2021, revised 15.02.2021, accepted 24.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 218–225

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 218–225

Научная статья

УДК 321.022

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-218-225>

Место и роль национально-культурных организаций в политическом пространстве саратовского приграничья

В. А. Митрохин[✉], Е. Т. Утешев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Утешев Ербулат Темербулатович, магистр политических наук, fonddostar@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние этнического фактора на постсоветском пространстве на примере Саратовской области. На материалах социологического исследования, проведенного в восьми районах региона, рассматривается деятельность национально-культурных организаций как субъектов гражданского общества и регионального политического процесса. Изучается их взаимодействие с органами власти, трудности и противоречия, возникающие в процессе реализации программ и целей национально-культурных организаций.

Ключевые слова: этнос, идентичность, государство, этнополитика, культура, национализм, интернационализм

Для цитирования: Митрохин В. А., Утешев Е. Т. Место и роль национально-культурных организаций в политическом пространстве саратовского приграничья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-218-225>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-218-225>

The place and role of national and cultural organizations in the political space of Saratov border zone

V. A. Mitrokhin[✉], E. T. Uteshev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Erbulat T. Uteshev, fonddostar@mail.ru

Abstract. The article analyzes the influence of ethnic factor in the post-Soviet space using the example of the Saratov region. On the basis of a public survey conducted in eight districts of the region, the activities of national and cultural organizations as subjects of civil society and the regional political process are considered. Their interaction with the authorities, difficulties, and contradictions arising in the process of implementing the programs and goals of national and cultural organizations are studied.

Keywords: ethnic group, identity, state, ethnic polity, culture, nationalism, internationalism

For citation: Mitrokhin V. A., Uteshev E. T. The place and role of national and cultural organizations in the political space of Saratov border zone. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 218–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-218-225>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Неизбежным следствием распада Советского Союза и разрушения макрообщности «советский народ» явилось резкое возрастание роли этнического фактора на постсоветском пространстве. Наиболее актуальна проблема этнического самосознания для полиэтнических регионов России, к которым в том числе относится Саратовская область. Здесь полиэтническая структура населения создает специфические условия воспитания, тре-

бует новых методов и подходов к его организации. Опыт нашего региона в этой сфере представляет особый интерес еще и потому, что область имеет приграничный статус и входит в так называемый «миграционный коридор Восток – Запад», являющийся транзитным для представителей стран Средней Азии, Ближнего Востока.

До недавнего времени этнополитика в Саратовском регионе осуществлялась на осно-

ве действия подпрограммы 13 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области на 2014–2020 годы» программы «Культура Саратовской области до 2020 года»¹. Цели и принципы программы сохраняют преемственность с предшествующими программными документами² и предполагают обеспечение единства народов, проживающих на территории области, укрепление этноконфессионального диалога, снижение конфликтного потенциала для укрепления общественно-политической стабильности и роста инвестиционной привлекательности области.

Подпрограмма важное место отводит использованию потенциала гражданского общества для улучшения состояния межнациональных отношений, укреплению роли национальных общественных объединений и национально-культурных автономий.

В настоящее время большинство крупных этносов Саратовской области создали национальные культурные центры, что открыло новые возможности в развитии языка, традиций, общественной деятельности³. Сегодня число национальных общественных организаций увеличилось с 12 до 35⁴. Свои национальные объединения имеют представители 21 национальной группы. Кроме этого, в регионе зарегистрировано 16 национально-культурных автономий, шесть из которых имеют региональный статус: немецкая, казахская, татарская, азербайджанская, чувашская, белорусская; десять имеют местный статус: три из них образованы представителями курдской этнической общности, по две национально-культурных автономии зарегистрировано представителями немцев, казахов и евреев, одна – представителями азербайджанцев⁵.

В Саратовской области существует Ассоциация национально-культурных объединений, которая создавалась как общественная коалиция, учрежденная следующими организациями: Курдской национально-культурной автономией, СРОО «Азербайджанское общество “Ватан”», СРОО «Грузинская община “Иверия”», СРОО «Общество представителей народов Дагеста-

на “Дагестан”», СРОО «Армянская община “Крунк”», СРОО АВП «Саратовский источник», СРОО НКЦ народов Центральной Азии «Евразия», Фондом Социально-правовой помощи иностранным гражданам. В настоящее время Ассоциация включает более 15 национально-культурных общественных организаций и оказывает юридическую помощь мигрантам, беженцам, вынужденным переселенцам. Она принимает активное участие в разработке региональной нормативной базы, регулирующей межнациональную сферу, в координационных советах различных уровней, проводит национальные праздники, конференции, круглые столы.

Проведенное нами социологическое исследование показало, что целью функционирования различного рода ассоциаций и организаций национального толка является наиболее полная реализация интересов и потребностей, которые возникают у представителей этнических общностей⁶. Результаты опроса вполне согласуются с выводами наших коллег, утверждающих, что интересы этнических сообществ лежат в сфере всестороннего вовлечения их представителей в социокультурное пространство региона, а также сохранения культуры, языка и традиций⁷.

Характеризуя влияние поколенческой идентичности на оценку роли национально-культурных объединений в районах области (табл. 1), отметим: представители старшего поколения чаще других подчеркивали, что они активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры (50,1% против 44,7% в среднем по выборке). Это – самый распространенный ответ среди опрошенных. На втором месте – указание на то, что всем этим занимается администрация (21,0%). Чаще других на этом настаивали представители молодежи (36,0%) и среднее поколение (21,5%); 17,5% жителей, особенно молодежь (21,4%) и старшее поколение (18,6%), полагают, что центры играют большую роль в воспитании интернационализма. Большое значение таких центров в пропаганде гражданской общероссийской идентичности подчеркивают 8,3% опрошенных, особенно среднего возраста (11,0%).

Таблица 1

Влияние поколенческой идентичности на оценку роли национально-культурных центров в районе, % по поколениям

Роль национально-культурных центров в районе	Поколения			По выборке
	молодежь	среднее	старшее	
Активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры	38,9	42,5	50,1	44,7
Играют большую роль в воспитании интернационализма	21,4	15,5	18,6	17,5
Пропаганда гражданской общероссийской идентичности	3,1	11,0	6,9	8,3
Всем этим занимается местная администрация	36,1	21,5	13,5	21,0
Не знаю про такие центры	0,5	9,1	10,9	8,4
Нет национально-культурных центров	–	0,4	–	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Некоторые (0,1%), особенно представители среднего поколения (0,4%), уверены, что таких национально-культурных центров нет вообще.

Гендерный анализ показал следующее (табл. 2): мужчины чаще женщин полагают, что национально-культурные центры в районе активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры (45,8% против 42,4% среди женщин); они больше уверены, что эти центры пропагандируют гражданскую общероссийскую идентичность (9,1% против 7,9% среди женщин), или признавались, что про такие центры они ничего не знают (9,1% против 7,9% среди женщин). О том, что национально-культурные центры играют большую роль в воспитании интернационализма, чаще говорили женщины (21% против 15% среди мужчин); они же чаще отмечали, что этими вопросами занимается местная администрация (21,8% против 21,0% среди мужчин), а также только они полагают, что таких центров в их районе нет (0,4%)

Анализ территориальности показал (табл. 3), что чаще других высокую оценку роли национально-культурных центров в районе в активном сохранении и развитии национальной культуры

давали жители Алгайского (73,4%), Питерского (51,6%), Перелюбского (49,8%) и Новоузенского (48,2%) районов. Ниже всего выполнение этой функции центрами оценили жители Дергачевского района (33,0%). О воспитании этими структурами интернационализма чаще других говорили жители Краснокутского (37,5%), Ершовского (33,0%), Перелюбского (23,5%) и Новоузенского (20,2%) районов. Меньше всего так думает население Озинского района (13,9%).

О пропаганде в этих центрах гражданской общероссийской идентичности чаще других говорили жители Озинского (17,5%), Ершовского (13,3%), Перелюбского (12,4%), Питерского (9,6%), Новоузенского (9,3%) районов. В Краснокутском районе так не думает никто. В том, что эти функции центров выполняет местная администрация, больше других уверены жители Озинского (34,2%), Дергачевского (25,4%), Краснокутского (25,0%) районов. Меньше всего так думают алгайцы (6,4%). В Дергачевском районе больше оказалось тех, кто ничего не знает про эти центры (15,6%), а в Озинском районе больше других полагают, что таких центров нет (0,5%).

Таблица 2

Влияние гендерной идентичности на оценку роли национально-культурных центров в районе, % по полу

Роль национально-культурных центров в районе	Пол		По выборке
	мужской	женский	
Активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры	45,8	42,4	44,7
Играют большую роль в воспитании интернационализма	15,0	21,0	17,5
Пропаганда гражданской общероссийской идентичности	9,1	7,9	8,3
Всеим этим занимается местная администрация	21,0	21,8	21,0
Не знаю про такие центры	9,1	6,5	8,4
Нет национально-культурных центров	–	0,4	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Влияние места проживания на оценку роли национально-культурных центров в районе, % по районам

Район проживания	Роль национально-культурных центров в районе						Итого
	активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры	играют большую роль в воспитании интернационализма	пропаганда гражданской общероссийской идентичности	занимается местная администрация	не знаю про такие центры	нет национально-культурных центров	
Дергачевский	33,0	17,6	8,1	25,4	15,6	0,3	100,0
Алгайский	73,4	15,2	4,3	6,4	0,7	–	100,0
Перелюбский	49,8	23,5	12,4	11,1	3,2	–	100,0
Озинский	33,9	13,9	17,5	34,2	–	0,5	100,0
Питерский	51,6	17,3	9,6	21,5	–	–	100,0
Ершовский	39,9	33,0	13,3	10,8	3,0	–	100,0
Краснокутский	37,5	37,5	–	25,0	–	–	100,0
Новоузенский	48,2	20,2	9,3	19,2	3,1	–	100,0
По выборке	44,7	17,5	8,3	21,0	8,4	0,1	100,0

Представители разных этнических групп указали на высокую оценку роли национально-культурных центров в активном сохранении и развитии национальной культуры (табл. 4). Так думают все представители мордовской, курдской национальности, большинство чеченцев (76,5%), евреев (71,4%), чувашей (60,9%), башкир (54,1%), татар (53,4%). Реже всего так думают азербайджанцы (12,5%).

О том, что эти центры имеют важное значение для воспитания интернационализма, чаще других говорили корейцы (42,9%), украинцы (29,9%), евреи (28,6%), казахи (27,9%) и татары (27,7%). Выполнение этой функции данными центрами полностью игнорируют все представители мордвы, белорусы, армяне, курды, чеченцы.

Функцию центров по пропаганде гражданской общероссийской идентичности больше других оценили чувашаи (13,0%), азербайджанцы (12,5%), казахи (11,6%).

Тот факт, что этим занимается местная администрация, чаще других отмечали белорусы (75,0%), армяне (60,0%), украинцы (31,2%) и русские (23,0%). Меньше всего эту позицию разделяют чеченцы (8,8%).

О том, что им неизвестна деятельность таких центров, заявляли 62,5% азербайджанцев, каждый пятый башкир (20,4%), 14,3% корейцев, 13,0% чувашей и 10,3% русских жителей. Утверждали, что таких центров нет, только казахи (0,2%).

Важным направлением работы национальных организаций Саратовской области является развитие и популяризация национальной культуры. Во многих районах и городах области стало традицией отмечать национальные праздники, чествовать ветеранов, собирать музейные материалы. Вся эта работа, способствующая взаимообогащению культур и взаимопониманию в обществе, в значительной степени направляется лидерами районных отделений центров: Александрово-Гайский район – Е. С. Бажиков, Краснокутский – К. Канапин, А. Джумалиев, Пугачевский – В. С. Исмаков, Марксовский – Т. Дикисов, Энгельский – З. К. Дузбулатова, Советский – А. М. Смирнов, Дергачевский – К. И. Игликов и др. Усилиями этих людей, а также энтузиазмом и неформальным отношением к любимому делу активистов-сподвижников поддерживается яркая жизнь общественных организаций. Все они так или иначе активно участвуют в межнациональных городских и областных проектах, таких как: «Формула успеха», «Возьмемся за руки друзья», «Содружество», Областной фестиваль центров национальных культур «В семье единой», в межнациональном проекте «Ворота мира» и др.

Однако, как показал опрос, при всей внешней включенности в региональную этнокультурную работу координация действий районных и областных НКО оставляет желать лучшего. Так, 71,6% опрошенных заявили, что у них нет связи с областными национально-культурными цен-

Таблица 4

Оценка роли национально-культурных центров в районе, % по этносам

Национальность	Роль национально-культурных центров в районе						Итого
	активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры	большая роль в воспитании интернационализма	пропаганда гражданской общероссийской идентичности	занимается местная администрация	не знаю про такие центры	нет национально-культурных центров	
Татары	53,4	27,7	8,0	11,0	–	–	100,0
Казахи	37,8	27,9	11,6	17,1	4,7	0,2	100,0
Русские	45,6	12,5	7,9	23,8	10,3	–	100,0
Башкиры	54,1	14,3	1,0	10,2	20,4	–	100,0
Мордва	100,0	–	–	–	–	–	100,0
Украинцы	28,6	29,9	7,8	31,2	2,6	–	100,0
Белорусы	25,0	–	–	75,0	–	–	100,0
Армяне	40,0	–	–	60,0	–	–	100,0
Курды	100,0	–	–	–	–	–	100,0
Чеченцы	76,5	–	5,9	8,8	8,8	–	100,0
Азербайджанцы	12,5	12,5	12,5	–	62,5	–	100,0
Евреи	71,4	28,6	–	–	–	–	100,0
Чуваши	60,9	13,0	13,0	–	13,0	–	100,0
Корейцы	42,9	42,9	–	–	14,3	–	100,0
По выборке	44,7	17,5	8,3	21,0	8,4	0,1	100,0

трами (табл. 5). Особенно на этом настаивала молодежь (82,0%). Однако чем старше респонденты, тем меньше уровень отрицания этой связи. Это проявляется и в уровне осведомленности о работе таких центров: 17,7% заявили, что знают о работе таких центров, но не сотрудничают с ними. Особенно это касается старшего поколения (24,4%). Иными словами, с возрастом повышается степень информированности населения о деятельности национально-культурных объединений. Только 1,1% опрошенных заявили, что сотрудничество с ними не имеет смысла.

В ходе опроса жители называли центры, которые им известны или с которыми они сотрудничают. Фонд развития спорта и казахской культуры Саратовской области «Достар» (Друзья) назвали 3,2% опрошенных. Характерно, что в 2 раза больше других его знают представители старшего поколения (7,2%). По 0,2% получили Саратовская областная общественная организация «Культурный центр “Казахстан”», Региональная Казахская автономия Саратовской области, Ассоциация казахов Поволжья.

Гендерный анализ показал (табл. 6), что мужчины чаще знают о существовании различных национальных общественных объеди-

нений, но не сотрудничают с ними (18% против 15,9% среди женщин). Они немного чаще женщин указывали на сотрудничество с этими объединениями (5,9% против 5,2% среди женщин). Женщины чаще отрицали свою связь с этими структурами (73,6% против 71,6% среди мужчин) и не видели в этом смысла (2% против 0,5% среди мужчин).

Чаще других отрицали свою связь с национальными общественными объединениями в Питерском (84,9%), Дергачевском (83,9%), Новоузенском (81,6%), Краснокутском (79,2%), Ершовском (76,6%) районах. Знающих о таких центрах, но не сотрудничающих с ними больше всего в Александрово-Гайском (28,1%), Озинском (24,2%) и Перелюбском (20,8%) районах. В Озинском (19,2%) и Перелюбском (12,0%) районах выявлены самые большие доли населения, сотрудничающие с национально-культурными центрами. Сотрудничают с Фондом развития спорта и казахской культуры Саратовской области «Достар» (Друзья) 13,2% жителей Александрово-Гайского, 1,0% Дергачевского и 0,3% населения Питерского районов. Свою связь с Саратовской областной общественной организацией «Культурный центр “Казахстан”» отметили 1,0% алгайцев,

Таблица 5

Влияние возраста на оценку связи с национально-культурными центрами, % по поколениям

Связь с областными национально-культурными центрами	Поколения			По выборке
	молодежь	среднее	старшее	
Нет, не знаю связи	82,0	77,5	59,2	71,6
Знаю, но не сотрудничаю	12,0	14,6	24,4	17,7
Да, сотрудничаем	2,2	5,9	7,1	5,8
Не вижу смысла	0,5	1,2	1,4	1,1
Фонд «Достар»	3,0	0,3	7,2	3,2
Центр «Казахстан»	–	0,3	0,2	0,2
Региональная Казахская автономия Саратовской области	–	0,1	0,4	0,2
Ассоциация казахов Поволжья	0,5	0,1	0,2	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 6

Влияние гендерной идентичности на оценку связи с национально-культурными центрами, % по полу

Связь с областными национально-культурными центрами	Пол		По выборке
	мужской	женский	
Нет, не знаю связи	71,6	73,6	71,6
Знаю, но не сотрудничаю	18,0	15,9	17,7
Да, сотрудничаем	5,9	5,2	5,8
Не вижу смысла	0,5	2,0	1,1
Фонд «Достар»	3,4	2,7	3,2
Центр «Казахстан»	0,3	0,2	0,2
Региональная Казахская автономия Саратовской области	0,3	0,2	0,2
Ассоциация казахов Поволжья	–	0,3	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0

4,1% жителей Перелюбского района сотрудничают с Региональной Казахской автономией Саратовской области, 0,2% алтайцев и 1,4% жителей Перелюбского района – с Ассоциацией казахов Поволжья. Однако именно в Перелюбском (6,8%) и Ершовском (3,0%) районах обнаружился самый высокий уровень высказываний о бессмысленности такого сотрудничества.

Самый низкий уровень знаний о возможностях сотрудничества с областными национально-культурными центрами показали практически все белорусы и армяне, 94,1% чеченцев, по 91,3% представителей мордвы и курдов, 89,7% украинцев, 87,5% азербайджанцев (табл. 7). Знают, но не сотрудничают с этими объединениями чаще других 42,9% корейцев, 28,6% евреев, 27,9% казахов, 16,2% русских. Плодотворно сотрудничают с центрами 20,1% татар, по 8,7% курдов и чувашей, 8,4% казахов, 7,1% башкир. Однако именно среди последних выявлена самая значительная доля тех, кто считает это бессмысленным (4,1%). С фондом «Достар» сотрудничают преимущественно казахи (4,9%), а также 0,7% башкир и 0,2% татар, с центром «Казахстан» – 0,5% казахов. С Саратовской региональной общественной организацией «Казахская автономия Саратовской области» сотрудничают 0,1% казахов, с Ассоциацией казахов Поволжья – 0,1% казахов, 5,1% русских, 3,1% башкир.

Было интересно выявить субъективную взаимосвязь между оценками населением социальных функций национально-культурных центров и их ощущениями своей связи с ними (табл. 8). Анализ сопряженности этих признаков показал, что чаще других не видят своей связи с этими организациями те, кто считает, что они пропагандируют гражданскую общероссийскую идентичность (8,6% против 8,3% в среднем по выборке), те кто полагает, что этим занимается местная администрация (24,7% против 21,0% в среднем по выборке), а также те, кто не знает ничего о центрах (10,4% против 8,4% в среднем по выборке).

Знают, но не сотрудничают с НКО чаще всего те, кто ценит вклад этих объединений в воспитание интернационализма (26,9% против 17,5% в среднем по выборке), и те, кто видит в центрах только пропаганду гражданской общероссийской идентичности (10,3% против 8,3% в среднем по выборке). Не видит в этом смысла каждый второй из тех, кто ценит вклад данных объединений в развитие национальной культуры и в воспитание интернационализма (31,3% против 17,5% в среднем по выборке).

Знают и сотрудничают с центрами чаще других те, кто считает, что эти объединения активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры (52,6% против 44,7% в среднем по выборке), а также те, кто видит их вклад в воспи-

Таблица 7

Оценка связи с национально-культурными центрами, % по этносу

Национальность	Связь с областными национально-культурными центрами								Итого
	нет, не знаю связи	знаю, но не сотрудничаю	да, сотрудничаю	не вижу смысла	Фонд «Достар»	Центр «Казахстан»	Региональная Казахская автономия Саратовской области	Ассоциация казахов Поволжья	
Татары	70,0	8,7	20,1	1,1	0,2	–	–	–	100,0
Казахи	52,9	27,9	8,4	2,2	4,9	0,5	0,1	0,1	100,0
Русские	74,%	16,2	3,4	0,7	–	–	–	5,1	100,0
Башкиры	70,4	9,2	7,1	4,1	0,7	–	–	3,1	100,0
Мордва	91,3	8,7	–	–	–	–	–	–	100,0
Украинцы	89,7	7,7	2,6	–	–	–	–	–	100,0
Белорусы	100,0	–	–	–	–	–	–	–	100,0
Армяне	100,0	–	–	–	–	–	–	–	100,0
Курды	91,3	–	8,7	–	–	–	–	–	100,0
Чеченцы	94,1	–	5,9	–	–	–	–	–	100,0
Азербайджанцы	87,5	12,5	–	–	–	–	–	–	100,0
Евреи	71,4	28,6	–	–	–	–	–	–	100,0
Чуваши	78,3	13,0	8,7	–	–	–	–	–	100,0
Корейцы	57,1	42,9	–	–	–	–	–	–	100,0
По выборке	71,6	17,7	5,8	1,1	3,2	0,2	0,2	0,2	100,0

Таблица 8

Влияние связи населения с областными национально-культурными объединениями на функциональную оценку их роли в районе, % по категориям связи

Роль национально-культурных центров в районе	Связь с областными национально-культурными центрами								По выборке
	нет, не знаю связи	знаю, но не сотрудничаю	да, сотрудничаем	не вижу смысла	Фонд «Достар»	Центр «Казахстан»	Региональная Казахская автономия	Ассоциация казахов Поволжья	
Активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры	42,9	44,8	52,7	50,0	58,6	100,0	100,0	50,0	44,7
Играют большую роль в воспитании интернационализма	13,3	26,9	19,4	31,3	38,0	–	–	–	17,5
Пропаганда гражданской идентичности	8,6	10,3	6,7	6,3	0,8	–	–	–	8,30
Всем этим занимается местная администрация	24,7	12,8	21,2	6,3	0,4	–	–	–	21,0
Не знаю про такие центры	10,4	5,2	–	6,20	2,3	–	–	50,0	8,4
Нет национально-культурных центров	0,1	–	–	–	–	–	–	–	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

тание интернационализма (19,4% против 17,5% в среднем по выборке). И только те, кто видит вклад центров в развитие национальной культуры, называли конкретные объединения.

Таким образом, чем больше население информировано о функциональных характеристиках деятельности национально-культурных объединений, тем больше ощущает свою связь с ними.

Анализ показал, среди тех, кто считает, что они активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры, 60,5% не ощущают своей связи с НКО (табл. 9). Можно предположить, что эти объединения, концентрируясь в областном центре, недостаточно информируют и вовлекают районное население в свои мероприятия, либо национальные ориентиры этих организа-

ций недостаточно соотносятся с потребностями других этносов. 17,1% опрошенных этой категории указали, что они знают о деятельности этих центров, но не сотрудничают с ними; 6,9% из них знают и сотрудничают с этими объединениями; 1,3% не видят в том смысла. Именно в этой категории населения чаще других называли конкретные организации – Фонд «Достар» (4,2%), Культурный центр «Казахстан», Региональную Казахскую автономию Саратовской области (по 0,5%), Ассоциацию казахов Поволжья (0,2%).

Среди тех, кто акцентировал внимание на большой роли национально-культурных центров в воспитании интернационализма, доля тех, кто не видит своей связи с ними, немного меньше (57,0%). Вместе с тем больше доля тех, кто знает об этих объединениях, хотя и не сотрудничает с

Таблица 9

Влияние функциональной оценки населением роли областных национально-культурных центров на интерпретацию своей связи с ними, % по категориям функциональной роли

Роль национально-культурных центров в районе	Связь с областными национально-культурными центрами								Итого
	нет, не знаю связи	знаю, но не сотрудничаю	да, сотрудничаем	не вижу смысла	Фонд «Достар»	Центр «Казахстан»	Региональная Казахская автономия	Ассоциация казахов Поволжья»	
Активно участвуют в сохранении и развитии национальной культуры	69,5	17,1	6,9	1,3	4,2	0,5	0,5	0,2	100,0
Большая роль в воспитании интернационализма	57,0	27,1	6,7	2,1	7,1	–	–	–	100,0
Пропаганда гражданской идентичности	73,5	20,7	4,6	0,8	0,3	–	–	–	100,0
Занимается местная администрация	83,9	9,9	5,8	0,3	0,1	–	–	–	100,0
Не знаю про центры	88,0	10,3	–	–	0,8	–	–	0,8	100,0
Нет национально-культурных центров	100,0	–	–	–	–	–	–	–	100,0
По выборке	71,6	17,7	5,8	1,1	3,2	0,2	0,2	0,2	100,0

ними (27,1%). Сотрудничающих с этими организациями 6,7%, не видящих в этом смысла – 2,1%.

Среди тех, кто выделил функцию национально-культурных центров по пропаганде гражданской общероссийской идентичности, больше других заявляли, что ничего не знают о них и не видят своей связи с ними: 0,8% не видят в этом смысла, 20,7% информированы об этом, но не сотрудничают. Только 4,6% сотрудничают и 0,3% обозначили Фонд «Достар».

Среди тех, кто полагает, что всеми этими вопросами занимается местная администрация, выявлена еще большая доля тех, кто не знает ничего об этом и не видит своей связи с объединениями (83,9%). В данной категории снижается и доля тех, кто знает об объединениях, но не сотрудничает с ними (9,9%), 0,3% не видят в этом смысла. Еще меньше тех, кто сотрудничает с национально-культурными центрами (5,8%), и 0,1% отметили Фонд «Достар». Таким образом, полностью переключивая строительство межнациональных отношений на местные органы власти, население увеличивает свою дистанцию от управления этой сферой.

Еще выше доля тех, кто не видит связи с национально-культурными центрами. Только 10% в этой категории знают про эти объединения, хотя и не сотрудничают с ними. Однако самый высокий уровень отрицания своей связи с национально-культурными центрами (100%) закономерно обнаружен в категории населения, которая настаивает, что таких центров нет.

Коэффициент сопряженности этих переменных составил 0,306 при приблизительной значимости ошибки равной 0,000, что показывает не очень сильное, но значимое влияние субъективной интерпретации специфики социальных функций на оценку населением своей связи с ними. Иными словами, у населения в разной степени развита потребность в различных функциях объединений, и исходя из этого в значительной степени они интересуются, вовлекаются в их деятельность, повышают свою информированность об этом и начинают ощущать свою связь с центрами.

Проведенное исследование показало, что национально-культурные объединения в решении острых социальных и политических проблем обладают большим потенциалом. Реальный механизм социального воздействия в форме НКО способен сформировать осознание личностной суверенности и гражданской ответственности, выработать способность к свободной кооперации с целью защиты как своих собственных этнических и личных интересов, так и потребностей малых групп, поселенческих, конфессиональных, культурных сообществ Саратовского приграничья.

Совершенно очевидно, что национально-культурные объединения имеют серьезное влияние на молодежь. Очень важно направить этот ресурс на формирование у подрастающего поколения нравственных убеждений, чувств уважения и доверия ко всем согражданам, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Важную роль в решении насущных вопросов этнокультурного и политического развития играет власть. Только при целенаправленном и согласованном взаимодействии государства и институтов гражданского общества возможна профилактика национализма, этнического экстремизма в целях сохранения единства народов и стабильного развития Российского государства.

Примечания

- 1 См.: О государственной программе Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года» : постановление Правительства Саратовской области от 20.11.2013 № 642-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467701348> (дата обращения: 01.06.2020).
- 2 См.: Об областной целевой программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2008–2010 годы : закон Саратовской области от 11.09.2007 № 166-ЗСО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933010145> (дата обращения: 07.05.2020) ; О долгосрочной областной целевой программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы : постановление Правительства Саратовской области от 18.10.2010 № 479-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933015300> (дата обращения: 07.05.2020).
- 3 См.: Уставщикова С. В. Этнический состав населения Саратовской области, расселение народов (по итогам переписи 2010 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 43–51.
- 4 См.: Национальные общественные объединения // Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <https://saratov.gov.ru/region/society/national-associations/> (дата обращения: 28.09.2020).
- 5 Там же
- 6 Социологическое исследование было проведено в восьми районах Саратовской области. Всего было опрошено 2700 человек. Работа проводилась в тесном взаимодействии с органами власти, с главами районов и муниципальных образований.
- 7 См.: Вилков А. А., Толкунов Н. С. Этнокультурная политика в Саратовской области : проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 323. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325

Поступила в редакцию 15.02.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
Received 15.02.2021, revised 20.02.2021, accepted 24.02.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 226–232

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 226–232

Научная статья

УДК 323.1

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-226-232>

Представительство башкирских национальных интересов в политическом процессе современной России: механизмы, институты, неформальные практики

В. Г. Семенова^{1✉}, О. С. Скороходова², П. Ю. Зозуля¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, д. 164

Семенова Вера Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, semenovavg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3224-5822>

Скороходова Ольга Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, olsko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5734-4507>

Зозуля Павел Юрьевич, магистрант юридического факультета направления подготовки «Политология», pavel.zozulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2001-187X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных институционализированных и неформальных практик представительства национальных интересов в политическом процессе современной России. На примере анализа процесса агрегации интересов башкирского этноса, изучения основных форм и направлений деятельности башкирских национально-культурных организаций, а также каналов лоббирования интересов республиканской политической элиты на федеральном уровне авторы приходят к выводу о серьезном диссонансе между официальным дискурсом и реальными механизмами представительства национальных интересов. Процесс политизации «этничности», начавшийся в 90-е гг. прошлого века, привел к превращению национального фактора в серьезный инструмент выстраивания отношений в системе «центр – регионы», а также к замещению интересов этносов экономическими и политическими интересами региональных национальных элит. Данное обстоятельство, в свою очередь, приводит к приоритету неинституционализированных форм представительства национальных интересов в политическом процессе.

Ключевые слова: национальная политика, национальные интересы, национальная идентичность, региональные элиты, национально-культурные организации

Для цитирования: Семенова В. Г., Скороходова О. С., Зозуля П. Ю. Представительство башкирских национальных интересов в политическом процессе современной России: механизмы, институты, неформальные практики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 226–232. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-226-232>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-226-232>

Bashkir national interests' representation within political process of modern Russia: Mechanisms, institutions, and informal practices

V. G. Semenova^{1✉}, O. S. Skorohodova², P. Yu. Zozulya¹

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Vera G. Semenova, semenovavg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3224-5822>

Olga S. Skorohodova, olsko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5734-4507>

Pavel Yu. Zozulya, pavel.zozulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2001-187X>

Abstract. The article is devoted to the study of the main institutionalized and informal practices of representation of national interests in the political process of modern Russia. By analyzing the process of aggregation of interests of the Bashkir ethnic group, studying the main forms

and activities of Bashkir national and cultural organizations, as well as the channels of lobbying the interests of the Republican political elite at the federal level, the authors conclude that there is a serious dissonance between the official discourse and the real mechanisms of representation of national interests. The process of politicization of "ethnicity", which began in the 90s of the last century, led to the transformation of the national factor into a serious tool for building relations within the "center – regions" system, as well as to the replacement of the interests of ethnic groups with the economic and political interests of regional national elites. This circumstance, in its turn, leads to the priority of non-institutionalized forms of representation of national interests in the political process.

Keywords: national policy, national interests, national identity, regional elites, national cultural organizations

For citation: Semenova V. G., Skorohodova O. S., Zozulya P. Yu. Bashkir national interests' representation within political process of modern Russia: Mechanisms, institutions, and informal practices. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 226–232 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-226-232>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В России разработан и принят целый ряд нормативных правовых актов и программных документов, регламентирующих сущность, цели и основные направления национальной политики. Основным документом выступает Стратегия национальной политики Российской Федерации до 2025 года. По сути, данный документ является ответом на политические вызовы нашего времени, механизмом обеспечения политической стабильности, поскольку со стороны законодателя на концептуальном уровне осуществляется попытка утверждения единой гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия. То есть принципы Стратегии национальной политики – это попытка ответить на вопрос, как укрепить единство и целостность при сохранении разнообразия, равноправия и представленности интересов всех этносов. Иначе говоря, суть Стратегии сводится к тому, что необходимо сохранять и поддерживать национально-культурное многообразие народов России при соблюдении единой гражданской идентичности российского народа.

Однако, как нам представляется, в данной формуле изначально содержится достаточно серьезное противоречие. Очевидно, что проблема носит многоуровневый характер. Во-первых, национальное равноправие сопряжено с разной численностью этносов, с особенностями их расселения, с их историческими условиями вхождения в состав Российского государства и проживания на этой территории. Во-вторых, не все этносы готовы заменить этничность на гражданственность в структуре своей идентичности, для многих это вопрос приоритета традиционной культуры и неработающих модернизационных схем. В-третьих, для кого-то этнический фактор превращается в спекулятивный аспект борьбы за экономические и политические ресурсы. При условии консолидации региональных элит достаточно часто национальные и региональные интересы отождествляются. Сложнее ситуация выглядит при внутриэлитных конфликтах. В силу данных обстоятельств формирование и реализация действительно эффективной национальной политики требует разного подхода к каждому конкретному случаю, а представленность национальных интересов в российском политическом пространстве является важнейшей

составляющей процесса принятия политических решений.

В Российской Федерации проживает множество народов, но не все из них обладают выраженной политической идентичностью. С формально-правовой точки зрения наибольшее представительство в политическом пространстве страны имеют народы, сохранившие со времен Советского Союза часть исторической государственности, т. е. автохтонные народы, проживающие в национальных республиках. Однако практика их существования в составе современной России показала явную разницу в реальной степени как участия, так и влияния на политический процесс. Это объясняется целым рядом факторов, в первую очередь экономических, поскольку степень региональной автономии субъекта Федерации от центра зависит, в первую очередь, от финансовой и ресурсной самодостаточности региона. Помимо этого, принципиально важны сформированная региональная идентичность и наличие активной региональной политической элиты как выразителя интересов территориально ограниченной общности людей. Естественно, когда в основе всех этих факторов лежит, помимо территориальной, еще и этническая идентичность, можно говорить о максимально возможной вариации регионализма.

Одной из таких «сильных» национальных республик в Российской Федерации традиционно считается Башкортостан. Ввиду того, что российские башкиры в основном проживают на территории Республики Башкортостан (так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., это около 72% всех представителей народа¹), можно считать, что одноименный субъект РФ выступает как основной представитель территориальных и, что принципиально, национальных интересов в существующей федеративной модели. В этом ключе исследователи традиционно рассматривают возможности представительства региональных интересов на общегосударственном уровне в русле как формальных, так и неформальных практик².

На официальном уровне региональные национальные интересы представлены в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, который можно считать «палатой регионов». Принцип его формирования устанав-

ливаает абсолютное равенство региональных национальных интересов, так как каждый субъект Федерации делегирует по два представителя независимо от численности населения или каких-то иных обстоятельств. Республику Башкортостан представляют И. И. Ялалов (входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 38-м месте, по данным 2019 г.) и Л. С. Гумерова (Председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре; входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 48-м месте, по данным 2019 г.)³.

Более информативным с точки зрения оценки политического веса представительства региональных интересов может стать анализ состава депутатского корпуса Государственной Думы РФ. Сразу отметим, что для регионов наиболее предпочтительна смешанная избирательная система на выборах в парламент страны, так как она гарантирует депутатские места по одномандатным избирательным округам. На данный момент в ГД РФ представлены 15 депутатов от Республики Башкортостан, из которых 6 человек – одномандатники, остальные избраны по партийным спискам. Депутатов-инкубентов 6 человек, из них четверо – члены «Единой России», один представитель партии КПРФ – Александр Ющенко (пресс-секретарь Г. А. Зюганова и ЦК партии; входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 67-м месте, по данным 2019 г.) и один представитель от ЛДПР – Иван Сухарев (до избрания возглавлял Коллегию адвокатов Башкирии; входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 76–78-м местах, по данным 2019 г.). От «Единой России» в новый созыв прошли Павел Качкаев (мэр Уфы до 2011 г.; входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 20-м месте, по данным 2019 г.), Загура Рахматуллина (бывший вице-премьер правительства Башкирии; входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 82–85-м местах, по данным 2019 г.), Рафаэль Марданшин (бизнесмен; входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 49–50-м местах, по данным 2019 г.) и спортсменка Рима Баталова (входит в топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана на 60–66-м местах, по данным 2019 г.)⁴. Депутат-одномандатник Рифат Шайхутдинов являлся представителем партии «Гражданская платформа» и в составе Госдумы не входит ни в одну из фракций.

Во фракцию «Единой России» входят еще шесть депутатов, избранных по партийным спискам: телеведущая Инга Юмашева, глава регионального исполкома партии Рамзил Ишсарин, помощник главы Башкирии Фарит Ганиев, руководитель башкирского Управления федеральной службы судебных приставов Зариф Байгускаров, мэр Стерлитамака Алексей Изотов, член Госсовета Башкирии Михаил Бугера.

Очевидно, что наибольшие шансы имеют те регионы, в которых создано большое число округов и сосредоточено большое число избирателей ведущих партий. В этом смысле Башкортостан традиционно имеет весьма хороший потенциал. Таким образом, республика относится к наиболее крупным регионам в составе страны с точки зрения количественного представительства одномандатников (наряду с Москвой, Московской областью, Санкт-Петербургом, Краснодарским краем, Ростовской, Свердловской, Нижегородской областями) и лидирует по этому показателю среди национальных республик России.

Безусловно, политический вес и представленность национальных интересов определяются не столько численным представительством внутри депутатского корпуса, сколько возможностью формирования региональных лобби. Если учитывать такой фактор, как представленность депутатов от региона в руководящих структурах парламента, то лоббистский потенциал региональных групп возрастает. На данный момент четыре башкирских депутата из действующего созыва занимают должности первых заместителей и заместителей профильных комитетов⁵, что позволяет сделать вывод о теоретически неплохих, по сравнению с большинством субъектов Федерации, возможностях продвижения региональных интересов⁶.

Если рассматривать такой показатель, как количество законопроектов, внесенных законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации в Государственную Думу действующего созыва, то Курултай Республики Башкортостан проявляет высокую активность в этом направлении – 62 законопроекта, занимая 3-е место после Самарской губернской Думы (87 законопроектов) и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (68 законопроектов)⁷. Таким образом, можно считать, что представители башкир стараются по максимуму использовать потенциал продвижения своих интересов в законодательной ветви власти страны.

Региональное влияние в федеральной исполнительной власти, как правило, оценивается в контексте неинституционального подхода, подразумевающего анализ неформальных практик в политических отношениях. С этой позиции аналитики обращают внимание на федеральных чиновников – выходцев из конкретных регионов Российской Федерации. В отношениях между центром и регионами формируются вертикально интегрированные клиентелы⁸. Применительно к опыту Башкирии наиболее ярким примером можно считать карьеру Радия Хабирова, с 2009 по 2016 г. работавшего в Администрации Президента РФ, а в 2017–2018 гг. возглавляющего г. Красногорск Московской области⁹. Применительно к данному кейсу исследователями используется термин «феномен красногор-

ских»¹⁰, к которым также относят Ростислава Мурзагулова – журналиста и политтехнолога. В упомянутом уже рейтинге «Топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана по данным 2019 года» он занимает 3-е место и ныне является председателем Общественной палаты Республики Башкортостан и председателем совета директоров «Башинформ»¹¹. Также к команде «красногорских» эксперты относят Рината Баширова (4-е место рейтинга), имеющего опыт работы в Администрации Президента РФ и Рустема Ахмадинурова (6-е место рейтинга) – главу исполкома регионального отделения «Единой России» в Башкирии. Члены этой «команды» – выходцы из Башкортостана, и можно считать, что опыт работы в Красногорске был управленческим тренингом для развития их дальнейшей политической карьеры. Радий Хабиров «привел» с собой в республику и других чиновников с московским и подмосковным прошлым, что можно считать примером своеобразного обогащения региональной клиентелы за счет профессионалов иного территориального происхождения.

Еще одним «сильным» представителем республики можно назвать Тимербулата Каримова – предпринимателя, главу г. Плес (Ивановская область), члена совета директоров ЗАО «Русская медная компания», исполнительного директора, председателя Правления ПАО «НК Роснефть»¹². По итогам рейтинга Топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана за сентябрь 2020 года он занимает 13–15-ю позиции¹³.

В контексте российской региональной политики исследователями упоминается феномен «регионального фаворитизма», предполагающий смещение регионального баланса в пользу отдельных субъектов Федерации по отношению к остальным. Это находит отражение, например, в практике финансирования регионально ориентированных федеральных целевых программ (ФЦП). В 2000-е гг. число регионально ориентированных ФЦП в России существенно сократилось. На этом фоне исключение составили Татарстан и Башкирия, по которым были приняты индивидуальные ФЦП (центр согласился компенсировать этим регионам «потери» от отмены особого порядка межбюджетных отношений, при котором эти республики почти ничего не платили в федеральный бюджет). Более половины средств регионально ориентированных ФЦП было направлено именно в эти два региона. В 2004 г. Башкирия получила 7,4 млрд руб., в 2005 г. – 6,2 млрд руб. Анализ материалов сайта Федеральных целевых программ России подтверждает, что Республика Башкортостан получала финансирование по этой линии вплоть до 2007 г., т. е. четыре года подряд¹⁴. Именно в этот период можно было говорить о поддержке и так «богатых» регионов. Впоследствии приоритеты центра среди российских регионов несколько изменились, например, свои коррективы внесло

присоединение Республики Крым в 2014 г. Хотя, например, такой показатель, как распределение федеральных субсидий на реализацию государственной национальной политики, свидетельствует о том, что в 2020 г. Республика Башкортостан получила наибольшую, по сравнению с другими субъектами Федерации, сумму от Федерального агентства по делам национальностей – 16,6 млн руб.¹⁵

Еще одним каналом трансляции национальных интересов на уровень политической власти являются разнообразные национальные организации. Это могут быть национально-культурные автономии как особый вид общественного объединения, деятельность которых регулируется специальным федеральным законом¹⁶, диаспорные организации, народные съезды и т. д. Не ставя перед собой задачи подробного анализа нормативных, организационных, функциональных и иных различий данных объединений, отметим весьма широкое представительство башкирских национальных интересов в современном российском гражданском секторе.

Превалирующей формой организации башкирских национальных интересов выступают курултай. Это традиционная для тюркских народов форма этнической самоорганизации. Вообще такая форма представительства национальных интересов, как «съезды народов», не только предполагает территориальную автономию, но и позволяет осуществлять лоббистскую и пропагандистскую деятельность¹⁷. Одним из таких регулярно работающих «съездов народов» можно считать Всемирный курултай башкир.

Всемирный курултай башкир имеет корни из глубины веков, но в своем современном виде возродился только с 1995 г., когда после распада СССР в России появилась возможность для образования различных общественных институтов, в том числе и национальных. На сегодняшний день Всемирный курултай башкир объединяет более 140 национально-культурных общественных организаций, среди которых 70 курултаев башкир муниципальных образований Республики Башкортостан, 38 региональных курултаев, организованных в разных субъектах Российской Федерации, а также 20 зарубежных – из Австрии, Латвии, Литвы, Германии, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и других стран, которые активно работают по сохранению культуры, языка и традиций башкирского народа¹⁸. Можно отметить тенденцию к расширению своего географического представительства данной организации. В 2019 г. появились новые национальные объединения башкир в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Швеции, Финляндии, Удмуртской Республике и Владимирской области.

К настоящему моменту состоялось уже пять больших конгрессов, на которых поступательно выработывалась стратегия развития башкирского народа. В ходе последнего конгресса в июне

2019 г. эксперты организации приступили к разработке долгосрочной (20–30 лет) «Стратегии развития башкирского народа»¹⁹. Принципиально важно то, что данный документ находится в режиме открытого доступа, любое заинтересованное лицо может предлагать свои идеи, темы для обсуждения и правки к уже существующим положениям. Публично обозначенная цель разработки Стратегии – определение приоритетов развития башкирского народа на долгосрочный период и консолидация башкирского общества. Приоритеты Всемирного курултая башкир неизменны – сохранение родного языка и самобытной культуры, своих национальных корней и самосознания, консолидация башкирского народа, всемерное содействие социальному и духовно-культурному развитию башкир, независимо от места их проживания.

Привлечение максимально широкого круга экспертов и заинтересованных лиц, публичное обсуждение национальных проблем и перспектив развития, с нашей точки зрения, свидетельствуют о сильной национальной идентичности, стремлении усилить свои позиции как с политической, общественной и культурной, так и с экономической точек зрения. При этом данные процессы должны проходить в рамках, что очень важно, единого ценностно-идеологического, правового и территориального поля Российской Федерации. А. Г. Осипов характеризует Всемирный курултай башкир как явно республиканскую проправительственную общественную организацию, поскольку в организационный комитет входят многие крупные чиновники Башкортостана – республиканского и муниципального значения²⁰. Имеются также представительства в двух крупнейших городах России – Москве и Санкт-Петербурге. Согласно официальным источникам, финансирование деятельности осуществляется на основе постоянных спонсорских пожертвований, однако также прослеживается постоянная помощь со стороны власти в виде административного ресурса по инфраструктурным вопросам.

Заявленными ключевыми направлениями работы Всемирного курултая башкир являются консультирование органов власти по профилю деятельности, мероприятия пропагандистского и культурно-просветительского характера. Согласно информации, размещенной на официальном сайте Всемирного курултая башкир, 2020 год был объявлен Годом башкирского языка, разработан комплекс проектов и программ, направленных на сохранение культуры и традиций башкир в республике, России и в мире. Организация наряду с общественными функциями выполняет роль научно-экспертного центра, разрабатывает стратегию развития башкирского народа.

На сайте Всемирного курултая башкир опубликована информация о том, что по состоянию на 2019 г. примерно 26% башкир проживают за пределами Республики Башкортостан, наибо-

лее компактно – в Челябинской, Оренбургской, Свердловской, Курганской, Самарской, Саратовской областях, в Пермском крае²¹. В настоящий момент башкирские общественные национальные организации зарегистрированы в 38 субъектах Российской Федерации²². Но фактическое количество самих организаций гораздо больше, так как на территории одного региона могут функционировать сразу несколько подобных национальных объединений башкир. Разумеется, основной формой этнической организации башкир на уровне регионов являются именно традиционные курултай. Так, например, постоянно действующие ячейки Всемирного курултая башкир работают в Челябинской (Челябинская общественная организация «Курултай башкир “Курай”»), Свердловской (Курултай башкир Свердловской области), Пермской (Пермский региональный курултай башкир), Оренбургской (Общественное движение «Оренбургский областной курултай башкир “Караван-Сарай”»), Самарской (Курултай башкир Самарской области), Саратовской (Курултай башкир Саратовской области), Курганской (Курултай башкир Курганской области) областях, республиках Удмуртия (Курултай башкир Удмуртии), Марий Эл (Общественная организация «Курултай башкир г. Йошкар-Ола»), в Ямало-Ненецком автономном округе (Региональная общественная организация НКА «Курултай башкир ЯНАО»), Приморском крае (Приморская краевая общественная организация «Курултай (конгресс) башкир») и т. д.

Причем во многих из этих регионов действуют не только региональные, но и муниципальные курултай в отдельных крупных городах. Так, на территории Курганской области насчитывается 8 курултаев башкир, в Оренбургской и Свердловской областях – по 17 национально-культурных башкирских организаций, в Челябинской области – 32 национально-культурных башкирских объединения²³. Объясняется это серьезным численным представительством башкирского народа на сопредельных с Башкортостаном территориях, а также их традиционным компактным расселением в рамках определенных районов, городов и поселков. Башкиры, подобно многим этническим группам, стараются поддерживать родоплеменные отношения, создают свои школы и устраивают собрания по интересам, где обсуждаются вопросы общины.

Интересно, что формат национально-культурной автономии, несмотря на всеобщую распространенность у других этносов, не так популярен именно у башкир. Хотя 4 декабря 2019 г. в Уфе состоялся учредительный съезд Федеральной национально-культурной автономии башкир России, где был образован Совет организации, в который вошли председатели региональных национально-культурных автономий башкир, известные башкирские общественники, представители культуры. Председателем организации

была избрана сенатор от Республики Башкортостан Лилия Гумерова. 1 июля 2020 г. Министерством юстиции Российской Федерации ФНКА башкир была зарегистрирована в Едином государственном реестре юридических лиц²⁴. Очевидно, что данная организация, имея серьезный лоббистский потенциал в лице председателя, будет органично встроена в существующую систему взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества. Подтверждением этому может служить тот факт, что различные проекты данной организации, несмотря на небольшой срок существования, регулярно становятся победителями различных программ государственных грантов. В 2020 г. проект «Лаборатория современной башкирской оперы» стал победителем конкурса грантов, направленных на сохранение и развитие государственных языков народов Башкортостана²⁵, в 2021 г. Национально-культурная автономия башкир – Курултай (конгресс) башкир Республики Татарстан, являющаяся составной частью Федеральной национально-культурной автономии башкир России, получила грант Президента Российской Федерации на реализацию социального проекта «Здоровый ЭтноSTYLE»²⁶.

Очевидно, что Федеральная национально-культурная автономия башкир России объединила под своей эгидой региональные и местные национально-культурные автономии башкир, предоставив им свои финансовые, организационные и информационные ресурсы, минимизируя, таким образом, поддержку оппозиционных или экстремистских взглядов на местах. Впрочем, и до этого отличительной особенностью башкирских национально-культурных объединений являлось то, что все они были настроены на конструктивный диалог с властью и официально не видели себя вне правового поля Российской Федерации. Однако заметим, что в Республике Башкортостан действуют и альтернативные неправительственным организации, наличие которых, по мнению ряда экспертов, является свидетельством внутриэлитной борьбы за власть и влияние в определенных сферах. В данном контексте стоит упомянуть, например, существовавшую с 2014 г. общественную организацию «Башкорт». 22 мая 2020 г. Верховный суд Башкирии признал ее экстремистской и приостановил ее деятельность. Прокуратура республики обвиняла организацию в экстремистской деятельности, так как, по ее заявлению, в организации присутствовало разделение на «своих» (башкир) и «чужих» (русских). Более того, некоторые эксперты из Башкортостана заявляли о несоответствии деятельности организации традициям башкир²⁷. Хотя одной из причин ликвидации данной организации могло стать участие в организации серии протестных митингов по отношению к главе республики Рустэму Хамитову и в защиту башкирского языка.

Необходимо отметить, что среди башкирских национально-культурных организаций достаточно немногие имеют ярко выраженный религиозный характер, в основном их деятельность сосредоточена вокруг именно культурно-бытовых, сугубо национальных вопросов. Хотя, безусловно, исторически башкирская национально-культурная идентичность сформировалась также под влиянием ислама. Тем не менее, есть и религиозные организации, например, Религиозное мусульманское объединение мечети «Караван-Сарай» в г. Оренбург и десятки других культовых мусульманских объектов в Республике Башкортостан. Однако, несмотря на принудительную секуляризацию населения в советский период, позиции ислама среди башкирского народа не обрели яркой политической окраски в настоящее время, хотя религиозные организации существуют, известные башкирские религиозные общественные деятели ведут просветительскую работу в мечетях и глобальной сети Интернет.

В последние десятилетия достаточно популярной формой организации национально-культурных интересов башкир становятся культурные центры, национально-культурные комплексы, национальные музеи и библиотеки, т. е. процесс мобилизации этнических интересов достаточно продуктивно идет на уровне функционирования гражданского общества. Подобные инициативы всегда имеют поддержку со стороны местных и региональных властей, встроены в реализацию региональной национальной политики, соответствуют общему курсу государственной национальной политики, создают официальное поле для продуктивного диалога, обсуждения и отстаивания национальных интересов.

Подводя итоги, следует, однако, отметить, что внушительное количество различных национальных организаций не является гарантией серьезного политического представительства того или иного этноса в публичной политике. Подобные структуры – лишь инструмент артикуляции интересов определенных групп в политической системе. Основными политическими ресурсами традиционно составляют неформальные практики продвижения интересов, национально обусловленный клиентелизм, лоббизм в федеральных органах власти, личные связи ключевых политических акторов, собственно, все то, что принято именовать «реальной политикой».

Примечания

- 1 См.: Изменение численности населения России. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.12.2020).
- 2 См.: Туровский Р. Ф. Центр и регионы : проблема политических отношений. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 15–44.

- 3 См.: Топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана (апрель 2020 года). URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1201> (дата обращения: 17.12.2020).
- 4 См.: Депутаты Госдумы от Башкирии : старые и новые лица. URL: <https://www.rbc.ru/ufa/23/09/2016/57e4f0729a7947f6bebe0f04> (дата обращения: 20.12.2020).
- 5 П. Р. Качкаев – заместитель председателя Комитета по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству, Р. М. Марданшин – заместитель председателя Комитета по государственному строительству и законодательству, И. К. Сухарев – первый заместитель председателя Комитета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, А. А. Ющенко – заместитель председателя Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи.
- 6 См.: *Туровский Р. Ф.* Указ. соч.
- 7 См.: О работе Государственной Думы текущего созыва над законопроектами, внесенными законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/stat/subrfall> (дата обращения: 20.12.2020).
- 8 См.: *Туровский Р. Ф.* Указ. соч.
- 9 Радий Хабиров. Биография // Глава Республики Башкортостан : [сайт]. URL: <https://glavarb.ru/rus/habirov/biografiya/> (дата обращения: 21.12.2020).
- 10 См.: Топ-100 элиты Башкирии : феномен «красногорских», фактор первой леди и неожиданный «камырбатыр». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/137691-top-100-elity-bashkirii> (дата обращения: 21.12.2020).
- 11 См.: Общественная палата Республики Башкортостан : [сайт]. URL: <https://op.bashkortostan.ru/about/structure/0/worker/7063/> (дата обращения: 21.12.2020).
- 12 См.: Каримов Тимербулат Олегович. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/karimov-timerbulat-olegovich> (дата обращения: 21.12.2020).
- 13 См.: Топ-100 административной и деловой элиты Башкортостана за сентябрь 2020 года. URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1527> (дата обращения: 21.12.2020).
- 14 См.: Федеральные целевые программы России. URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/1/2019> (дата обращения: 21.12.2020).
- 15 См.: *Амелин В. В.* Национальная политика и межэтнические отношения в Оренбуржье: состояние и перспективы // Десятые Большаковские чтения: Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург : ОГПУ, 2020. Т. 1. С. 91–96.
- 16 См.: О национально-культурной автономии : федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (с изм. на 4 ноября 2014 г.) // Российская газета. 1996. 25 июня.
- 17 См.: *Осинов А. Г.* Автономия, представительство, участие : феномен «съездов народов» России // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 4. С. 111–131.
- 18 См.: Официальный сайт Всемирного Курултая (конгресса) башкир. URL: https://kurultai.ru/ru/page/organizaciya_4/ (дата обращения: 20.10.2020).
- 19 См.: Стратегия развития башкирского народа. URL: <http://strategy.bashkort.org/ru> (дата обращения: 13.05.2020).
- 20 См.: *Осинов А. Г.* Указ. соч. С. 130.
- 21 См.: Официальный сайт Всемирного Курултая (конгресса) башкир.
- 22 См.: Курултай, башкирские общественные организации в субъектах РФ. URL: <https://kurultay-ufa.ru/ru/18-2/> (дата обращения: 15.05.2020).
- 23 Там же.
- 24 См.: Федеральная национально-культурная автономия башкир будет способствовать реализации Стратегии национальной политики России. URL: <http://council.gov.ru/events/news/118033/> (дата обращения: 24.12.2020).
- 25 См.: Состоялось первое заседание Федерального Совета Федеральной национально-культурной автономии башкир России. URL: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/292307/> (дата обращения: 24.12.2020).
- 26 См.: Проект Федеральной национально-культурной автономии башкир получил грант Президента России. URL: <https://kulturarb.ru/ru/news/proekt-federalnoj-nacionalno-kulturnoj-avtonomii-bashkir-poluchil-grant-prezidenta-rossii> (дата обращения: 24.12.2020).
- 27 См.: «Башкорт» признали экстремистским согласно традициям. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4355087> (дата обращения: 23.05.2020).

Поступила в редакцию 17.02.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
Received 17.02.2021, revised 20.02.2021, accepted 24.02.2021

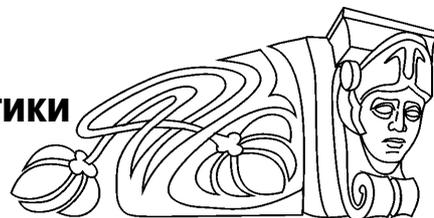

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 233–237
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 233–237

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-233-237>

Приоритеты внешней культурной политики современной Испании

М. В. Пупышева

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, строение 1

Пупышева Мария Владимировна, соискатель кафедры политологии, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, pupysheva.maria@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9565-7333>

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты реализации внешней культурной политики Испании. На основе отечественных и зарубежных исследований, а также официальных документов анализируются особенности и слабые места внешней культурной деятельности Испании и делается вывод о направлениях ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: внешняя культурная политика, внешняя культурная деятельность, Испания, Иberoамерика

Для цитирования: Пупышева М. В. Приоритеты внешней культурной политики современной Испании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 233–237. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-233-237>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-233-237>

Priorities of the foreign cultural policy of modern Spain

M. V. Pupysheva

Moscow State Linguistic University, 38, build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Maria V. Pupysheva, pupysheva.maria@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9565-7333>

Abstract. The article covers theoretical and practical aspects of implementing foreign cultural policy by Spain. Drawing on various studies (both Russian and foreign ones) and official documents, the specific nature of the foreign cultural activity of Spain is analyzed and a conclusion is made about potential lines of its further development.

Keywords: foreign cultural policy, foreign cultural activity, Spain, Iberoamerica

For citation: Pupysheva M. V. Priorities of the foreign cultural policy of modern Spain. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 233–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-233-237>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Значимость культурного компонента внешнеполитической деятельности современных государств усиливается ввиду нарастающей глобальной взаимозависимости, обуславливающей одновременно необходимость поддержания национальной идентичности. Связанная с концепцией «мягкой силы», внешняя культурная политика создает нематериальные результаты, но они могут сыграть решающее значение для международного проецирования страны. На сегодняшний день данный термин понимается шире, чем «политизация культуры», и видится как использование культурного наследия с целью создания благоприятных условий для внешней политики.

Такую активность наращивает современная Испания, обладающая богатым культурным наследием и транслирующая его. Испания является ядром ибероамериканского мира и поборником испанофонии.

Внешняя культурная политика Испании как явление и понятие

Испанию нельзя назвать пионером в области разработки внешней культурной политики: в то время как другие страны Европы запускали свои международные проекты по распространению культуры, такие как Фонд Гумбольдта (1860),

Альянс Франсез (1883) или Британский Совет (1934), ее аналогичные действия были скудны и фрагментарны вплоть до середины XX в. Консолидацию внешней культурной политики можно выявить лишь с момента перехода страны к демократии в 1976 г. Однако многие идеи так и не были до конца реализованы в связи с неустоявшимися приоритетами внешней политики Мадрида в периоды правления Народной и Рабочей социалистической партий. Последние годы также не стали исключением.

Термин же «внешняя культурная политика» вошел в научный оборот лишь в конце XX в. Отечественные исследователи определяют внешнюю культурную политику как государственную стратегию по продвижению культуры и языка за рубежом для создания благоприятного восприятия страны в мире, а также в качестве инструмента для эффективной реализации внешнеполитического курса¹.

По мнению испанских исследователей, внешняя культурная деятельность основывается на продвижении индустрии культуры и отдельных ее деятелей, в то время как международное продвижение культуры имеет прямое влияние на восприятие страны и ее внешнеполитический вес². Анализ официальных документов МИД Испании показывает, что внешняя культурная политика страны основывается на пяти осях: 1) культурная проекция и деятельность за рубежом для создания имиджа страны, основанного на ее культурном превосходстве; 2) международное культурное сотрудничество, понимаемое как средство обмена и взаимного признания; 3) культурная деятельность как стратегия закрепления на стратегически важных территориях через программы сотрудничества в целях развития; 4) международное академическое и научное сотрудничество; 5) укрепление международных культурных связей.

Термин «внешняя культурная деятельность», обозначающий культурную активность Испании, направленную на зарубежные страны, был узаконен в начале 2011 г. с принятием «Национального плана внешней культурной деятельности» (РАСЕ). Документ предусматривал четыре приоритетных направления внешней культурной политики: сохранение культурного наследия и многообразия, интернационализацию испаноязычной культурной индустрии, развитие межкультурного диалога и дальнейшую поддержку культурного сотрудничества³. Основными целями Плана стали продвижение испанской культуры и языка за рубежом как ключевого экономического и политического актива страны, создание условий для актуализации образа страны в мире путем присутствия представителей Испании на авторитетных международных мероприятиях, а также использование культурной деятельности как ключевого фактора сотрудничества в целях развития.

После прихода к власти лидера Народной партии Мариано Рахоя в декабре 2011 г. реали-

зация Плана была приостановлена. Вместо него 25 марта 2014 г. был принят закон о «Внешней деятельности и государственной дипломатической службе»⁴, ст. 25 которого устанавливает в качестве целей внешней культурной политики продвижение, интернационализацию и сотрудничество в области культуры *на основе внешнеполитических интересов страны*. Данная стратегия должна не только соответствовать целям Испании в рамках существующих европейских и ибероамериканских договоренностей, но и ее отраслевые и географические приоритеты должны соответствовать приоритетам внешнеполитической стратегии страны в целом. Таким образом, внешняя культурная деятельность должна была строиться на следующих установках:

- ее главная цель как инструмента внешней политики – подтверждение и организация присутствия нации на мировой арене;

- будучи не только инструментом политического влияния, она должна служить инструментом для экономического толчка, связанным с брендом страны и с сотрудничеством в рамках политики развития;

- это также инструмент в политике безопасности. Считается, что интересы Испании на международной арене будут лучше защищены, если действия международных организаций будут основываться на общих ценностях и культурном коде.

После коррупционного скандала и ухода Рахоя главой правительства становится лидер Рабочей социалистической партии Испании Педро Санчес, который объявляет о возобновлении РАСЕ. В рамках Плана были определены 11 приоритетных стран: США, Великобритания, Германия, Марокко, Португалия, Франция, Россия, Япония, Китай, Мексика и Куба⁵. Такой выбор соответствует внешнеполитическим интересам страны, заявленным в «Стратегии внешнеполитической деятельности», принятой в 2014 г. Тем не менее, исследователи⁶ выделяют *четыре приоритетных направления*, на которых Мадрид должен сконцентрировать свое внимание: упрощение институциональной модели реализации внешней культурной политики, усиление роли испанского языка в рамках Европейского союза, закрепление за испанским языком официального статуса в США, защита позиций Испании в странах Латинской Америки. В условиях, когда геополитическая картина мира постоянно усложняется⁷, использование культурных механизмов способно сохранить или даже усилить позиции Испании на международной арене.

Перспективы внешней культурной политики Испании

Одной из отличительных черт стратегии внешней культурной политики Испании и ее

слабостью является *распределение полномочий* между более чем тридцатью государственными, региональными и локальными институтами, к которым следует добавить частные организации и фонды, занимающиеся вопросами культуры за пределами Испании⁸. Эффективность внешней культурной деятельности снижается и в связи с конкуренцией за бюджет: в среднем около 80% находится в управлении МИД, а оставшиеся 20% распределяются Министерством культуры и спорта. Анализ отчетов за последние 10 лет показывает, что основной причиной этого изменения является концентрация государственных расходов на развитии сети Институтов Сервантеса, которые составляют более двух третей бюджета МИД Испании. В этой связи возникает вопрос, в какой степени внешняя культурная деятельность должна оставаться в компетенции двух министерств, или же следует все сосредоточить у Института Сервантеса. Распределение сфер компетенции представляется скорее следствием незавершенного процесса постоянной частичной реструктуризации министерств, чем результатом целенаправленного планирования. Вместе с тем заявления РАСЕ о разработке механизмов для усиления сотрудничества и интеграции элементов в единую эффективную систему не подкрепляются реальными действиями. Дальнейшее развитие внешней культурной политики страны должно быть тесно связано с реформой сложившейся модели, которая должна устранить интерференцию компетенций и обеспечить долгосрочное финансирование, не зависящее от политики властной партии. Реформа должна коснуться и государственно-частного сотрудничества, которое превратило Альянс Франсез в крупнейшую сеть изучения французского языка в мире. Данная модель «франшиз» является примером для Института Сервантеса, так как позволила бы существенно ускорить свое распространение, особенно в странах с высоким спросом на изучение испанского языка (Япония, Россия), присутствие в которых ограничено ввиду недостаточного государственного финансирования.

Отношения с Европейским союзом, безусловно, являются одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Испании. Согласно «Стратегии внешнеполитической деятельности», целью Мадрида является укрепление своих позиций как в общеевропейских институтах, так и за счет углубления двустороннего сотрудничества. Кроме того, Испания до сих пор получает субсидии из общеевропейских фондов⁹, что ставит реализацию национальных интересов в прямую зависимость от решений Брюсселя. В рамках *усиления роли испанского языка на территории ЕС* Мадрид принимает активное участие в выработке единой европейской культурной политики. Анализ официальных документов¹⁰ показывает, что одним из приоритетных направлений испанской

евродипломатии является выведение испанского языка в ранг активно используемых Евросоюзом на переговорах и при оформлении официальных документов. Присутствие синхронных переводчиков и документов на испанском языке должно способствовать изменению восприятия Испании с «периферийной страны» Евросоюза на одну из стран так называемого ядра, чему способствует выход Великобритании из организации.

Латинская Америка и Карибский бассейн разделяют с Испанией общие ценности, интересы и приоритеты, выражающиеся в работе различных комиссий и организаций, одной из целей которых является выработка единой позиции по вопросам актуальной международной повестки дня. В эпоху конкуренции между различными международными игроками и пересмотра геополитического баланса Испания может извлечь выгоду из своих исторических, культурных, экономических и политических связей с регионом для укрепления своего присутствия. Кроме того, вес Испании в регионе укрепляет ее позиции в Европейском союзе, а также признается такими крупными игроками, как США, Россия и Китай.

Венесуэльский кризис поставил под угрозу механизмы регионального сотрудничества, система Иberoамериканских встреч на высшем уровне в настоящее время является единственным органом, объединяющим все иberoамериканские государства. Необходимость усиления региональных организаций и механизмов обуславливает активизацию культурного сотрудничества Испании с Мексикой, которая является стратегическим партнером Мадрида в регионе, а также первой страной в мире по количеству носителей языка. Усиление роли субрегиональных организаций должно способствовать закреплению Испании на Кубе в условиях ее перехода к новой политической и экономической модели после принятия конституции 2019 г. Несмотря на то что отношения Гаваны и Вашингтона нельзя назвать близкими, Мадрид не может исключить роста влияния США в будущем.

По прогнозам ООН, в середине XXI в. около половины роста населения планеты придется на африканский континент, что приведет к увеличению носителей французского и португальского языка. Латиноамериканский регион замедлит свое развитие или даже потеряет население к концу этого столетия, в то время как темпы роста в Северной Америке и Океании превысят темпы роста в Азии, Латинской Америке и Карибском бассейне¹¹. Данные прогнозы позволяют предположить, что *Соединенные Штаты станут приоритетом внешней культурной политики Испании* как страна, в которой к 2050 г. сосредоточится наибольшее количество испаноговорящего населения. Именно ситуация в США сыграет решающую роль в консолидации испанского как второго языка международного общения¹².

Международные отношения Испании и США поддерживаются на нескольких уровнях: преимущественно экономические в рамках действий Европейского союза, в сфере безопасности – двусторонние и в рамках Атлантического альянса. Соединенные Штаты Америки продолжают оставаться важным политическим и экономическим партнером, главным союзником в области безопасности и обороны, а также страной, в которой влияние латиноамериканского населения имеет большое значение. Согласно проекту новой внешнеполитической стратегии Испании¹³, основным приоритетом для региона станет укрепление двусторонних отношений с США в связи с тем, что администрация Байдена открыта для диалога и развития отношений с Испанией и ЕС. Таким образом, Испания будет стремиться к более широкой повестке дня двусторонних отношений, особенно в экономической и торговой сфере, и к поддержанию сотрудничества в сфере обороны (в период 2021–2024 гг. должен быть пересмотрен Договор о взаимной обороне). Логичным следствием представляется активное развитие культурных связей на базе неуклонного роста испаноговорящего населения.

Несмотря на то что 17,4% населения США составляют латиноамериканцы, испанский язык до сих пор больше зависит от иммиграционного потока, чем от его распространения за счет представителей второго и третьего поколения. Распространение и популяризация испанской культуры сталкивается не только с серьезной конкуренцией других языков, но также и с государственной культурной и образовательной политикой, которая, варьируясь в разных штатах, все же не способствует сохранению испанского наследия¹⁴. И если от ситуации в Соединенных Штатах будет зависеть будущее испанских языка и культуры на международной арене, то разработка соответствующей стратегии защиты и продвижения должна стать приоритетной во внешней культурной политике Испании. В защиту этого тезиса можно привести две инициативы. Первая – создание Обсерватории испанского языка и латиноамериканских культур в США (совместный проект Института Сервантеса и Гарвардского университета), направленной не только на исследование испанского языка в мире, но и на улучшение его восприятия в научных кругах как престижного.

Вторая инициатива включает в себя два соглашения, подписанные Испанией с Министерством иностранных дел Мексики в 2012 г. и с Национальным автономным университетом Мексики (UNAM) в 2013 г., для совместного использования испанских и мексиканских культурных пространств, включая 50 консульств и четыре крупных образовательных центра UNAM в США. Таким образом, Мексика стала первым за последние три года стратегическим партнером: как ожидается, другие страны вскоре последуют

той же линии защиты и продвижения испанского языка в мире. Учитывая, что две трети граждан США латиноамериканского происхождения имеют мексиканское прошлое, кажется очевидным, что любая политика по продвижению языка в этой стране должна осуществляться при поддержке мексиканских учреждений.

Стоит также отметить, что многие испанские корпорации – от издательств до банков – используют Латинскую Америку в качестве плацдарма для дальнейшей интернационализации¹⁵, а потому регион сам по себе обладает сильным экономическим и политическим значением для Испании и будет являться одним из приоритетных векторов ее внешней политики, в том числе культурной.

С учетом перманентной трансформации международного пространства Испании необходимо создание системной программы ее внешней культурной политики. Тем более что в международных отношениях появляются все новые вызовы, в первую очередь цифровизация¹⁶. Между тем Испания существенно отстает в своем культурном присутствии в Интернете, в отличие, например, от Франции, Великобритании и Германии.

Тем не менее, внешняя культурная политика Испании постепенно выстраивается в интересах усиления позиций на мировой арене. В этих условиях Испании необходимо среднесрочное стратегическое планирование, включающее в себя конкретные и измеримые цели, согласующиеся с внешнеполитическими целями, культурным потенциалом, инструментами, финансированием, развитием государственно-частного партнерства.

Примечания

- 1 См.: Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Выработка определения внешней культурной политики в современном научном дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4, ч. 1. С. 25–27.
- 2 См.: Badillo Á. Las políticas públicas de acción cultural exterior de España // Revista del Real Instituto Elcano. 2014. № 2. P. 52–91.
- 3 См.: Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Актуальные тенденции внешней культурной политики Испании // Латинская Америка. 2013. № 9. С. 47–57.
- 4 См.: Ley 2/2014, de 25 de marzo, de la Acción y del Servicio Exterior del Estado // Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2014/03/26/pdfs/BOE-A-2014-3248.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).
- 5 См.: Proyecto de la Estrategia de Acción Exterior 2021–2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Documents/Proyecto%20Estrategia%20Accio%cc%81n%20Exterior%202021-2024.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).

- ⁶ См.: *Rodríguez Gómez A. A.* La diplomacia pública española desde 1939 a 2012. Comunicación, imagen y marca España : memoria para optar al grado de doctor. Madrid, 2014.
- ⁷ См.: *Белозёров В. К.* Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1. С. 11–16.
- ⁸ См.: *Galindo Villoria F., Granados Martínez P., Gutiérrez del Castillo R.* Informe sobre la acción cultural de España en el exterior. Madrid : Sociedad General de Autores de España, 2010.
- ⁹ См.: *Захаров А. Н., Серединская К. С.* Анализ региональной политики ЕС на примере Испании // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 8. С. 60–71.
- ¹⁰ См.: *Vitores D. F.* Las lenguas en la Unión Europea y la situación del español // El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes 2010–2011. Madrid : Instituto Cervantes, Boletín Oficial del Estado, 2011. P. 17–76.
- ¹¹ См.: La situación demográfica en el mundo 2014. Informe conciso (ST/ESA/SER. A/354). Nueva York : Organización de las Naciones Unidas, 2014.
- ¹² См.: *García de la Concha V.* El español en la escena lingüística internacional // Política Exterior. 2013. № 155. P. 108–116.
- ¹³ См.: Proyecto de la Estrategia de Acción Exterior 2021–2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación.
- ¹⁴ См.: *Steinmetz S., González Tosat C., Moreno Fernández F.* Mapa hispano de los Estados Unidos-2015 // Instituto Cervantes at FAS – Harvard University. URL: http://cervantesobservatorio.fas.harvard.edu/sites/default/files/014_informes_mapa_hispano_eeuu_2015_compressed1.pdf (дата обращения: 11.02.2021).
- ¹⁵ См.: *Емельянов А. И.* Геополитика Латинской Америки. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.
- ¹⁶ См.: *Белозёров В. К.* Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 177–194. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Поступила в редакцию 21.02.2021, после рецензирования 24.02.2021, принята к публикации 27.02.2021
Received 21.02.2021, revised 24.02.2021, accepted 27.02.2021

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-238-242>

Особенности рекламных коммуникаций оппозиционного кандидата (на материалах предвыборной кампании П. Н. Грудинина)

А. И. Рафиков

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Россия, 193232, г. Санкт-Петербург, просп. Большевиков, д. 22, корп. 1

Рафиков Артур Ильдарович, ассистент кафедры социально-политических наук, arturrafikov24@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1118-5795>

Аннотация. В статье отражены результаты исследования рекламной коммуникации кандидата П. Н. Грудинина. С опорой на данные социологических исследований выдвинут тезис о неактуальности продвигаемой кандидатом политической идеи среди большинства избирателей страны. Выделены следующие особенности рекламной коммуникации: апелляция к прошлому, отсутствие попытки расширения электоральной базы, использование оппозиций.

Ключевые слова: рекламные коммуникации, политическая реклама, политическая мобилизация

Для цитирования: Рафиков А. И. Особенности рекламных коммуникаций оппозиционного кандидата (на материалах предвыборной кампании П. Н. Грудинина) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 238–242. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-238-242>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-238-242>

Advertising communications of an opposition candidate (A case study of Pavel Grudinin's electoral campaign)

A. I. Rafikov

The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, 22, build. 1 Bolshevikov Ave., Saint Petersburg 193232, Russia

Artur I. Rafikov, arturrafikov24@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1118-5795>

Abstract. The article contains results of the research of advertising communication of the candidate P. N. Grudinin. Drawing on the data from social surveys, the author puts forward a thesis that the political idea promoted by the candidate is irrelevant for the majority of voters in Russia. The following features of advertising communications are highlighted: an appeal to the past; the lack of attempts to expand the electoral base; use of oppositions.

Keywords: advertising communications, political advertising, political mobilization

For citation: Rafikov A. I. Advertising communications of an opposition candidate (A case study of Pavel Grudinin's electoral campaign). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 238–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-238-242>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Использование рекламных коммуникаций (далее – РК) является неотъемлемой частью практически любой предвыборной кампании. Будучи встроенными в общую коммуникационную стратегию кандидата, РК дают возможность донести до электората свое представление о существующей политической реальности и предложить конкретные шаги по ее изменению. Результатом эффективной коммуникации с электоратом может стать если и не победа на выборах, то как минимум внушительный процент

полученных голосов, что также сказывается на дальнейшем политическом процессе.

Практика применения РК в политической сфере в России и за рубежом сформировала целый арсенал стратегий и приемов политической рекламы. Одновременно со становлением специалистов, занимающихся разработкой политической рекламы, пришло и осознание того, что реклама в политической сфере (как, впрочем, и в любой другой – коммерческой, социальной) не может проектироваться в отрыве от существующих

ющей социально-политической реальности, политического процесса. Это позволяет говорить об институционализации рекламы, о ее важной роли в выборном процессе.

Один из самых значимых эффектов, на которые рассчитывает адресант рекламных коммуникаций, – это мобилизационный эффект. РК являются убеждающей дискурсивной формой, посредством которой осуществляется процесс социально-политической мобилизации¹. Предполагается, что эффективные РК способны объединить реципиентов и побудить их к совершению определенных действий – проголосовать за кандидата, агитировать в его пользу среди ближнего круга.

Избирательные кампании последних лет в России характеризуются низким мобилизационным эффектом от РК и, как следствие, невысокой явкой избирателей на выборы (в среднем 60–67%). Безусловно, на явку влияют не только осуществляемые со стороны кандидатов рекламные коммуникации, но и другие факторы (имиджевые характеристики кандидата, его рейтинг, рейтинги других кандидатов, уровень политической культуры, уровень недоверия к системе выборов, причины личного характера). Тем не менее, во многом именно коммуникативные технологии могут стать для избирателей драйвером принятия участия в выборном процессе. Оппозиционным кандидатам зачастую с трудом удается мобилизовать протестный электорат, что видно на примере результатов выборов Президента России в 2018 г.: ни один из альтернативных кандидатов не сумел и близко подобраться к внушительным результатам действующего на момент выборов инкумбента. При этом целью некоторых РК (по словам руководителей предвыборных штабов) как раз и была мобилизация электората². Так, целью политической рекламы Г. Явлинского, по словам руководителя предвыборного штаба Н. Рыбакова³, являлось привлечение на выборы максимального количества своих сторонников, чтобы набрать 10% голосов. В итоге же был набран лишь 1% голосов. Получается, что РК зачастую не выполняют возложенных на них ожиданий, они неэффективны, часто вызывают вопросы и в конечном итоге не способны осуществить политическую мобилизацию в тех масштабах, на которые рассчитывали адресанты послания.

В чем заключаются причины низкой мобилизации электората? Как уже было отмечено, на желание избирателя принять участие в выборах, отдать голос за того или иного кандидата, а то и вовсе проигнорировать день голосования влияет множество факторов. Однако именно РК во многом формируют представления избирателей о кандидатах, их программных тезисах, помогают провести между ними различия. Дополнительное значение коммуникации приобретают в условиях нарастающих информационных потоков со стороны СМИ и Интернета, а также высокой конкуренции между источниками информации.

Цель данной статьи – выявить, насколько действенными оказались рекламные коммуникации в избирательной кампании оппозиционного кандидата П. Н. Грудина, осуществляемые им в рамках президентских выборов 2018 г. По итогам выборов кандидат набрал 11,77% голосов, заняв второе место. Разрыв с победителем (В. В. Путин – 76,69%) составил более 64,92% голосов.

Для достижения указанной цели предусмотрен следующий исследовательский алгоритм.

Этап 1. Выявить концептуальные основания политической программы кандидата, а также ее целевую аудиторию. В качестве метода исследования целесообразно использовать метод риторического анализа. Взгляд на предвыборные кампании под призмой риторики подробно изложен в работе Г. Г. Хазагерова «Политическая риторика»⁴. В контексте нашего исследования риторический анализ будет направлен на выявление речевых стратегий, с помощью которых кандидат формулирует свою политическую программу, а также стремится осуществить политическую мобилизацию. Таким образом, результаты риторического анализа помогут уточнить концептуальные основания и характеристики программы оппозиционного кандидата. В качестве материала для исследования взят видеоролик, содержащий рекламный материал П. Н. Грудина, демонстрируемый по телевидению в рамках избирательной кампании 2018 г.⁵

Этап 2. С помощью открытых социологических данных выявить, насколько население страны готово было поддержать идеи, продвигаемые кандидатом.

Этап 1

В качестве опорной процедуры проведения риторического анализа взята процедура, предложенная в работе О. А. Леонтович «Методы коммуникативных исследований»⁶. Среди прочих процедура предполагает анализ следующих параметров текста:

- 1) общая характеристика текста;
- 2) композиция и логика построения текста;
- 3) аргументативные стратегии;
- 4) риторические формы и стратегии;
- 5) экспрессивные средства и стилистические приемы;
- 6) невербальные средства усиления риторического воздействия.

Приведем произносимый кандидатом в ролике текст, а также озвученный закадровым голосом слоган полностью.

Социализм – величайшее достижение человечества. И наша страна первая его реализовала. Если помните, когда-то бензин стоил 10 копеек, а молоко – 27. Я жил в это время. Благодаря нам в мире появился восьмичасовой рабочий день, бесплатное образование и здравоохранение, права женщин, пенсии, социальные выплаты и многое другое. Многие страны Европы и Азии имеют левые правительства, идут по пути справедли-

востии и равных прав для всех. Но не мы. Мы без боя отдали наши права новым хозяевам: олигархам, чиновникам и их детям. Нигде нет, ни в одной стране мира этого – у нас есть понятие «работающие бедные». Человек работает, но он бедный. Пора вернуть нашу Родину себе. Пусть в нашей стране восторжествует свобода, равенство, братство и уважение к человеку труда.

Слоган: Грудинин. Человек, которого ждет Россия⁷.

1. Общая характеристика текста

Авторство

Учитывая тот факт, что практика РК предполагает их предварительное проектирование, можно предположить, что авторство произносимого в ролике текста носит коллективный характер: авторами выступили специалисты в сфере политического консультирования, сотрудники предвыборного штаба кандидата, а также сам кандидат.

Аудитория

Анализ ролика позволяет утверждать, что в качестве целевой аудитории выступают сторонники «левого» пути в развитии страны, приверженцы социалистических взглядов – действующий электорат КПРФ, а также избиратели, недовольные действующим социально-экономическим курсом. Отсутствует явно выраженное стремление привлечь на свою сторону электорат конкурентов или какой-либо из отдельных сегментов избирателей (женская аудитория, молодежная аудитория и др.).

Контекст

Анализируемый видеоролик демонстрировался в рекламных блоках между трансляцией предвыборных теледебатов, в настоящее время находится в открытом доступе в Интернете. Необходимо учитывать, что в процессе трехдневных дебатов П. Н. Грудинин принял решение покинуть дебаты и в дальнейшем его заменили доверенные лица. Таким образом, демонстрируемый в перерывах видеоролик обрел дополнительное значение, так как в нем зрители могли увидеть отсутствующего на дебатах кандидата.

Цель автора – указать на предпочтительность социалистического пути в развитии страны.

2. Композиция и логика построения текста

Произносимый кандидатом текст начинается с фразы, которая маркирует его как человека социалистических взглядов, обязывая впоследствии придерживаться именно социалистического дискурса, интерпретируя политическую картину мира в его рамках. Логика умозаключений базируется на тезисе об успешном (с точки зрения автора) опыте построения социалистического общества. Кандидат апеллирует к прошлому страны, к ее достижениям.

После демонстрации преимуществ социалистической модели управления кандидат обращает внимание на сегодняшнюю действительность, демонстрируя ее исключительно в негативном ключе. Таким образом, связь между частями про-

износимого текста основана на хронологическом принципе: от прошлого кандидат переходит к настоящему. В тексте отчетливо просматривается и причинно-следственная связь: причиной поддержки кандидата на выборах является тот факт, что он опирается на модель управления, зарекомендовавшую себя в прошлом как эффективную. В заключительной части текста кандидат произносит призывы, направленные на осуществление политической мобилизации.

3. Аргументативные стратегии

Применена характерная для рекламного дискурса стратегия «выбор большинства / выбор многих». Суть стратегии заключается в демонстрации выбора того или иного решения/товара/услуги неким большинством, внушительной группой людей (покупателей/избирателей). Подразумевается, что выбор большинства по определению свидетельствует о состоятельности и эффективности продвигаемого варианта. В анализируемом тексте в качестве привлекательного общественного устройства подразумевается социализм: *Многие страны Европы и Азии имеют левые правительства, идут по пути справедливости и равных прав для всех*⁸.

Особо следует выделить стратегию «поиск и обнаружение врага». В тексте четко обозначены политические противники: «новые хозяева» – олигархи, чиновники и их дети. При этом выражение «новые хозяева» можно интерпретировать как обозначение новой экономической и политической элиты, сменившей советскую элиту после распада СССР. В контексте ролика это понятие используется в негативном ключе.

В качестве аргументов для поддержки избранного курса приводятся достижения советского прошлого (восьмичасовой рабочий день, бесплатное образование и здравоохранение, права женщин, пенсии, социальные выплаты).

4. Риторические формы и стратегии

Основной риторической формой выступает повествование. Для убеждения аудитории актер приводит примеры из истории страны, апеллирует к привлекательным для населения экономическим реалиям советского прошлого: *Если помните, когда-то бензин стоил 10 копеек, а молоко – 27⁹*. Данное обращение призвано вызвать у реципиентов ностальгические чувства по советскому прошлому. Приведенная риторическая форма является довольно распространенной среди «левых» политиков.

Политический актер намеренно противопоставляет разные исторические периоды и выстраивает две оппозиции с целью показать предпочтительность предлагаемого им пути. Оппозиция 1: «светлое прошлое – темное настоящее». В первой части текста автор рисует картину благополучного советского прошлого, во второй – указывает на «мрачное» настоящее, неприглядную картину сегодняшнего дня. Оппозиция 2: «свой – чужой». Оппозиция предполагает

выделение сторонников (*страны Европы и Азии*) и противников (*новые хозяева*).

5. Экспрессивные средства и стилистические приемы

Анализируемый текст содержит ряд лексических единиц и словосочетаний, указывающих на главенство в тексте «левого дискурса»: *социализм; путь справедливости и равных прав для всех; свобода, равенство, братство; человек труда*.

С точки зрения фреймового подхода к пониманию текста, перечисленные лексемы и словосочетания вызывают ассоциативные цепочки, связанные с советской идеологией и ценностями. Например, лозунг «Свобода, равенство, братство» – политический лозунг Великой французской революции, позднее функционировавший в общественно-политическом дискурсе СССР, – будет близок возрастной аудитории, составляющей ядро электората политика.

Формулировка, используемая в слогане («Президент, которого ждали»), призвана подчеркнуть «новизну» кандидата, стремится удовлетворить запрос на новых лиц в политике, запрос на смену действующей власти со стороны оппозиционного электората. В целом, можно указать на то, что слоган обладает ярко выраженным оппозиционным началом по отношению к действующему политическому режиму и к фигуре действующего Президента: на момент избирательной кампании В. В. Путин избирался трижды и выдвинул свою кандидатуру в четвертый раз.

6. Невербальные средства усиления риторического воздействия

Тональность обращения кандидата подчеркивается внешним видом – классический костюм с галстуком, что символизирует собранность и официальный, рабочий настрой кандидата. Возникает ощущение, что кандидат хотел продемонстрировать серьезное отношение к предстоящему процессу и готовность работать над достижением главной цели. Аудиальный компонент представлен аудиодорожкой. Музыка можно охарактеризовать как «духподъемную», «решительную». Она выгодно подчеркивает мобилизующие высказывания кандидата.

Этап 2

Обращение к результатам социологических исследований, в той или иной мере затрагивающих вопрос отношения населения России к периоду СССР, позволяет сформулировать следующие концептуальные положения, касающиеся отношения к СССР и левой идее. По данным социологического исследования «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении» (Левада-Центр), две трети населения страны сожалеют о распаде СССР¹⁰. При этом чувство сожаления не приводит к желанию «реставрации» советского строя в условиях современной России – о таком желании высказываются менее трети опрошенных: в период с 2000 по 2019 г. коли-

чество сторонников этого пути колебалось от 18% (март 2000 г.) до 28% (май 2019 г.). Более приоритетным для населения, по данным исследования, является «свой собственный, особый путь»: в период с 2000 по 2019 г. число его сторонников колебалось от 37 до 60%. «Пойти по пути европейских стран» в период с 2000 по 2019 г. изъявили желание от 10 до 31% опрошенных.

Для выявления отношения электората к текущей политической действительности накануне выборов обратимся к результатам социологического исследования «Социальное самочувствие населения России. Перемены VS Стабильность. Образ будущего», проведенного ВЦИОМ и опубликованного за три месяца до выборов¹¹. Согласно его данным, по состоянию на сентябрь 2017 г. (за полгода до выборов) большинство респондентов не устраивала социальная политика, проводимая действующей властью (41% опрошенных); отчасти устраивала, отчасти нет – 29%. В целом, социальная политика устраивала лишь 1/5 часть респондентов (22%). Затруднились ответить 8% опрошенных. Схожие данные получены и в вопросе, касающемся оценки экономической политики действующих властей: 37% – в целом не устраивает; отчасти устраивает, отчасти нет – 29%; устраивает – 24%; 9% опрошенных затруднились ответить. Результаты проведенного исследования позволили обозначить сферы, которые, по мнению россиян, нуждаются в переменах прежде всего: это здравоохранение, борьба с коррупцией, а также материальное положение населения. Именно эти три сферы респонденты выбирали чаще всего.

Советское прошлое в глазах большинства населения хотя и обладает во многих аспектах положительным образом, однако не является тем путем, по которому необходимо направить страну. Если политический актер стремится продвигать идеи, неактуальные для большей части избирателей (в проанализированном кейсе ключевой идеей была «реставрация» социалистических порядков), то процесс политической мобилизации будет трудноосуществим. Безусловно, в российском обществе накануне выборов 2018 г. существовал запрос на социальные и экономические перемены, однако, как показывают социологические исследования, возвращаться при этом в советское прошлое оно уже не хотело.

Таким образом, представляется возможным сделать выводы относительно особенностей применения рекламных коммуникаций оппозиционным кандидатом П. Н. Грудининым и его командой.

1. Кандидат уделяет большое внимание истории страны в период существования СССР. По мнению авторов монографии «Политическая реклама» (Е. В. Егорова-Гантман, К. В. Плешаков, В. Б. Байбакова), обращение к прошлому в политической рекламе может иметь двойственный эффект воздействия на аудиторию¹². С одной стороны, исторические аналогии помогают избирателям лучше понять текущую политическую ситуацию, а

также определиться со стратегией поведения в ней, с выбором среди имеющихся кандидатов. С другой – проводимые аналогии и сравнения настоящего с прошлым могут быть неверными и в конечном счете негативно сказаться на результатах избирательной кампании кандидата. Применительно к рассматриваемому нами примеру избиратели могут приписать оппозиционному коммунистическому кандидату П. Н. Груднину облик, свойственный коммунистическим лидерам периода СССР, хотя в действительности его психологический профиль и стиль поведения могут быть существенно иными. Другая возможная проблема, о которой говорят авторы монографии, – излишне догматичный подход к сегодняшней политической ситуации без учета ее специфики. Собственные воспоминания избирателя о прошлом (положительные или отрицательные) носят избирательный характер, к тому же они комбинируются с новой информацией, получаемой от оппозиционного кандидата по поводу этого прошлого и характеризующей это прошлое исключительно в положительном ключе. Данный подход не учитывает множества специфических факторов (нынешнее социально-экономическое положение страны, размер ее территории и т. д.).

2. В проанализированных рекламных коммуникациях отсутствует попытка расширить электоральную базу оппозиционного кандидата. В качестве целевой аудитории выступают действующий электорат КППРФ, а также избиратели, не довольные действующим социально-экономическим курсом. Отсутствует стремление привлечь на свою сторону электорат конкурентов или какой-либо из отдельных сегментов избирателей (женская аудитория, молодежная аудитория и др.). Во многом на это указывает используемая в тексте лексика, которая более близка и понятна преимущественно возрастной аудитории, заставшей период СССР, и при этом будет чужда молодежной аудитории. Схожий вывод относительно коммуникаций кандидатов коммунистической направленности мы находим у исследователя М. В. Костюниной¹³. Автор проанализировал предвыборное выступление кандидата на пост Президента РФ в 2008 г. Г. А. Зюганова и указал на тот факт, что использование советских штампов в речи и в целом риторическая традиция советских времен, на которой базируется предвыборный дискурс коммунистического кандидата, вряд ли может заинтересовать молодое поколение.

3. Кандидат активно использует оппозиции (противопоставления). Данный прием весьма характерен для практики политической рекламы. Так, в анализируемом кейсе основным аргументом рекламной коммуникации, призванным мобилизовать электорат, является удачный опыт построения социалистического общества в СССР. Этот опыт ставится в оппозицию по отношению к сегодняш-

ней действительности (настоящее), рассматриваемой оппозиционным кандидатом исключительно в негативном ключе. Использование дихотомии «они и мы» призвано оказать мобилизирующее воздействие на реципиентов. В целом, можно констатировать, что данный прием обладает мобилизационным эффектом, особенно в кризисных ситуациях (война, революция и т. д.), но при этом активно используется и в мирное время. С другой стороны, выстраивание оппозиций призвано упорядочить действующую политическую реальность в глазах избирателя, показать ему «реальное» положение вещей (с точки зрения оппозиционного кандидата), указать на тех, кто является политическим противником, а кто – сторонником.

Примечания

- 1 См.: Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / науч. ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. М. : Флинта ; Наука, 2016. С. 39.
- 2 См.: «Если будет запрос на чернуху, мы об этом подумаем» // Медуза. URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/12/esli-budet-zapros-na-chernuhu-my-ob-etom-podumaem> (дата обращения: 10.09.2020).
- 3 Там же.
- 4 См.: Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М. : Никколо М, 2002.
- 5 См.: Политическая реклама. Павел Груднин. Россия-2018. Дорога к социализму // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XEAho2q7wYM&ab_channel=AgitPropRF (дата обращения: 10.09.2020).
- 6 См.: Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис, 2011.
- 7 Политическая реклама. Павел Груднин. Россия-2018. Дорога к социализму.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 См.: Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении // Левада-Центр. URL: <https://www.initiative-communiste.fr/wp-content/uploads/2020/03/URSS-sondage-Levada-%C3%A9vier-2020.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).
- 11 См.: Социальное самочувствие населения России. Перемены VS Стабильность. Образ будущего // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017_11_24_socialnoe_samochuvstvie_naseleniya1.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
- 12 См.: Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В., Байбакова В. Б. Политическая реклама. М. : Никколо М, 1999.
- 13 См.: Костюнина М. В. Аргументация и манипуляция как средства убеждения в российском политическом дискурсе (на материале предвыборных речей российских политиков за 2008 г.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 307–330.

Поступила в редакцию 13.02.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 24.02.2021
Received 13.02.2021, revised 20.02.2021, accepted 24.02.2021

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Редколлегия журнала извещает читателей о внесенных изменениях в статье

Malfait M. The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow [*Малфет М.* Разведывательные службы ЕС: проблемы информационной перегрузки] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 228–235. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-228-235>

По просьбе автора аффилиация изменена на следующую:

Малфет Милка, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, milkamalfait@gmail.com (Аффилиация изменена по просьбе автора 29.04.2021).

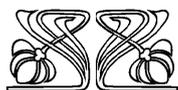
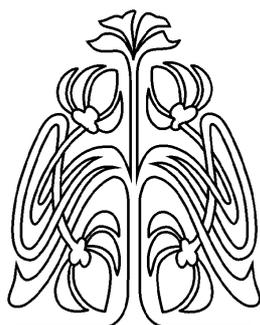
Milka Malfait, <https://orcid.org/0000-0002-7438-4700>, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia, milkamalfait@gmail.com (Affiliation changed at the request of the author 29.04.2021).

The editorial board of the journal notifies readers of the changes made to the article

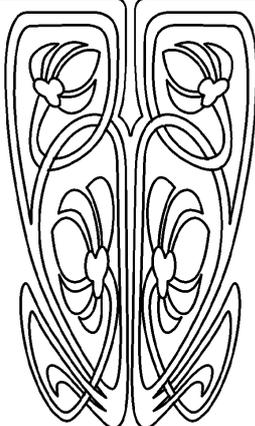
Malfait M. The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 228–235. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-228-235>

At the request of the author, the affiliation has been changed to the following:

Milka Malfait, <https://orcid.org/0000-0002-7438-4700>, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia, milkamalfait@gmail.com (Affiliation changed at the request of the author 29.04.2021).

ПОДПИСКА

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <http://soziopolit.sgu.ru/>